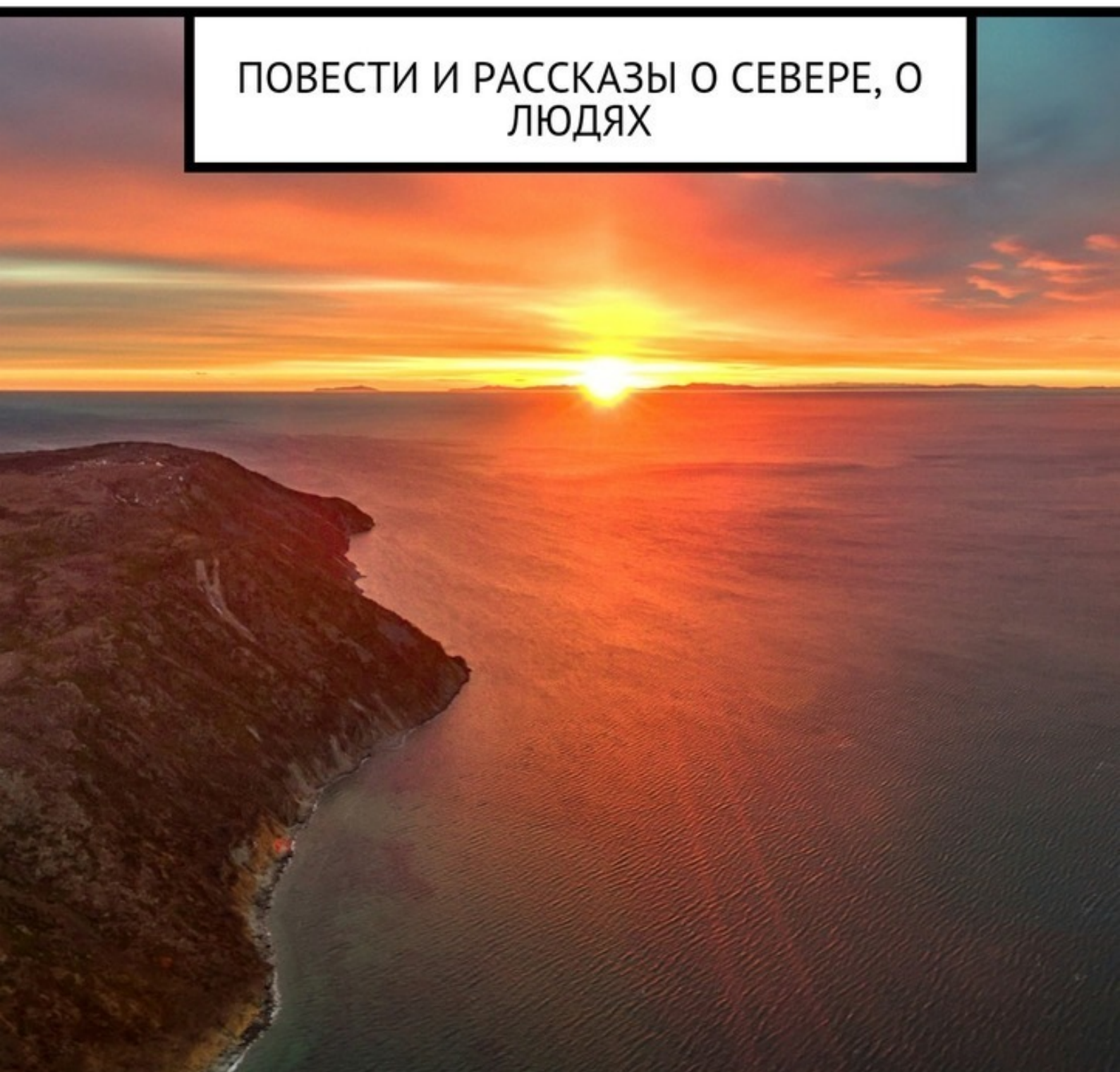

ВЛАДИМИР ГАМАЮН

Остров «Недоразумения»

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ О СЕВЕРЕ, О
ЛЮДЯХ

Владимир Гамаюн

Остров «Недоразумения».
Повести и рассказы
о севере, о людях

«Издательские решения»

Гамаюн В.

Остров «Недоразумения». Повести и рассказы о севере, о людях / В. Гамаюн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839616-8

Я хочу рассказать читателю о северном сиянии, о реке Колыме и Охотском море, о голубых сопках и хрустальных ручьях, о таёжных дебрях и тундре с голубым оленьим ягелем. О том, как добывается золото и какой ценой оно даётся. Начав писать эту большую северную повесть в рассказах, я решил писать только голую правду, какой бы некрасивой и горькой она ни была, ведь изнанка жизни всегда темней, чем нам хотелось бы.

ISBN 978-5-44-839616-8

© Гамаюн В.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Предисловие	7
Магадан, Колыма, Синегорье	8
Немного о крае	8
Друг мой Серёга	10
Женская баня	21
Остров корабль	23
Друг мой Васька, и его кот Василий	35
Ну и дела пошли, кобелиные!	39
Мы опять в Армани	46
Судьбы человечьи	49
Магаданский рыбак Борька	55
Вещий сон, «Мой остров»...	61
Колыма, старательская артель «...беда»	65
Вступление	66
Часть 1. Путь к «Победе»?	68
Часть 2. Смерть Сани мониторщика	72
Колымская курьёзная повесть	74
Арсен, Жека, и «К»	80
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Остров «Недоразумения»

Повести и рассказы о севере, о людях

Владимир Гамаюн

© Владимир Гамаюн, 2017

ISBN 978-5-4483-9616-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Чтобы жить честно, надо рваться,
путаться, биться, ошибаться, начинать
и бросать, и опять начинать, и опять
бросать, и вечно бороться и лишаться.
А спокойствие – душевная подлость.*

Л Н Толстой

Об авторе

Я не от нечего делать, и не вдруг начал писать эту книгу, есть такое печальное слово: — Ностальгия. Вот и я, на исходе лет, живя одними воспоминаниями, испытал это, острое до боли чувство. Это была память прошлых молодых лет жившая во мне все эти годы. В моей памяти сохранились не только те места где я бывал, но и те о которых только мечтал, но человеческая жизнь коротка и никакой жизни не хватит чтоб угнаться за своей мечтой. Я двадцать лет отдал крайнему северу, и думаю что имею право рассказать о том что испытал сам, о товарищах бывших со мной рядом, о больших и малых северных стройка. И мне кажется что ещё важнее рассказать читателю о северном сиянии, о реке Колыме и Охотском море, о голубых сопках и запахе багульника, о хрустальных ручьях и таёжных дебрях. Рассказать и о том как добывается золото и какой ценой оно даётся. Я хотел написать книгу о чём-то хорошем и светлом, но в жизни столько негатива что светлая книга о жизни, просто не получится. Начав писать эту большую северную повесть в рассказах, я решил писать только голую правду, какой бы некрасивой и горькой она ни была, изнанка жизни всегда темней чем нам хотелось бы, но на то она и жизнь, а без острых углов нет ни геометрии, ни жизни. Путешествуйте вместе с мной по северным просторам, островам Охотского моря, тайге, и везде где вам хотелось бы побывать, а я буду вашим проводником в той, незнакомой многим жизни.

Здоровья вам всем, мечты, романтики и исполнения ваших желаний.

С уважением: Гамаюн Владимир Алексеевич. Месяц январь, год 2017 от рождества Христова.

Предисловие

В тысячный раз просматриваю старые Колымские снимки, фото Магадана, острова Недоразумения, жемчужины Колымы Синегорья, и сожалею что у меня нет фото всех тех мест где я бывал, работал или был проездом. Даже Устьсреднекан, где я работая в старательской артели «Победа» попав в аварию и пролежав почти четыре месяца в больнице Сеймчана, не отбил у меня охоту и любовь к Колыме. Двадцать лет скитаний по северам, по самым чудным местам в мире, не оставили в моей душе такого следа как Колыма.

Я знаю о любви, верности и преданности Магаданцев к своему городу, к Охотскому студёному морю, к планете под названием Колыма. И только волей случая и преклонных лет, оставив север, покинув эти края, я понял что такое ностальгия. Мне жаль тех, кто не видел той суровой красоты Охотского моря, не видел уникальной флоры и фауны, не испил водицы из хрустальных ручьёв, притоков Колымы.

Богатства недр, которые могут сравниться только с богатством биоресурсов Охотского моря, сам край уникален, видно творец потруился на славу создавая это земное чудо, в единственном экземпляре. Вот только жаль что для ещё одного такого Эльдорадо, у него видно уже не хватило ни сил, ни времени.

Чёрт видимо тоже приложил некоторые усилия, наградив Колыму удалённостью, труднодоступностью, сопками, бурными реками, непроходимой болотистой тундрой, морозами, и всем тем что затруднило бы доступ к богатствам моря, края, и конечно к золоту. Оттого и пропитана земля Колымы кровью многих поколений, о которых нам нельзя забывать. Вспоминая Колыму, я по прежнему испытываю восторг от настоящего, и ужас от мрачного прошлого, но наверное так и должно было быть, ведь ничего в жизни не должно доставаться легко. Суровый край, суровые люди, и они достойны друг друга. Да будет всегда так!

Магадан, Колыма, Синегорье

О тех: «Кто жизнь учил, не по учебникам»

Немного о крае

Магадан – главный город планеты Колыма, Синегорье – жемчужина в короне Колымы.

Никому не понять истинной красоты этого края, не увидев сопок, величественных гор, бескрайней тундры, не вдохнув солёного воздуха Охотского моря, не испив живой воды из родников и ручьёв, детей вечной мерзлоты.

Нельзя не восхищаться красотой Колымы, как и невозможно не содрогаться от ужасов мрачной истории Колымских лагерей.

Но мы уже давно живём сегодняшним днём, и, казалось бы, что самое страшное Колымы уже позади, но, проехав по Колымской трассе, начинаешь понимать, что не всё так просто и в наше время. Не говоря о многочисленных брошенных посёлках старателей, этих немых свидетелей прошлой бурной жизни, брошенной на алтарь золотодобычи, есть и памятники великих строек, подобных городу «Синегорье».

Там, где когда-то была первая улица «Энтузиастов» с деревянными двухэтажными домами, где мы возводили первые пятиэтажные дома на сваях в вечной мерзлоте, всё мёртво и жутко как на погосте. Но сама ГЭС работает и даёт ток, так, может, и не зря был построен, а потом это брошен город «Синегорье», как впрочем и другие посёлки экспедиций геологов, изыскателей, старательские посёлки, и город.

Моя боль, чужая Колымская память

Во мне живёт чья-то память той, прошлой, такой короткой и мучительной жизни. Я помню стылые лагерные бараки, лай исходящих злобой овчарок и такой же злобный мат конвоиров, гонящих нас в шахту. Они держат нас под прицелом, не сводя с нас взгляда, не снимая пальцев с курков автоматов. Они тепло одеты, у них сытые морды и жёсткий, наглый взгляд. Мы для них быдло, расходный материал, и стреляют они без колебаний, зная, что вместо «убывших» пригонят ещё и ещё, сколько надо. Прииск будет давать золото всегда, а конвейер смерти сможет остановить только сама смерть.

Мы добываем золото, его сотни, тысячи тонн, но и нас «тьма!» Нас сотни тысяч, миллионы, и нас ещё по-прежнему очень много, виноватых в чём-то и не в чём. Мы виноваты уже в том, что выжили и в огне фронтов, и в лагерной резне не на жизнь, а на смерть, и неизвестно, где было страшней, в лагерной войне, в этой смертельно-кровавой лагерной мясорубке или на фронте. Не зная об этом, мы были героями, а сейчас, хотя наша жизнь и гроша ломаного не стоит, хотя нас гнут, ломают, убивают, мы выживаем вопреки всему и за гранью человеческих возможностей. И как ни странно, но обретя в этом кошмаре себя и свое достоинство, мы по-прежнему оставались людьми. А кто про это не знал, учился становиться человеком. Нас не сломать даже Колыме, синониму ада.

Это – Колыма! Бежать здесь некуда, только в ад! И если он существует, то это здесь, и мы в нём уже находимся. Круг замкнулся! Кранты!

Нас гонят по этапу, не везут, а именно «гонят», как стадо, человеческое стадо холодных, голодных, больных и униженных людей. Бредём по пояс в снегу, рядом с трактором, по нему же идёт и охрана, держа нас под прицелом автоматов, а вокруг лишь тундра, белая мгла, вой пурги. Для многих из нас этот путь станет последним, станет дорогой в один конец.

Вот словно ветка надломилась – сухо треснул выстрел. Это был конец чьего-то пути, он не выдержал, оказался слаб, и оборвалась жизнь.

Сквозь завывания пурги слышен волчий вой, эти «санитары» идут за нашей колонной, они уже знают, что выстрел – это сигнал к пиршеству. А нас всё ещё много, и эта «похоронная команда» будет идти за нами до конца.

Жизнь – это какая-то страшная машина, мясорубка, не жалеющая ни идиота, ни гения, ни сильного, ни слабого. Слабые, аморфные выживают, приспособиваясь, проскальзывая сквозь жизненное сито той машины. Сильные не могут проскользнуть, не хотят и потому выходят поломанные, но не сломленные, и только постоянная физическая и душевная боль станет их спутником по жизни.

Откуда я знаю о той жизни, почему я помню о ней, зачем? Ведь это было так давно, совсем в другой жизни, и даже, возможно, не в моей. Я не хочу повторения этого страшного, уже пройденного, но не забытого урока.

Ледяная планета Колыма

Мороз за —60, и я вовсе не замёрз, я просто стал инеем. У меня уже нет рук, нет ног, мысли замёрзли в мозгу. Я сам холод, я стал стеклянным, и даже северное сияние, причудливо играющее в небе, не в силах согреть меня, оно и само дышит стужей. Последняя, как молния, вспышка мысли: «Я часть космического холода, я космос!»

Молюсь за спасение души

Я несколько раз тонул не из-за неумения плавать, а только из-за своей излишней самоуверенности. Однажды, не рассчитав прыжок, я врезался головой в дно, на время потеряв сознание, потом помню, как разрывались лёгкие от желания сделать глоток воздуха, я лежал на дне Охотского моря и лучи заходящего солнца били сквозь толщу чистой как слеза воды. Где солнце, там жизнь, и я, потерявший ориентацию, осознав это, по солнечным лучам всплываю к свету, к жизни. Я зачем-то и в тот раз выжил, ещё раз испытал судьбинушку. А в следующий?

Мне сейчас тоже не хватает воздуха, но у меня уже не хватит сил вдохнуть, поднявшись по солнечным лучам, которые становятся всё тоньше, и их становится всё меньше. Когда оборвётся последний тоненький лучик, мне уже будет не нужен воздух, я останусь на дне уже не жизни, а вечности и буду молить бога не о спасении тела, а о спасении душ.

Друг мой Серёга

С Серым мы познакомились в Магадане на бич-вокзале (автовокзале) совершенно случайно. Бич-вокзал – это место, где временно оседают все прилетающие романтики в надежде на работу, большие деньги и приключения. Ну и, конечно бичи, которых сейчас называют бомжами, и не обязательно это пропащие, опустившиеся люди, чаще это люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию. Вот в такой вот ситуации оказались и мы с Серым. Прописки, жилья, работы – ничего этого у нас не было, был только беспросвет и безнадега да ещё те небольшие деньги, которые у нас ещё были.

Позор Магадана и спасательный круг для многих, для кого жизнь прошла мимо. Посёлок «Каменный карьер» у бухты Нагаева. С 1973 года, моего первого приезда в Магадан, здесь ничего не изменилось. (на улице 2017год)

Первое время мы снимали «койки» в каких-то халупах в Нахаловке, на Каменном карьере. Потом перекочевали в какой-то посёлок за городом. Поиски работы пока ни к чему не приводили, никто нас здесь не ждал, а таких, как мы, было хоть забор городи. Как-то на хате, мы познакомились со старателями с Чукотки, они нас накормили, напоили и, что мне особенно запомнилось, угостили вкуснейшим палтусом холодного копчения, больше такой вкуснятины я не едал. Почти все они бывшие флотские, и после разговора по душам они пригласили меня лететь с ними в старательскую артель на Чукотку, обещая сделать пропуск в погранзону. Скрепя сердце я отказался, хотя для меня это было бы большой удачей. Серёгу они не могли взять, по причине судимости, а я уже не мог бросить его одного.

Как-то в поисках работы мы увидели объявление: «Требуется рабсила для работы в тундре, в оленеводческий совхоз». Решив, что мы прирожденные оленеводы и хвосты рогатым крутить сможем, мы рулим по адресу в объявлении. Это оказался институт «Мерзлотоведения». Заходим, находим нужный нам кабинет, на дверях табличка: «Иванов Иван Иванович». Заходим, сидит то ли чукча, то ли якут. Мужик оказался хороший, с чувством юмора, он сначала расхохотался до слез, а потом объяснил, почему ему так стало весело. Действительно, нет ничего смешнее, чем представить нас в роли оленеводов, хотя несколько вопросов он нам всё же задал:

«Сможете ли вы пробежать по тундре несколько десятков километров без перекура?» Что такое тундра мы уже знали, это – не ровное поле и не лужайка, как мы раньше думали, там шагу нельзя ступить, не то что бежать, ноги сломаешь, или в крайнем случае мордой в кочку угодишь, или тем же, но уже в лужу. Думаешь, что под ногой зеленая травка или ягель, а там воды по колено и лед подо мхом.

У чукчи на поясе только нож да за пазухой кусок оленины вяленой, за спиной палка, за которую продеты твои руки. Про баню забудь, привыкай чесаться, пока не достигнешь в этом совершенства, чтоб мог без труда доставать руками до любой части своего брэнного, грязного тела, не меняя выражения своего лица, тоже не очень чистого. Приблизительно так объяснив специфику труда оленевода, он выпроводил нас, пожелав напоследок успехов в жизни и в поисках работы, достойной таких чуваков, как мы. Спасибо ему за пожелания и за то, что не взял нас на работу (мы бы ему наработали).

Хотя мы с Серым жили на хате, но на бич-вокзал частенько заглядывали. Было начало марта, и вербовщики все чаще заглядывали в это злачное место в поисках рабсилы. Поступило и нам предложение ехать в поселок Армань, это в пятидесяти километрах от Магадана, на рыбозавод Тауйского рыбокомбината плотниками, а во время путины работать и на рыбе. Это было более чем кстати, потому что денежки у нас кончились, а в начальники или хотя бы в «бугры», никто почему-то не приглашал. Кроме нас набрали и бригаду хохлов из восьми человек. Все, так или иначе, родня: сват, кум, брат, свояк и так далее.

В Армани нам сказали, что отвезут нас на какой-то остров Невезения в Охотском море, ну и ладушки, где наша не пропадала! Хохлы в общаге, в Армани скучковались все в одной большой комнате, и нам с Серым там места не досталось. Мы обосновались вдвоем, в другой комнате, мест было навалом, потому что до путины было еще далеко, и общага практически была пуста. Денег у нас оставались копейки, а наши молодые организмы требовали жратвы. Хохлы сказали, что у них тэж грошей нема, и воны тэж хотят жрать.

Хоть и не очень ладно, но это ещё и не конец света, и проснувшийся в нас здоровый и голодный оптимизм толкает нас с Серым двинуть на поиски пропитания. Благодаря Серёге, а вернее, девчонкам, очарованным наглостью и мужским «шармом» натурального блондина Сереги, мы вскоре шли в общагу, груженные всякой вкуснятиной, среди которой преобладала, конечно, рыба, кета, горбуша и здоровенная зимняя селедка (вкуснейшая). Кажется, что девахи выгребли из домашних холодильников все, что могли, а шестнадцатого марта они же организовали мне шикарный день рождения, мне тогда исполнилось двадцать пять лет.

Немного гордясь своей добычей, врываемся в комнату хохлов, и, мама миа, мы остолбенели! По всей комнате стоят раскрытые чемоданы. В них – пластами розовое сало, яйца, пересыпанные семечками, чтоб не побились, горы лука и чеснока, свиная тушенка в банках стеклянных, домашняя колбаса на столе кольцами в промасленной бумаге, яблоки свежие, будто только что с дерева снятые, дух стоит, как в гастрономе и фруктовом магазине. Хохлы оцепенели, не зная, что сказать, а вид у них был как у нашкодивших котов. Наша добыча показалась нам жалкой по сравнению с тем, что мы увидели. Ну да хрен с ним!!! Всё и так ясно..!

И с этими ходячими чемоданами с салом нам предстояло работать?! Их старшой, Андрюха что-то лепетал, «казав, шо воны хотилы поделиться с нами, тай ни успилы, що усэ будэ гарно, тильки визмить сала». Мы гордо отказались, сказав что их сало нам поперёк горла встанет. Но вернёмся немного назад, в недалёкое прошлое.

Побережье, п. Армань. Мне 25!

После долгих поисков работы в Магадане или за его пределами, на бич-вокзале мы знакомимся с мужичком, мастером из посёлка Армань, который и предлагает нам, так долго искомую работу. Это обычный вербовщик, один из тех, кто поначалу сулит золотые горы, а потом исчезает словно мираж в пустыне, с этими типами я был знаком ещё по Якутии. Там тоже всё шло гладко, но в результате мы с кентами, тоже соискателями на очень приличный северный заработок и приключений на свою задницу, оказались не в самой старательской артели, а в глухой Якутской тайге, на заготовке зелёных витаминов, то бишь сена, для священных коровёнок прииска Ыныкчан. Так что, дети старателей всю долгую Якутскую зиму будут с молоком, а о нас никто и не вспомнит, и молочка этого мы не попробуем, хотя и накопили шестьдесят тонн. Но всё это давно уже в прошлом, и сейчас мы опять внимаем речам какого-то хмыря, описывающего райский, курортный остров Недоразумения, в самом, что ни на есть Охотском море, до которого рукой подать, и который даже виден в хорошую погоду, ежели стать на Магаданской трассе и сделать из своих кулачков сколько-то кратный бинокль. Поскольку нам уже давно по хрену, куда лететь или куда ехать, то мы без лишнего базара, протягиваем свои трудовые книжки, которые, в принципе, никакой роли не играют, и молча лезем в кузов бортового «Газона». Я не упоминаю о бригаде хохлов, с которыми нам пришлось ехать до Армани, а впоследствии и вместе работать. Я просто констатирую факт, что мы с Серым были не одни.

Несколько дней мы провели в Армани, пока оформлялись, за это время мы обошли весь берег, полюбовались нагромождением торосов, ледяной, до самого горизонта пусты-

ней, на самом краю которой, словно караван верблюдов, словно застыл ледокол с идущими за ним в кильватер судами.

Осмотрели мы и цеха для посола селёдки, цеха, в которых готовят всевозможные рыбные консервы, и хотя был как бы не сезон, нас угостили такими консервами, которых на прилавках мы никогда не видели. Но самое главное угощение – это, конечно, была зимняя селёдка, она была малосолёной, очень жирной, очень большой и таяла во рту, и её хотелось всё есть и есть.

Говорят, что такая селёдка из-за малочисленности считается не промысловой, а под запретом она находится потому, что идёт только в Кремль, для слуг народа, и не в обыкновенных, стотридцатикилограммовых бочках, а в бочонках килограмм по тридцать, не больше, и на каждом бочонке бирочка с датой вылова, посола, и ФИО мастера. Вот так-то. Ели мы эту правительственную селёдку и понимали, что у наших слуг народа губа не дура.

Ещё днём нам объявили «готовность номер один», выдали топоры, мотопилы, дрели и всё остальное, что нужно для нормальной работы. После обеда мой Серёга исчез, не сказав ни слова, но сделав при этом загадочное лицо. Странно, ведь обычно из своих походов он тайны не делает, а тут словно обет молчания дал, или с языком чего случилось. Я прилёг на скрипучую и шаткую кровать с какой-то интересной книгой, но сразу уснул, не прочитав ни строчки. Не знаю, сколь я спал, минуту или час, но проснулся от грохота открываемой двери и девчачьего визга. Потом две, или больше, девы кинулись меня лобызать, целовать взасос, щекотать и чего-то орать, и только тут я понял, что вся эта толпа невменяемых людей во главе с Серёгой поздравляют меня с днём рождения. Я глупо спросил их: «А какое сегодня число?» – «16 марта, и тебе сегодня ровно двадцать пять лет, четверть века дорогой!»

Девчонок этих я не знал, но какое это имеет значение, когда тебе четвертак, и все эти люди пришли тебя поздравить. На стол быстренько чего-то сгоношили, и, что было особенно приятно, всё было домашнее, и в солидном количестве. Не знаю, как, но Серёга раскрутился и на спиртное и тоже в немалом количестве. Боже, как же он был счастлив, и тем, что не забыл про мой день рождения, и тем, что смог из ничего организовать такой шикарный стол, но больше всего он гордился девчонками-поморочками: «Алексеич, да глянь на них, ты глянь. Где ты ещё найдёшь такую красоту? Глянь, на них нет ни грамма краски: и пушистые ресницы, и алые губки, и румянец во всю щеку – всё своё, всё природное, а значит, родное. А фигуры, фигуры какие – это тебе не городские, у которых набор костей, метр кожи, банка крови, остальное моча и, простите дамы, говно».

Вогнал, змей, девчонок в краску. Те не знают, куда и деваться от стыда: «Серёжа, ну прекрати, а то мы сейчас уйдём». – «Ну да, вы уйдёте только тогда, когда нас всех разбудит рассвет, а на столе будет пусто». – «Ты что думаешь, что мы останемся на всю ночь?» – «А вы разве думаете иначе? Вы ведь знали, куда и зачем шли, впрочем, не будем торопить события, так что заранее не краснейте, а наливайте, и я скажу большой и красивый тост в честь юбиляра».

Серёга сам разливает вино по принесенным, тоже девчонками, фужерам, потом, держа в фужер в руке, долго что-то плетёт о крепкой мужской дружбе, и, когда всё смешав в кучу, он провозглашает тост: «За дам, за милых дам!» Мы наконец-то чокаемся и стоя выпиваем. Всё, на этом торжественная часть праздника заканчивается, и дальше пошло, кто во что горазд. Третья дама, ещё раз поздравив юбиляра, то есть меня, и дёрнув на посошок, удаляется. Она в посёлке числится в невестах, поэтому известная «известность» ей ни к чему, хотя я точно знаю, что не будь она лишней, то есть третьей, она с удовольствием осталась бы с нами до утра.

После третьего захода мы уже закусывали только поцелуйчиками, тисканьем округлых девичьих форм и звуками Серёгиной гитары. И всё было нештук, всё было в лучшем свете. Через пару часов нас потянуло не в постель, как по идее и должно было быть, а на улицу,

на мороз. Девахи увели нас на речку Армань, впадающую в море, но не на саму речку, а в какой-то лиман, поросший высоким камышом, и с проплешинами зеркального льда, в котором отражались тёмные сопки и полярное небо с яркой луной. Это место и само было какое-то экзотическое, с лунным жутковатым пейзажем.

Мы долго бесились на гладком льду, пока Серёга не провалился в камышах, заваленных снегом, почти по пояс. Я с детства знал о коварности льда в камышах, да ещё и под снегом, где лёд практически не промерзает, но не успел ничего даже сказать, предупредить.

Делать нечего, и нужно идти где-то сушиться, Светка вроде даже обрадовалась: «Ребята, айдате к нам, вон наш дом, у нас печка русская, горячая, и бидон браги стоит у Бати». Во речугу двинула, и как тут отказаться от своего нечаянного счастья, и мы толпой вваливаемся в избу, наполненную запахами сетей, рыбы, каких-то трав, браги, и самое главное – теплом настоящей, редкой в этих краях, русской печки, занимающей половину рубленой избы.

На шум из дальней комнаты выходит помятый, здоровенный мужик и, не задавая никаких вопросов, суёт нам с Серёгой свою жёсткую ладонь, лопату: «Фёдор, Фёдор». Потом также молча уходит и вскоре возвращается с баллоном браги, парой громадных кетовых балыков, парой вареных крабов, литровой банкой лососёвой икры, караваем магазинного, но как домашнего хлеба, куском сливочного масла, и ставит блюдечко с чёрным молотым перцем. Ого-го! Вот так встреча, банкет! Светкин батя, выпив стакан браги и так не сказав ни слова, снова отправился в спаленку досыпать.

Девчонки Серёгу давно раздели и вместе с отжатой от воды одеждой засунули на горячие кирпичи печи, сохни, грейся и не болей. Девчонки сначала разлили брагу, потом нарежали балык крупными ломтями и стали учить нас, как правильно его есть, мы ведь раньше думали: чего ж здесь мудрого? Ан, нет!

Как кот Матроскин учил дядю Фёдора, как нужно правильно есть бутерброд с колбасой, так и девчонки стали учить нас, как правильно есть кету: «Намазываешь на свежий хлеб потолще масла, а сверху столько же икры, кусок балыка окунаешь в черный перец и наворачиваешь всё это – вот и вся премудрость. Если во рту загорит, запивай холодненькой брагой, и это будет правильно, приятно и полезно, а тебе, Серёжа, это и будет как лекарство, и ты даже не чихнёшь».

Хороша наука, каждый день так бы питался. Я тогда не знал, что всё так и будет, и что лососёвая икра будет стоять у нас в кастрюлях, в тазах и вёдрах, не знали мы, что, не успевая её обрабатывать, мы будем раздавать тем, кто не может сам добыть её, и даже выбрасывать на помойку, где обленившиеся с весны ездовые и дворовые собаки будут нехотя её есть, лёжа на боку.

Когда Серёга маленько обсох, мы решили двигаться в сторону общежития, ведь нам завтра предстояла поездка по льду Охотского моря, на неизвестный нам остров Недоразумения. Девочки от нас не отставали, ведь они ещё не получили от нас то, на что рассчитывали, и чего ни в коем случае нельзя делать с местным парнями, ведь сразу вся деревня будет знать, а такая «слава» им ни к чему, да и до родителей если дойдёт, отцы точно ноги повыдёргивают.

Мы, торопя время, спешим к удовольствиям и разврату, нам бы, идиотам, с этого и нужно было начать и не томить девчонок, но, то затеяли застолье, то пошли на лёд принимать водную купель, хотя Крещение уже прошло. Потом пошли к Светке сушиться и пить брагу с балыком, а тем временем до рассвета осталось не так уж много времени. Зайдя к себе в комнату, Серёга со своей Ириной не стали даже раздеваться, захватив её сумочку, сразу удалились в другую пустую комнату.

Когда мы остались одни, меня черт дёрнул спросить, сколько ей лет, и её ответ поверг меня в шок – пятнадцать лет. Мама миа, куда я попал, неужели этой плотной, с высокой гру-

дью и полными бёдрами, женщине всего пятнадцать лет? Но как бы я не хотел это воплощение сексуальной женственности, я сразу представил, какие могут быть последствия: ну нет, не хочу я ни суда за связь с малолеткой, ни внезапной женитьбы в начале такой интересной жизни. Но если Светка сказала так, из женского кокетства, то очень жаль, что я в это поверил, и поневоле оказался не солоно хлебавши, как впрочем и она, инициатор нашего знакомства с определённой целью.

Ничего лучше не придумав, как её не обидеть, я стал наливать, мешая водку с вином: «Ну, давай, Светуля, ещё раз за тебя, такую красивую. А сейчас выпьем за мои двадцать пять и до дна, до дна. Светка быстро скисла и, упав на кровать, еле прошептала: «А теперь делай со мной, что хочешь». И сразу уснула сном младенца. А в это время, в другой комнате Серёга «трудился» в поте, и не только лица, это отлично было слышно сквозь фанерную перегородку, а я прилёг на свободную кровать и тоже моментально уснул.

Утром в дверь забарабанили и велели быть готовыми. От того грохота только задремавший Серёга тоже вскочил, и они с Ириной, одевшись, зашли к нам в комнату. «Ну всё, девоньки, спасибо вам за всё, за привет да ласку, собирайте свою посуду, и пока на улице ещё ночь, идите по домам досыпать, а коли будет у нас случай, то мы обязательно вас навестим». Светка, по прежнему пьяная, никак не может понять, где она, и почему пьяная: «Меня же батяня убьёт за то, что я в таком виде, вот, блин, влипла». То, что она ничего не помнит – это и лучшему, отоспится у Иришки и зайвится домой в нормальном состоянии, а я всё мучаюсь сомнениями и полон сожаления за упущенную возможность провести ночь с женщиной, предоставленную мне самой судьбой. Но, увы!

Уже наступил серый день, когда подошла машина, и опять тот же самый бортовой «Газон», который вёз нас из Магадана. В кабину сел прораб, который должен был нас устроить с жильём и показать фронт работ, а мы, грубая рабсила, полезли в кузов. С нами в кузове ехал и один островной абориген, который весьма красочно описал нам, как три года назад четыре грузовика, уже ехавшие с острова с рыбой, ухнули один за другим в трещину, раздвинувшегося ледяного поля, которое под действием ветра и течений, почти сразу сдвинулось:

«Это случилось ночью, на уставленной вешкам, накатанной и сто раз проверенной дороге, и такое может опять случиться в любом месте и в любое время, так что особо не расслабляйтесь. А вон там, на горизонте, уже открытое море и чистая вода, но на фарватер в любое время может нагнать тяжёлых льдов и небольших айсбергов. А вот там, смотрите, мимо вашего острова, проходит судовой ход в бухту Нагаева, в Магадан, видите, ледоколы проводят суда в морской порт?

Ехали мы почти по береговому припаю, трясясь на мелких торосах, а когда почти возле лососёвой речки Оксы взяли курс прямо на остров, лёд стал как асфальт. Но вот и он, наш остров Недоразумения, и мы дома.

Остров, чудо природы!

Нас поселили в один из двух пустующих в ожидании путины и приезда «верботы» барак. Хохлы, как и положено, набились по четверо в комнату, хотя общага была практически пустой, а мы с Серым заняли комнату на двоих, и нам это было по душе. Единственный недостаток наших «покоев» – это был гвалт за стенкой, где устроились наши «украинские коллеги», и иной раз требовалось запустить табуретом в тонкую переборку смежного отсека, после чего, боясь нашего справедливого гнева, они мгновенно умолкали и делили сало, доругивались шепотком. Дружеских отношений между нами не возникало, и общались мы только на работе. После Армани они нас почему-то стали бояться, хотя сала мы у них не забирали, да и так будто бы не давали повода.

Время шло, мы давно приступили к работе и стали получать довольно не «хилую» по тем временам зарплату, которая после месяцев неопределённости и недель полного безденежья казалась нам манной небесной. У нас с Серёгой была своя жизнь: ни копеек, ни рублей мы не считали, продукты, пиво и вино брали в местном «мини-маркете» всегда с запасом и не от жадности, а просто из-за собственной лени.

Мы начали работу в конце марта, а как наступил апрель, мы за хлопотами и не заметили, просто однажды я поднял голову вверх и увидел, что береговые скалы, то есть «птичьи базары» давно усеяны всякими морскими водоплавающими, а сама гора острова зазеленела кедровым стлаником, полярной берёзкой, кустами каких-то ягод и голубым оленьим мхом.

Ветер и течение отрывали громадные ледяные поля, унося их в океан. Иногда наоборот, всё пространство вокруг острова, кажется, от самого горизонта вплоть до входа в бухту «Нагаева», забивало льдом и небольшими айсбергами. Но менялся ветер, и всё это белое месиво опять, повинаясь ветрам и течениям, исчезало в морской дали, оставляя по берегам острова и материкового берега нагромождения торосов, которые потом прилив снимет с мели и тоже отправит в дальнейшее плаванье, пока они не растают совсем.

Мы облазили островок вдоль и поперёк, хотя для кого-то на нём, кроме величественных скал и хилой полярной растительности, казалось бы, мало было интересного. Но чего стоил один вид с этих скал: свинцовая даль Охотского моря с маленькими силуэтами кораблей, видневшихся на горизонте, сопки и горы материкового берега, лососёвая речка Окса, будто карабкающаяся вверх, к самой Колымской трассе, потом она поднырнёт под дорогу и устремится куда-то вверх, будто указывая дорогу к месту нереста горбуши. И поневоле создаётся впечатление, что река, нарушая все законы всемирного тяготения, течёт не сверху вниз, а совсем наоборот. Этот эффект пропадает, когда во время хода лосося вблизи видишь, как он, подымаясь, бьётся в перекатах, стремясь преодолеть последнюю в своей жизни преграду.

Мне жаль тех людей, кто не замечает окружающей их красоты природы, ведь красота во всём, а человек в своей гонке по жизни проходит, пробегает мимо того, что помогает ему в этой гонке. В Японии, в каком-то городе есть сад камней, где человек сидит часами, созерцая какой-нибудь валун, любясь изяществом, совершенством форм, созданных природой. Он проходит обряд самоочищения, обретая при этом спокойствие и черпая уверенность и мудрость. Камней в саду много, много и разных мыслей, с каждым камнем нужно поговорить, спросить совета, потому что камни, как и вода, несут информацию, накопленную веками, они мудры, и если ты научишься их понимать, и если сильно захотеть, то они подскажут тебе истину, которой ты поделишься с другими.

Мне повезло, что я оказался на этом острове, и всё остальное уже не имело никакого значения, ведь у меня были горы, скалы, были даже стоящие ногами в море два утёса, два «мальчика», как их здесь называли, были и громадные, обкатанные волной валуны, которые во время шторма швыряло как песчинки, и они создавали при этом ужасный грохот.

Птичьи «базары» пестрели всеми цветами радуги, и всё это птичье царство орало, пищало, каркало и свистело, торопясь отложить на каменных полках и в любой ямке свои яйца, чтобы к осени новое поколение молодых птиц, окрепнув и научившись летать, улетело в новые места, указанные им природой и инстинктом. Они вернутся сюда, чтобы выполнить свой долг продолжения рода.

Я часами сидел на скалах, любясь морем, скалами, наблюдая за птичьей жизнью, и удивлялся, насколько сильна в них родительская привязанность и чувство долга. Иногда, когда стоишь на высокой скале, возникает ощущение что весь мир вокруг неподвижен, он застыл а наш остров корабль плывёт в мировом океане раздвигая море, громадные льдины,

и саму вселенную. Это ощущение какой-то странной нереальности мира и себя в нём, неопишимо а временами и жутковато.

На проклятом острове нет календаря? Ну и не надо, не нужен он здесь, а время измеряется только ходом рыбы, селёдной путиной, клешнёвкой краба, нерестом лосося да нашепствием «цунами» из уйка, когда он серебром покрывает километры песчаного берега. Так что, море и наш барометр и наши часы, самые точные в мире.

Говорят, что наш островок открыл Витус Беринг. С выбором названия у него возникли затруднения, так как во время отлива обнажалась подводная гряда, значит, это полуостров! Но во время прилива она уходила под воду, значит, это остров? В общем, одно недоразумение. Вот так и стал островок в Охотском море с давно потухшим вулканом на макушке Недоразумением. Благодаря кратеру с озерцом внутри остров круглый год снабжался чистой питьевой водой, которая не замерзает и зимой. Видно, вулкан подогревает этот источник жизни. Так я думал, когда в первый раз приехал в это благословенное место, хотя многое оказалось не совсем так, вернее сосем не так, но об этом потом.

В Охотском море вода горько-соленая, но в скважине пробуренной когда-то, она кристально чистая, насыщенная какими-то минералами и очень вкусная. Самой подводной гряды давно уже нет – ушла под воду навсегда. От острова до Магадана, если верить аборигенам, всего двадцать шесть км. До материкового берега и лососевой речушки Оксы лишь около трёх км. Сейчас передо мной фото острова, сделанное с вершины вулкана в 1974 году, и фото, сделанное из космоса, взятое из Интернета. То же море, тот же остров, только мёртво всё там, и это хорошо видно даже из космоса.

Когда-то там, в поселке Рыбачьем солили и закатывали в бочки вкуснейшую охотскую селёдку. Для себя люди промышляли и королевского краба, кету с горбушей, камбалу размером с хороший таз, морского окуня, треску, мелкого лосося «мальму». Сейчас там проваленные крыши засольных цехов, здание, бывшее ранее электростанцией, стоит без окон и дверей, даже мыс серпом, уходящий в море, в сторону берега, выглядит сиротливо и мрачно. На материковом берегу ничего не изменилось, потому что там ничего и не было, кроме устья речушки Оксы, куда, как и тысячи лет назад, идёт на нерест лосось.

Сейчас на островной полоске берега, у подножия горы, где был поселок Рыбачий, мёртво и мертвее не бывает. Когда-то здесь жили люди, кипела жизнь, правда, бурлила она здесь во время путины, а в остальное время текла мирно, что было очень хорошо. Для нас шабашников-строителей всё здесь было ново, непривычно и немного дико. Мы с опаской глазели на гору якобы вулкана, потухшего тысячи лет назад с опаской, а вдруг он просто дремлет, но однажды плюнет лавой, пеплом как когда-то, и все эти ручьи, водопадики превратятся в пар и мы тоже. Но сейчас мы понимаем, что это просто наше воображение, страшилка и не более того.

По склону горы стелился кедровый стланик с большими шишками, росли уродливые елки, с не менее уродливыми «Каменными берёзами» поражающие причудливость форм, на этих же склонах рос можжевельник и карликовые полярные березки. На птичьих базарах, на береговых отвесных скалах, гнездились тысячи пернатых обитателей моря: топорков, гагар, глупышей, мартынов, альбатросов, бакланов и т. д.

Вся эта водоплавающая пернатая банда, орала, пищала, кричала, пикировало на тебя и старалось обгадить, причем довольно метко. Они защищали свои гнёзда, а нас черт понёс на птичий базар, как на колхозный рынок. Ну и поделом нам! Обойдемся без экзотической яичницы.

Полоса берега, где находится поселок, устлана крупными валунами, которые во время шторма швыряет волной, как песчинки, тогда грохот стоит сильнейший. Когда шторм утихнет, можно взять ведро, пойти по берегу и насобирать оглушенной рыбы, а то и крабов. Но этим здесь занимаются ребяташки да старики, которых здесь и нет почти. Мужикам

не солидно, мужик здесь добытчик, а не собиратель. Даровой кормёжке ещё рады свиньи Ивана Филиппыча, кошки да собаки, они на берег ходят, как в столовую.

Красота острова своеобразная, а природа и всё это вместе взятое поражает своей законченностью. Творец на славу потруился, ничего не прибавить и не убавить. Все совершенно! Морской воздух с запахом морской капусты, устилающей берег, рыбы, крабов, и нельзя этим солёным воздухом надышаться. Это был какой-то воздушный коктейль, который можно было пить. Если был или есть «Эдэм», то для меня это место и есть этот сад, и он всегда был здесь. Среди всей этой природной «лепоты» мы и стали жить, со всеми нашими грехами, злобой, радостью, счастьем и добротой – со всем тем, что присуще Гомо Сапиенс, человеку разумному.

Прости нас, Господи, за то, что влезли мы в этот чистый твой мир, теперь он стал и нашим, и мы обязательно здесь нагадим, потому что по-другому не можем, не обучены. Очень жаль, что эти мои слова оказались пророческими.

Мы на суше, но мы в море

На острове в то время проживало человек сто, это старики, дети, и остальные, вместе взятые. Работоспособного населения процентов семьдесят. Был здесь и клуб, где проводили собрания и иногда крутили кино. Была своя пекарня, которая славилась вкуснейшим и пышнейшим хлебом, что даже Магаданцы к частенько навевались к нам за хлебом. Командовала здесь парадом вкусная и пышная Манефа, а мужик её работал «Чубайсом» на электростанции. Был и свой медпункт, где «министром» здравоохранения была «фершалка» – маленькая, худая женщина с остреньким птичьим носиком, которой в сильный, шквальный ветер на улицу нельзя было выходить, унесет в море ледяное, и ищи-свищи потом.

Как и в любой, мало-мальски приличной, деревне был у нас и свой торговый центр, где директором была тетя Поля, а «замом» её муж, дядя Саша. В одном углу магазина сама директор отвешивала бабам муку, сахар, конфеты, а жаждущих отоваривала вином, водкой. В другом углу дядя Саша отмеряя аршином материал на наволочки, простыни, портянки, с тоской глядел в тот угол, где на полках блестели пока недоступные для него ликеро-водочные изделия.

Нужно сказать, справедливости ради, что Магаданское снабжение было достаточно разнообразным и щедрым. Были в лавке и хорошие тряпки, и ковры, дорожки, мебель, холодильники – все то, что на материке было дефицитом. Были и хорошие вина, коньяки, завозили и пиво. В ассортименте много было шоколадных конфет, и на развес, и в коробках. На это грех жаловаться, где-то о таком изобилии только мечтают. Это было небольшое отступление, ну а пока...

Дядя Саша из своего угла с мануфактурой просит господ бога, чтобы жена хоть ненадолго исчезла из магазина, и в который раз кричит ей: «Да не выключила ты утюг, не выключила! Дом уже, поди, горит уже, сбегай, глянь». Баба с усмешкой отвечает ему: «Да не гладила я, не гладила, и отвяжись ты от меня». Она видит его насквозь, а он «вгорячах» просит бога, чтобы жену понос прошиб, но тот его не слышит. Блаженная минута наступала лишь тогда, когда пора уже было закрывать лавку. Но в другой раз, бывало, припрутся бабы под закрытие, и магазин становится «базаром». Пока всем косточки не перемоют, всех не обсудят, домой никто не уйдет, иначе день, прожитый без сплетен, это зря прожитый день.

Верховодила здесь и не только здесь баба Даша, это она была председателем «домостроя» и её мощный бас всегда перекрывал остальные голоса и голосишки. Её уважали и боялись, а иначе беды не оберешься. Она рассуждала так: если уважают, значит, боятся, а если боятся, значит, уважают. Ну а как иначе!? У бабы Даши было высокое давление, но она как с ярым врагом боролась с зеленым змием. Она его уничтожала одним, только ей доступным,

способом – заливала вовнутрь. Бабка жила в нашем бараке, только в другом крыле, и если кто-то из нас, зарядившись спиртным, шел в барак, и даже если эта бутылка будет спрятана в задницу, это еще не значило, что баба Даша этого не засекла, не унюхала.

Мы так и знали

Но вот мы и дома. Вздыхаем с облегчением (проскочили вроде), разливаем, чокаемся, но до ртов не успеваем донести. Открывается без стука дверь (так принято), и вот оно – явление Христа народу! Бабы Даши басок: «Ой, да вы здесь бухаете, а я и не знала!» Вот, возьмите тарелочку пирожков с лососем, а я пошла: давление у меня зашкаливает, полежу, однако, маленько, может, оклемаюсь». А мы в ответ: «Баб Даш, а, может, примешь грамм сто от давления?» Бабка расцветает: «Бляди, спаиваете старуху, ан ладно! Пляскай!»

Бабка краем глаза косит сколько «булек» уже в стакане, где водки уже почти полный стакан, по самый «маруськин поясок», только тогда баба Даша орёт: «Хва-хва!», надавливая при этом пальцем на горлышко бутылки. Когда водка уже льется через край, она опять орёт дурным голосом: «Ты что, б..дь, краев не видишь!? Гля, сколь пролил, гад!»

Она хватает своей лапищей двухсотграммовый стакан, который в её ладони похож на маленького стограммчика: «Ну, будем толстенькими! (от автора: куда, уж!) Дети, дети, куда вас на хер, дети! (от автора: это её любимая поговорка) Не пьем, а лечимся, не пьянки ради, здоровья для!»

Всё это она выпалила скороговоркой, потому что горло у неё уже сводит судорогой от желания, скорее его промочить. Водка исчезает в её пасти мгновенно, в один глоток (двести пятьдесят грамм!), потом бабка застывает и стоит столбиком, блаженно закрыв глаза и прислушиваясь к своей утробе. Потом гладит себя по необъятной требухе, лыбится во весь с редкими зубами рот и молвит: «Как Христос-батюшка босиком прошелся по кишкам, благодать на меня снизошла Божья, я в раю!»

После этой, как молитва, речи, бабка шествует на крыльцо барака, становится в позу Наполеона: одна нога впереди, одна рука за спиной, другой машет, загребает, как веслом, она готова в бой с «Айболитом», которая «сука такая не дает таблеток» ей от давления! Пока баба Даша орёт в сторону дома лекарши просто так, для разминки, не по злобе. Но вот на её окошке дрогнула занавеска, потом появились «перископы», то есть очки целительницы. Оценив обстановку на поле боя, то есть позу бабы Даши и её боевой клич, а также количество зрителей, и просто случайных зевак, она тоже появляется на крыльце, занимая исходную позицию, приняв «фронтные» грамм двадцать-тридцать для бодрости и отваги, а дури у неё и своей хватит.

Сейчас уже перед вами не фельдшер острова Недоразумения, а, по крайней мере, Кутузов. Если против тебя сам Наполеон, то почему бы не быть и Кутузову!? «Битва» идет по давно написанному сценарию. После взаимных упреков и обвинений в адрес друг друга происходит перемирие и «братание» двух фронтов, им становится стыдно (вот дуры старые потешили народ), ладно, хоть за волосы не потаскались. Они удаляются в чей-нибудь стан в обнимку и с песнями. «Медицина», головой под мышкой у бабы Даши, ручонка обнимает за «талию» только наполовину, больше не хватает руки. Сейчас они подпишут пакт о ненападении и скрепят подписи бутылочкой вина. Потом они несколько дней не будут выходить в свет, переживая, что скажут люди.

Но жить надо, и всё опять становится на круги своя. Баба Даша опять идет к любимой, зачатой подруге мерить давление и просить таблеток, и та не помня зла, меряет подруге давление и даёт лекарство. Пройдет немного времени, и мы опять услышим басок бабки: «Дети, дети, куда вас на хер, дети?!»

Неожиданно умер дядя Саша. Всю ночь старый вояка куролесил у нас в общежитии. Шла путина, и поэтому на острове был переизбыток работающих на «передок», вербованных женщин. И не зря говорят в народе: «Седина в бороду, бес в ребро». И старый перец всю ночь блажил среди этих «давалок», готовых за стакан водки и пачку сигарет «осчастливить» любого, кто пожелает. Вваливался дядя Саша несколько раз и к нам с Серым: «Айда со мной, партизаны, мы сейчас их всех перетрахуем. А-а, не хотите или не можете!? Я с вами в разведку не пойду! Что я, один их должен трахать?»

Уже утром этот старый трахальщик подался домой, просить у жены похмелиться: «Что-то хреново стало, сердце давит, дай, баба, чего-нибудь, ведь есть дома». Та отвечает: «Хрен тебе, блядун старый, иди магазин, открывай, вон и люди уже стоят со сранья, такие же алкаши, как и ты!»

В лавке дядя Саша всё равно подлечился бы, но не судьба, видно, Бог рассудил иначе. Дошел он до своего селяпо, вставил ключ в замок и осел, повалился на бок. И всё! Не стало дяди Саши, старого вояки. Вот тебе и северная пенсия, и обеспеченная старость. Похмеляться вовремя нужно. Мир праху твоему, ты спел напоследок песню свою.

Поездка за крабами

Зимой начинаются шквальные ветра, им негде остановиться, вокруг небо и лед. Они обрушиваются на наш островок, срывая крыши и унося далеко в море все, что можно, отрывая ледяные поля десятками километров, громоздя торосы и размалывая их в ледяную кашу. В такое ненастье сидеть лучше дома, катать в ведро, потому что не дойдешь до сортира, да и как потом выяснилось, его унесло в море километра за три. Что интересно, это то, что ни одна дощечка не оторвана, а двери аккуратно «застегнуты» на все «пуговицы», то есть закрыты на вертушки. Чудеса! Но свое «дерьмо» никто не понесет за три километра в тот галюн, поэтому чекернули тросом, притащили и опять взгромоздили этот мавзолей на пять толчков на старое место, до следующего шторма.

Сидим как-то, бухаем, на улице морозяка, шторм стих, ветра нет. Серый бренчит на гитаре, дым в комнате коромыслом, гвалт. У нас в гостях был абориген из числа тех, кто любит выпить, «да денег нет». Чтоб как-то отблагодарить нас за пойло и заслужить право на дальнейшую попойку, он предлагает смотаться по льду на его «Урале» километров за пять за остров на краболовки. Они там у него давно стоят и наверняка забиты королевским крабом под завязку. Мы представили полное эмалированное ведро одних клешней размером с человеческую руку (ну приврал маленько), крабовое мясо под водочку, налили ему за его благое намерение стакан и благословили на промысел. У меня же, как всегда, шило в заднице сидит, и я кричу: «Погодь, я с тобой!» Вдвоем, конечно, сподручнее, что и говорить, завели мы «Урал» и погнали по шероховатому льду Охотского моря.

Ехали, орали песни, как чукчи, что видим, о том и поем, выписывали кренделя, пытаюсь пустить мотоцикл юзом. В луче фары я увидел впереди темную, почти черную полосу. Пока я «въезжал», чтобы это значило, абориген резко взял руль вправо, в сторону коляски, а я от неожиданности кувыркнулся на лед и затормозил костями и своей мордой у кромки льда. Впереди, насколько можно было видеть, была открытая вода. Во время шторма ветром оторвало ледяное поле, и луч фары освещал только ледяную свинцовую воду Охотского моря с мелкими барашками волн. Представив, какая смерть ждала нас в той пучине, у меня пошел мороз по шкуре и малахай приподнялся на башке.

Назад домчались быстро, боясь, что может ещё кусок льда оторваться, но уже вместе с нами. Я повторяю если напомню уже про, уже не первый трагический случай, но: — За несколько лет до нас таким образом под лед ушли четыре машины. Они ехали на остров по промеренной ледовой дороге и вдоль ее вешки стояли. Выгрузив продукты и еще там

чего-то, загрузив бочки с селедкой, они двинулись в обратный путь. Под действием течений и ветра вокруг острова образовались громадные трещины – туда и ушли грузовики один за другим. Лед опять сомкнулся, капкан захлопнулся. Никогда и никому море не прощало ошибок. Его можно любить или ненавидеть, но его нужно понимать и остерегаться. Только идиот, кретин ничего не боится.

Женская баня

Человеку лень чесаться, поэтому он ходит в баню. Это нужное мероприятие для тела и крепости духа. Я не расскажу тебе, как правильно хлестаться можжевельным веником. Это хорошо, но не интересно. А вот когда у нас в воскресенье женская баня, когда толпа распаренных обнаженных женщин, не обращая никакого внимания на зрителей, которые заняли все вакантные места за сугробами около бани, это «кино» ещё то. Здесь есть и мужики, чьи жены сейчас барахтаются в снегу, но они пришли поглазеть на чужих баб и на молодых рыбных технологов, девчонок, которые пока визжат громче всех, и прикрывают лобки и соски грудочек, изображая стыд и невинность. Увы! Зрелые женщины более откровенны, им ведь не впервой, да и есть, слава богу, что показать, чем погордиться. Смотрите, мужичье, любуйтесь! Знайте, сволочи, что лучше наших баб не бывает в природе. Смотрите на наши груди, бедра, попки и лобки курчавые. Куда до нас каким-то вербованным лахудрам, да и ваши мы, родные! Берегите нас, любите нас!

Все это, кажется, витало в морозном воздухе: бесстыдство и целомудрие, опаска и доверие к нам. И мы были благодарны нашим женщинам за этот маленький стриптиз под полярным небом, усеянном звёздочками зарождающейся молодой любви, на маленьком острове, затерянном в просторах Охотского моря, на самой краешке Вселенной. В этот вечер в домах рано погаснет свет, а скрип кроватей подтвердит, что маленькая женская хитрость удалась, и цель достигнута. Теперь мужики надолго забудут о вербованных «давалках», как о тяжком, но уже прощённом грехе, и в семьях вновь будут мир и лад. И молодые, незамужние девахи, рыбачки и технологи сегодня тоже одни спать не будут, увезли вербованных, и они опять любят и любимы! Они тоже уже простили нас и сделали нам ещё один праздник, а уж мы не подведём, глядишь, к весне и кто-то из девчат с «икоркой» будет, ну а кто-то к той поре, с божьей помощью, и отнерестится. У нас тоже всё как у людей, только вот места маловато, потому всё и знам. Ещё хочу сказать: да, правда, людей и земли у нас маловато, но это всё наше, а море? Оно и даёт нам жизнь, потому мы и есть люди моря, его дети.

А это дело, было летом

RS. Единственным человеком на острове, обладающим правом безназавно и бесстыдно глазеть в незакрашенные окна женской бани, был водовоз Толя. Человеком он был, как сейчас говорят не совсем адекватным, высок ростом, худ телом, и кое кто из молодых под большим секретом, (для всего острова) баял о его половой мощи, ибо больше пяти минут «её подруга» якобы выдержать не смогла. Когда его в первый раз застукали под окном бани, все бабы, и стар и млад, прикрываясь деревянными шайками дружно высыпали на улицу, дабы всыпать этими же шайками бесстыжему греховоднику.

Толя не убегал, он даже обрадовался их появлению и только с восторгом и восхищением, широко раскрыв глаза разглядывал женские прелести. Когда его попытались побить, опять теми же шайками, вышла небольшая заковыка. Шайку ведь нужно было с начала отнять от, так тщательно прикрываемого сокровенного места, а Толя только и ждал этого момента. Постыдив и поматерив по матушке этого равратника, бабы проигравшие эту небольшую войну, стали отступать на исходные позиции, уже прикрывая шайками, свои розовые пышные тылы. А тут, как на беду, с бутылками зелена вина, в кусты за баню торопилась толпа мужиков, у них там был оборудован стол из большого плоского камня, а вместо стульев валуны да брёвна плавника, и даже от ненастья был сотворён небольшой навес из рубероида.

Увидев толпу голых женщин, они раскрыли от удивления рты, и чуть не пороняли драгоценную влагу. Вот это была картина! Островные мужики всю глазели на молодых девченок с рыбозавода, а их жёны по началу онемев от такой наглости, а потом забыв о том что они совсем «Ню», размахивая шайками кинулись на своих благоверных с воплями. Типа: «Чо козёл старый, на молодую потянуло»? От такого неожиданного нашествия Амазонок, мужики рванули вверх по склону, верно рассудив что на самую верхотуру, на обозрение всему острову своих пышных задниц, и того, чего и вовсе нельзя никому показывать окромя родного мужа негодяя, и старого гинеколога.

Быстро опомнившись, и поняв что и битву за нравственность проиграли и смешного позору огребли по полной, женщины толпясь ринулись в двери бани. Когда напарившись, намывшись и насмеявшись над своей дуростью они вышли на улицу, где на оглоблях своей телеги с бочкой, поджидая их, сидел всё тот же Толя, нимало не мущаясь. «Вы бабы на меня не ругайтесь, не то ваши мужики узнают много интересного про вас «Недотрог». Вот так дурак, простак!

— «Вы-то каждую ночь с мужиками «тешитесь», а мне что? Своему мерину под хвост «заехать»? Вы все меня хоть и считаете за дурака, но я ведь тоже человек, мужик. А вербованными я брезгую, пусть их Филипыч «пялит», а мне это дело за падло. Скоро полечу домой женится, а пока потерпите, от вас не убудет если иной раз на вас и погляжу, а то что болтают обо мне на острове, не верьте, я ещё в жизни женщину не имел. Вот тут-то бабы и поняли свою промашку в суждениях о человеке с которым за столько лет не удосужились даже поговорить, поинтересоваться. А ведь как трудно нормальному человеку, быть отщепенцем, изгоем и совсем одиноким. Поверьте мне на слово. А мы все заняты своими делами, своими проблемами, и даже поговорить с человеком который рядом с тобой, всё недосуг.

Одно я знаю, это то что после этого случая, жизнь Толи изменилась в корне, во всех отношениях. А женщины получив такой жизненный урок, вспомнили что от стыда можно покраснеть, и тоже стали мягче и добрее.

Остров корабль

Меня постоянно тянет на эту тему, и мысль, что я про что-то не рассказал, или рассказал, но непонятно, заставляет опять пройти по этой, так волнующей меня, теме пройти босиком, чтоб опять почувствовать каждый камешек, каждую песчинку на берегу того коротенького отрезка времени из моей жизни. Возможно, это ностальгия и не по острову, а по давно ушедшей молодости, но это и не столь важно, потому что я пишу о прошлом, которое было гораздо интересней настоящего, а если я пытаюсь заглянуть вперёд, мне станет не по себе, такого бедлама на земле ещё не было.

На остров мы приехали в марте и почти сразу угодили в последние зимние, или может в первые весенние шторма. В море ветру нет преград, и он хулиганит и буйствует, отрывая громадные ледяные поля, гонит водяные валы, сталкивая льдины, и играючи громоздя их друг на друга, создавая уже ледяные валы, торосы. Все эти хаотические нагромождения смерзаются, и вот он – готовый айсберг, угроза судоводителям не только обычных судов, но и ледоколов. Картина разгула стихии страшная, и не позавидуешь никому, попавшему в эту экстремальную круговерть.

У берегов картина не лучше, высота прилива порядка шести метров, но если ещё и ветер гонит к берегу волну, то это уже становится похожим на цунами, которое как бульдозер толкает всё это ледяное месиво всё выше на скалы и всё дальше по пологому берегу. Я первый раз в жизни наблюдаю такую картину, находясь почти на самой макушке острова, словно на ходовом мостике гигантского корабля, принимающего на себя всю мощь ударов стихии, и мне плевать на то, что творится впереди по курсу и вокруг моего корабля, хотя при мысли о тревоге «человек за бортом», у меня волосы встают дыбом.

Наш корабль-остров по-прежнему идёт вперёд, а я спускаюсь вниз к людям, матросам нашего экипажа, держась за скалы не только руками, но и всем телом впечатываясь в каждую ямку, цепляясь за каждый камень, трещину, кустик. Я чувствую, что ветер может оторвать меня от спасительной тверди, и как подушку забросить куда угодно.

Весь мокрый, исцарапанный, с бесчувственными от холода пальцами и обломанными до мяса ногтями, я наконец оказываюсь на островной палубе, где обстановка не намного лучше, чем вверху. Ветер бесчинствует, пытаясь снять с домов крыши и унести в море всё, что, на его взгляд, плохо лежит, или слишком мало весит. В такую погоду лучше всего сидеть дома, и слушать бессильное завывание шквального ветра с зарядами снега, с треском отдирающего доски с какого-то дома, или с чьей-то крыши.

Весна в Охотском море

Как правило, после такого приступа климатического бешенства наступает космическая тишина, на берегах громоздятся ледяные хрустальные высотки, с которых не выдержав собственного веса, с грохотом отваливаются то балконы, а то и целые лоджии. А немного погодя съезжает, в полном смысле этого слова, и ледяная крыша, рассыпаясь при этом тысячами хрустальных, сверкающих на солнце иголок. При солнечном свете вчерашнее уже не кажется таким страшным, зима выдала последний в этом году «концерт» и успокоилась, а весна окончательно вступила в свои права.

Через сутки прилив смывает звенящий ледяной хрусталь опять в море, а из того, самого крупного, что ещё осталось на берегу, солнышко наделает сначала ледяных сот, а потом и совсем растворит и вернёт в море всё до капельки. Это и будет конец ледяного кружева, кольцом окружающего остров и белой ледяной бахромой материкового берега.

Хотя я в своё время и служил в ВМФ на Балтике, бывал и штормах и на островах в Балтийском море, но такого сильного впечатления, как здесь, я почему-то в то время не получил. В Охотском море и на этом острове всё было для меня настолько ново и интересно, что я просто не успевал постичь умом эти новые для меня загадки и неожиданные откровения северной природы. Весна взорвалась весенним шумом: то со штормовым завыванием ветра, рёвом волн и грохотом прибрежных валунов, перекатывающихся как песчинки под ударами гигантских валов взбесившегося моря, то тишиной и полным штилем с запахами рыбы, крабов, йода, соли и морской капусты, тоннами устилавшей берег зелёной лентой. Это был невообразимый букет запахов, который я пил своими лёгкими и не мог надышаться.

Весна давно чувствовалась и в скудной природе острова, и я, хоть и ждал прихода лета, но внезапно обнаружил, что этот момент упустил. Всё произошло как в немом кино, просто кадры передернулись, и всё серое стало вдруг зелёным, с проплешинами белого снега, затившегося на северных склонах. Уродливо кривые каменные берёзки выбросили молодые клейкие ярко-зелёные листочки, на фоне которых даже не блещущий стройностью ствол их матери казался изящным станом молодой берёзки средней полосы России. Залёгший на зиму кедровый стланик, проспав под снежным одеялом холода, поднялся, выпрямился и тоже выбросил почки, зачатки кедровых шишек, продолжателей рода.

Вечнозелёная пихта тоже выплеснула на свои мелкие иголки все запасы яркой зелени, красуясь перед кустарником, у которого ещё не было листочков, а лишь мелкие бутончики будущих листьев. Но это вопрос лишь нескольких дней или даже часов, ведь вся северная природа спешит взять у короткого лета каждую минуту тепла, каждый лучик солнца, и это основное правило в борьбе за выживание. Молодая травка да всё остальное росло прямо на камнях, на скалах, пуская свои корни в трещины, закрепляясь каким-то чудом и добывая себе необходимое питание.

Море стало совершенно чистым ото льда и поражало своей прозрачностью и чистотой. Блесну было видно и на глубине двадцати метров, а если она исчезла, значит её кто-то уже проглотил. Рыба иногда сверкала серебряным бочком, но сверху она вся была под цвет дна, ведь маскировка – это тоже одно из правил выживания. Бродишь иногда вдоль берега с острогой, смотришь на дно, как сквозь чистое увеличительное стекло, а лучи солнца, преломляясь в воде, искажают истинное расстояние до желаемой цели и саму цель, а камень, на который я хотел наступить оказался громадной камбалой-«каменушкой», которая исчезла в мгновение ока, другая камбала, которую я пытался поразить метким ударом остроги, оказался валуном, в который я очень удачно попал, после чего мне сразу пришлось прекратить это развлечение.

В засольные цеха рыбозавода стала поступать свежая селёдка. Её завозили плавбазы, принимая с сейнеров, которые вели только добычу, промысел, сами ничего не перерабатывая. Часть рыбы база перерабатывала сама, замораживая в брикетах и делая всевозможные консервы, пресервы, остальное сдавала нам и на береговые заводы. Каждая промысловая посудина, набив трюмы, спешила поскорей избавиться от улова и опять уйти в море.

Это была не просто спешка и желание побольше заработать, а иногда бывало, что простояв на якоре в очереди на выгрузку сутки, двое и потеряв кондицию, и сортность рыбы, сейнер выкачивал селёдку в море и опять спешил на место промысла, а когда он в очередной раз подходил к рыбозаводу опять с полными трюмами, подходила и его очередь. Завод попросту не успевал перерабатывать весь улов тралового флота и своих рыболовецких бригад.

На посоле рыбы и на конвейере работали в основном немногочисленное местное население и «вербота», как здесь называли сезонников, приехавших в надежде на длинный рубль, или сосланные из мегаполисов Советского времени тунеядцы, пьяницы и проститутки. Это

были те, кому было предложено исчезнуть с поля зрения органов, в течение двадцати четырёх часов.

Нас шабашников, согласно договору, тоже привлекали к работе на рыбе, но только в качестве грубой рабочей силы, то есть катать, таскать, штабелевать бочки с селёдкой, пока кран – наша беда и выручка стоит на пирсе, широко расставив ноги и печально опустив голову, как жираф у ручья, в котором нет воды, только у нашего крана от обильной смазки заклинило шею и нам предстоит «танталовы муки» по прибытии плавбазы с рыбой. Бочек тысячи, в глазах уже рябит от их мелькания перед глазами, колени дрожат, спина уже не гнётся, а пот разъедает глаза, ведь каждую бочку по трапам, по покатам нужно выкатить из трюма плашкоута на пирс, где уже другие чуваки-бедолаги подхватят их и закинут в кузов «Газона», чтоб отвести в засольный цех.

В засольном цехе, брезентовых чанах, распятых на деревянных стойках, и произойдёт согласно технологии посол этой нежной, вкусной, но такой тяжёлой селёдки. Её слоями переложат морским льдом, заготовленным ещё зимой, потом зальют тузлуком определённой плотности, потом время от времени будут продувать свежим морским воздухом, а когда она дойдёт до кондиции, отправят на конвейер, где рыбообработчицы отсортируют и уложат в бочки плотными рядами. После конвейера бондари на бочки поставят крышки, набьют потуже обручи и через пробочное отверстие опять зальют тузлуком, но уже свежим и другой плотности. И последняя стадия процесса – это когда бочки, не закрывая маленьких пробок, автокар увезёт в громадный капитальный холодильник для дозревания и окончательной доводки до кондиции. И только такая селёдка может считаться селёдкой, приготовленная на месте лова, а не оренбургских степях или татарском Альметьевске.

Я, кажется, повторяюсь, описывая процесс посола селёдки, но это лишь для того, чтобы люди знали и смотрели, что они покупают, иначе не ждите от этого нежного деликатесного продукта мало-мальского качества и вкуса.

Иван Филипыч

На острове проживали и не менее интересные колоритные люди, помимо бабы Даши, например, Иван Филипыч. Если увидишь свору здоровенных ездовых псов, порядка двадцати хвостов, а среди их спин мелькает грязная кожаная шапка с одним ухом вверх, как семафор, когда проезд открыт, значит – это и есть свинячий и собачий «король» острова со своей свитой собственной персоной. Возможно, «они» изволят посетить «Торговый центр» или просто пообщаться с островитянами, с народом. Если в это время идёт путина и уже прибыли вербованные женщины, то у «короля» свиноты возникает живейший интерес к слабому полу и происходит небольшой набор в гарем дам, не желающих работать ничем, кроме «органа», данного им природой и богом. Не важно, что это безногий старик, пропахший псиной и свинячим дерьмом, важно, что он будет худо-бедно их кормить, поить, а если повезет, то иногда и «любить».

В избенке, стоявшей на отшибе, всегда было навоза по колено. Под деревянным топчаном возились щенята, поросята, тоже щенячьего возраста. Если это было зимой, то там же, в тепле довольно похрюкивала и мама, которую сосали и те, и другие, и все были сыты и абсолютно счастливы. Я немного забежал вперед и забыл сказать, что Филипыч, помимо собачьей своры, держал свиней. Впрочем, слово держал, думаю, неправильное, потому что свинота, как кошки, жила сама по себе. Они просто были! Были, как были бы, скажем, олени, козули или козлы, они были составляющей частью фауны.

Эти хрюкающие плодились, как хотели, кормились, как могли, потому что Филипыч кормил их сухим кормом только зимой, когда море сковано льдом. А в обычное время эти дальние родственники слонов (наукой доказано) ели траву, ковыряли землю своими

пятаками в поисках каких-то корешков, жрали какие-то лишайники и голубой олений мох. Думаю, что это меню было у них в разгрузочные дни, а в обычные дни они пожирали на берегу морские деликатесы, всё то, что оставалось после отлива или тем более после шторма. Это были целые горы морской капусты, рыба, крабы и остальная живность. Если выбросит на берег мертвую нерпу, «схарчат» и её.

Но любимое место, можно сказать, свинский ресторан, было на краю острова, куда вываливали тоннами селедочные головы и прочую рыбу тухлятину. В общем, это был громадный суши-бар, да еще и со шведским столом. Вот так-то! Мясо этих существ воняло рыбой хуже нерпы или тюленя. Он были обросшие шерстью не хуже диких собратьев средней полосы, лазили по горам, как горные бараны, и иногда можно было видеть на каком-нибудь утесе неподвижный, «гордый» свинячий силуэт хрюка, смотревшего в просторы Охотского моря.

Раз в год Филипыч завозил по зимнику, по ледовой дороге пару машин комбикорма, а это пять-шесть тонн, благо в то время он стоил сущие копейки. Чтобы свиньи совсем не передохли или не ушли в бега, он иногда вываливал им ведра три-четыре вперемешку с тухлой селедкой, это для них, особенно зимой, деликатес. Иногда какой-нибудь «Хрюша» или «Пятачок», едва оторвавшийся от маминой титьки, попадал к нам на вертел, где жарился, истекая молоденьким жирком, капающим в костер, мгновенно вспыхивающим и сторающим в огне. И это было что-то! Это было нечто! Маленький Хрюша еще не успевший пропитаться морем и всякими «ихтиандрами», обитающими в той среде, и под водочку уходил на ура.

Зимой, почти перед самым Новым годом Филипыч решил сделать бизнес, заколов с мужиками с десятков свиней наивысшей упитанности. Собакам досталась вся требуха, а заодно головы и ноги. Такого счастья они не испытывали ни разу в своей беспроектной собачьей жизни.

Договорившись с шофером, приехавшим на остров с продуктами для магазина, Филипыч загрузил свинные туши в кузов и отбыл в столицу Колымского края в надежде на хорошую прибыль. Но вернулся доморощенный бизнесмен без свинины и без денег, а вечером, уже обойдя всех, кто мог выслушать все его жалобы и стенания, он зарулил и к нам с Серегой. Выставив на стол штоф водки, он посчитал что вправе излить свое горе и желчь, и конечно рассчитывал на наше сочувствие. Но поскольку для наших молодых морд одного пузыря было явно маловато, и на наше глубокое сочувствие он, ну никак, не мог рассчитывать, ему пришлось послать еще гонца, уже за двумя литрами водяры, после чего мы с Серым сразу прониклись важностью момента и засочувствовались ему изо всех сил. А вот и его мытарства. Помотавшись по Магадану в поисках вет-лаборатории, он на конец-то нашёл иско-мое, но вердикт анализа мяса, был неутешителен, мясо оказалось совершенно не пригодно к употреблению человека и, вообще, ты мол врешь дед, ведь судя по рыбной вони, это не свинина, а какой-то морской зверь. Возможно, это лахтак или тюлень, но никак не свинья. «Признайся дедушка, что ты вывел совершенно новый вид, новую породу морских свиней, — подтрунивая, расспрашивали его свинячьи патологоанатомы.

В другом месте, на центральном рынке, как и положено, тоже взяли пробы мяса на анализ. Вердикт опять был с тем же результатом, и опять со злыми насмешками, ты «Нептун» бородатый, своих подданных угробил, а теперь ещё и продать на мясо хочешь? Чешую, конечно, соскреб, лапы обрезаю и заявляешь, что это обычные хрюши?! Нет дед, мы думаем, что если тебя не посадят, то за такую селекцию тебе и Нобелевскую премию могут дать. Они бы ещё долго несли всякую чушь, но когда до Филипыча наконец-то дошло, что из короля его пытаются превратить в шута, он посылает этих свинячьих патологоанатомов ко всем чертям и еще куда-то далее. Поросячьи рыботуши опять закинули в кузов, с чем и отбыли, как говорится, не солоно хлебавши.

Можно, конечно, было их сдать в любой зверосовхоз для норок, песцов, лисиц, их бы там взяли с большим удовольствием, но за бесценку. Овчинка выделки не стоит, поэтому, когда уже на морском льду Филипыч увидел широкую трещину, велел шоферу остановиться и скинуть туда все туши, устроив таким образом на дне морском пир. Ушли туда «гибридные» свиньи на радость крабам и другим обитателям глубин.

Все это нам он рассказал, сидя у нас в комнате за столом и обливаясь горячей пьяной слезой. Потом немного успокоившись, он велел принести окорок, который оставил для себя, тот висел в уличном сортире, подвешенный прямо над толчком, спрятанный от псов. Мы отдали это «свино-рыбу-мясо» бабе Даше, и она сварганила нам пельмени размером с кулак и котлеты, как галоша 44 размера. На острове все готовят из рыбы, и громадных размеров, а тут настоящая свинина, правда, особой разницы мы не ощутили, рыба да и рыба, только жирновата, правда. Главное, съедобное, вкусное, и много!

Было уже довольно поздно, когда мы вынесли Филипыча на порог, в ночь морозную. Его волкодавы лежали в снегу, закрыв носы хвостами, ожидая хозяина. Дед велел двум псам стать рядом с ним – ухватился крепко за ошейники, крикнул им: «Домой!», и те рванули к его дому, таща деда без ног, как пустой куль. Еще минута и дед уже был дома, лай затих.

Договорники «вербота»

В Советское время существовало выражение «Дали 24 часа». Это проходила чистка в наших городах и весях. Удаляли за пределы городов и республик всех, неугодных властям забулдыг, бомжей, проституток, неформалов, дабы они не портили благодать и лепоту наших городов. Вся эта публика была как чирей, нарыв на теле общества на фоне всеобщего благоденствия и умиротворения. Их отправляли куда-нибудь подальше, но там они тоже были не нужны. Это был людской мусор, который некуда было выбросить. Им стали предлагать работу на больших стройках, на северах, на путине, лесоповале, обещали большие деньги. Главное, нужно было сплавить этот сброд куда-нибудь подальше в надежде, что многие из них не вернутся никогда в родные пенаты, что довольно часто и происходило, по разным причинам. Их никто и не искал, сгинул ну и бог с ним. Воздух чище будет.

Рыбные промыслы требовали на каждую путину тысячи женщин, их вербовали и везли на Дальний Восток, на острова и побережье Охотского моря. Они работали и на крупных траулерах, и на плавучих консервных заводах, и на береговых заводах, где солили селёдку, лосося и другие морепродукты. А имя им всем было «вербота». Их обижали, их презирали, наказывали рублем, а то и физически. Кто-то из этих женщин пытался как-то вырваться из этого «замкнутого круга», только мало кому это удавалось.

Привезли веселых девушек и на наш остров. Работать на рыбозаводе, на конвейере по двенадцать часов им было запаadlo, а найти на островке «спонсора» невозможно. Многие из них были очень красивы и с хорошими фигурами и трудно было представить, что эта женская красота, так щедро отпущенная им природой и богом, не более чем приманка для «клиентов». Эта толпа охреневших без мужиков баб представляла серьезную угрозу для всех семей, живущих в этом «эдэме». Для всех, но не для Филипыча.

Отобрав трёх, а то и четырех красоток, этот безногий, ещё не очень старый пенёк устраивал в своей хижине танцы в навозе под балалайку. Водка лилась рекой, и вскоре старый развратник казался дамам Дон Жуаном, Казановой и вообще красивым парнем, своим в доску, а значит, и танцы можно устроить голышом, потрясти своими прелестями, соблазняя своего благодетеля. Под утро, устав от водки, пляски в навозе и стриптиза, обнажённые «махи» и танцующие «эвридики» валились на нары, на старую, облезлую медвежью шкуру. Кто-то под боком у деда, а кто-то в дерьме на полу. Утром, продрав глаза, дед выгоняет всех прочь,

оставив себе самую «работящую». Вот она-то и будет жить с ним до конца путины, хоть в говне, но зато пьяна, сыта и нос в табаке.

Как-то раз, уже зимой забрел дед к нам с Серегой в гости. Пришел с бутылочкой и, как всегда, с надеждой на свободные уши, на которые можно навешать лапшу. А мы были и не против: идти некуда, заняться нечем, о телевизорах здесь и не мечтали, так что дед со своими байками в тот зимний вечер был кстати. В тот вечер поведал он нам, как потерял свои ноги.

«Басня» от Филипыча

«Вез я как-то контрабанду по льду вдоль берега. Нарты загружены пушниной: песцами и выделанными нерпичьими шкурами, ну и золотишко у меня водилось, намыл в устьях горных ручьев, с «кило» всего-то и было, но срок за это дают вполне реальный, лет пятнадцать-двадцать, а то и вышку. (Тут он прав, только по торосам вдоль берега он не мог гнать при всем желании).

Собачки у меня были хороши, но и они от вертолета погранцов не смогли меня унести. Я успел только пару раз шмальнуть из карабина по вертушке, но раздалась очередь из пулемета и я видел, как отлетели мои ноги в новых «бокарях» из нерпы. Боли не было, я просто провалился куда-то, в небытие. Боль, ужасная боль пришла потом, уже в больнице, и на зоне страшно болели ноги, которых уже не было, только культя.

Самое интересное, что о золоте на суде никто и не вспомнил, судили за пушнину и за то, что «шмалял» в вертолет. Однако «червонец» схлопотал, вот, пацаны, и вся моя история. Только того, кто на меня «стукнул», я «убрал» давно».

Ну а на самом деле, как мы узнали от старожилов, все было проще и прозаичнее. От острова до Магадана Филипыч уехал на своей упряжке, где и забухал со «шмарами», где-то на «малине» в Марчекане. Верные собачки ждали его голодные дня четыре, и когда он, нагулявшись, упал на нарты, крикнув им, домой, они рванули и понеслись по шероховатому, как наждак, льду Охотского моря. Они твердо знали, что дома их ждет кормёжка, а то, что сейчас летят голодные, то это в порядке вещей, сытая собака не будет «работать в упряжке». Еду нужно заработать.

Двадцать два километра – это для них не расстояние, и вскоре они остановились у избушки хозяина, запутавшись в постромках, скуля и лая. Каюра в нартах не было! Поутру, хотя зимой всегда ночь, соседи обратили внимание на визг и лай около избушки Филипыча. Там шла битва голодных псов не на жизнь, а на смерть. Слабую собаку могут сожрать свои же из упряжки. Соседи, мужики, тертые Севером, ушлые, сразу же всё поняли и уже на своих упряжках рванули, погнали по слабому, еле видимому нартовому следу, в сторону Магадана. Нашли его на полдороге, подобрали и опять в город, но уже в больницу, где Филипычу и укоротили ноги. Хороший вожак в упряжке оглядывается, но на этот раз собак гнал голод, и трудно судить вожака, за что он не заметил потери каюра. Он ведь просто собака, голодная собака, которая всегда хочет жрать. Филипыч забыл по пьянке об этом, за что и поплатился!

Живём, как можем

Жизнь, даже на каком-то островке, когда ты при хороших деньгах, прекрасна. Ты молод, здоров, не обременен семьей, сам себе хозяин и иногда, чтобы не лететь в Магадан, заказывали себе бочку пива (в те времена пиво было еще пивом), закатывали бочонок в комнату и кайфовали. Как правило, пить сей божественный напиток, наслаждаясь в одиночку у нас не получалось, и жаждущих набивалось в комнату больше, чем нам хотелось бы. Мы никому не отказывали, пейте люди нектар божий, его нам не жалко пока много, пусть будет

и у вас праздник. Но когда пивко кончалось, а аппетиты пропорционально увеличивались, особо «борзые» могли запросто схлопотать и в «пятаяк».

Когда к концу пиршества нам надоедал шум, гам, пьяный базар и сигаретный дым, мы молча открывали широко двери, делали красноречивый жест и горе тому, кто по пьянке забывал, где он и у кого находится. А главное, что эта бочка не его, а наша!

Спасибо, ребята, что зашли к нам, осчастливили нас своим визитом, но, угостились, а теперь валите отсель подобру, ибо пора и честь знать.

Мало кто знал, что у меня под койкой стояла пара ящиков вина «Старый замок». Утром, сделав себе бутерброды из свежего, вкуснейшего хлеба (пекарня через дорогу), толстого слоя желтого сливочного масла, и красной икры, которая уже падает с горки на хлебе. Выпив для тонуса стакан «Старого замка», зажевав хорошее вино царской закусью, мы создавали себе прекрасное, бодрое настроение на весь день. Спасибо тебе, боженька, за хлеб насущный.

Работали весело, работа нас не тяготила, но все равно ждали вечера, конца рабочего дня, ведь работали для того, чтобы жить, а не жили для того, чтобы работать. Так что, работе время – потехе час! Развлечений особых на острове не было, в основном это были, походы на скалы птичьего базара, рыбалка, и заплывы в ледяной воде на интерес, утонем, или выплывем. У Серого была еще одна спортивная дисциплина – это женщины, но об этом чуть позже. Это слишком обширная тема и в двух словах не расскажешь.

Поскольку я был доверенным лицом Сереги, ему не было нужды искать свободные уши, чтоб похвалиться очередной победой на любовном фронте или, наоборот, «поскулить» о своем поражении, ведь он считал себя неотразимым мачо. Чтоб как-то скрасить один из выходных дней, а Серому залечить душевную рану, нанесенную какой-то неуступчивой рыбачкой, мы решили не бухать, как плебеи в общаге, а «нажраться» благородно на собственной яхте.

С этой целью мы «увели» с причала четырехвесельный баркас, загрузили в него снасти, еду, выпивку, транзистор, гитару, Серегу и меня как бывшего речного капитана, смутно понимающего, что такое норд, вест, зюйд, ост. Отчалили мы от причала (береговых валунов) под звуки марша «Прощание Славянки» в исполнении оркестра, то есть Серегиной гитары и моих губ, ведущих партию трубы. Руки были заняты, потому что я выгребал в открытое море, самым малым ходом, это для того, чтобы волной не смыло кого-нибудь из толпы провожающих, хотя на берегу кроме громадных валунов никого и не наблюдалось.

Наконец берег исчез в морской дали, и мы решили, что пора промочить горло старым, добрым «ромом». Открыли «Старый замок», «причастились», как положено, и Серый с пеной на губах стал доказывать мне, что среди зевак на берегу была и его «рыбачка Соня». Это она бросала в воздух лифчик и орала: «Вернись, Сережка, я вся твоя!» Я ему ответил, что, конечно, это видел, вот только в небо она кидала не лифчик, а трусы в горошек, которые я ей давеча подарил, поскольку на ней трусов не было в нашу последнюю ночь. Да и орала она: «Вова, вернись, я все прощу».

Что тут началось, словами не сказать. Отелло не бледнел так от ревности, как мой друган Серега. Наш круиз чуть не прервался, едва начавшись. А рыбачку Соню мы решили удавить вдвоем, как Дездемону, как только вернемся из морей. В общем, «спектакль» удался, хотя аплодисментов и всяких там «бисов» мы не услышали. Только сами «артисты», два великовозрастных балбеса, моряк и хулиган хохотали сами над собой. Идиоты!

Море было, как зеркало, полный штиль, солнышко в зените. Лепота! Течение вокруг острова уносило нас куда-то к горизонту, земля постепенно исчезала. Вот пронесло нас мимо «мальчиков» – это две громадные скалы, торчащие из моря, как клыки, высотой метров по 30. Жутковато, но до обалдения красиво! Представляю, как во время шторма здесь все кипит и грохочет.

После выпитого вина нам стало совсем хорошо, Серый «рвет» струны на гитаре и с подвыванием, со «слезой» в голосе стонет что-то о любви, зоне, вертухаях: о «...прости, мама, меня, сына непутевого...», ну и так далее. Меня это лагерная лирика мало трогает, и я наблюдаю за нерпами, их крутится вокруг нашей «яхты» штук шесть, выныривают рядом, в метре от нас, можно рукой достать (можно, но не нужно, у неё зубы, как ножи), глаза большие, круглые, любопытные. Мы с интересом наблюдали за ними, а они за нами, им тоже интересно, что это за придурки в деревянном корыте. Нерпы приплыли послушать музыку, они это любят, идут и просто на свист. Морды у них симпатичные, усатые, а их грациозности в воде и скорости можно позавидовать.

Все было так хорошо, спокойно, но нерпы вдруг исчезли, растаяли в глубине, как будто их и не было. Тут Серый кричит: «Смотри, смотри!» Спокойную как зеркало воду моря резал загнутый плавник какой-то рыбины или животного. Размеров было не определить, и единственное, что мы сразу поняли, это то, что нужно делать ноги, то есть весла! Если эта рыбка заденет нас хвостом или решит просто почесаться о наш славный кораблик, то нам труба. Не очень далеко от нас в воздух взлетела туша нерпы, а приземлилась, вернее, приводнилась, уже, кажется, в чью-то пасть.

В этот момент у нас глаза стали, как у тех нерп, и через мгновение мы в четыре весла гнали в сторону острова. Не знаю, за сколько мы «добежали» до острова, но, думаю, что в любой регате мы были бы чемпионами. Позднее аборигены объяснили нам, что это была касатка, кит-убийца, и наше счастье, что она не захотела с нами поиграть. Сказали, что там была не одна касатка, просто мы больше не увидели от страха. А касаткам спасибо, что шуганули нас, потому что почти сразу сорвался такой шквал, что навряд ли мы смогли бы выбраться из той передраги. Есть у нас ангел-хранитель, есть!

Нерест лосося на речке «Окса»

Я не ошибусь, если скажу, что главные события в жизни острова, это день рыбака и нерест лосося, который начинает идти на нерест в начале июня. Сначала он приходит мелкими косяками – это гонцы, разведчики. Так на острове называют самых первых, торопящихся на нерест лососей. Они подходят к нашему острову в поисках того ручья, где появились на свет, ещё не зная, что он совсем рядом. Это речка Окса, впадающая в море как раз напротив острова и устья, до которого всего около трёх километров.

С высоты селёдочного причала, в чистой, как слеза, воде видны скользящие по песку, как тени, силуэты гонцов, они трутся брюшками о песок, как бы нюхают воду стекающих с горы ручейков, пытаются определить, найти ту единственную, родную, которая им нужна, и природный инстинкт их не обманет и приведёт только туда, куда они и стремятся.

Соскучившись за зиму по этой, ещё пока немного жирной рыбе, по первах местные ловят её сколь могут поймать, маловато, конечно, но для первого раза достаточно, хватит и на жарёху, и на уху, можно и малосол сделать, засолить и подвялить балыки, приготовить икру и нажарить свежих, вкуснейших молок. Всё уйдёт в дело, ничего не пропадёт, была бы рыба да побольше, всё равно островитяне лишку никогда не возьмут, а всё в меру.

Лосось уже в цветном брачном наряде, из серебристого с мелкими крапинками как у форели он превратился в жениха-красавца, окрашенного, кажется, во все цвета радуги, с преобладанием чёрно-малинового и лилово-красного цветов. Но это пока всё ещё стройная рыба, без горба и с ровным носом, это случится потом, когда он пройдёт через все круги ада: подымаясь вверх по реке, он будет биться на камнях мелководья и в перекатах, как солдат в атаку будет бросаться на водопады, пролетая по воздуху и едва касаясь хвостом встречного бешеного потока.

В своём стремлении к продолжению рода он проходит сквозь тяжкие испытания: у него вырастет горб, а нос загнётся крючком, но он до последнего будет стоять над ямкой с оплодотворённой икрой, отгоняя этим страшным носом любых хищников, пожирателей икры, спешащих на пир. Совсем скоро он потеряет свой брачный наряд, превратившись в серую, блёклую рыбину, доживающую свою такую короткую, но похожую на подвиг жизнь.

Речка Окса течёт в распадке между двумя каменистыми сопками, и до её устья от острова порядка трёх километров. И в один из не очень погожих дней мы отправляемся за горбушей, которая пошла валом, хоть бери и просто черпай, а заготовка рыбы, то есть путина, это для островитян как для крестьянина уборка урожая, страда, сенокос.

Большой деревянный четырёхвёсельный баркас – самое подходящее плавсредство для такого дела, даже если оно без мотора. Туда мы дошли быстро, ветерок с моря ровно дул нам в корму, надувая небольшой парус, пока мы не ткнулись носом в песок почти в устье реки. Островные мужики, как люди моря, стали ладить небольшой бредень, а я стал наблюдать, как вскипала вода, когда косяки горбуши как по команде кидались на штурм устья реки. Большинству везло и они с первого захода попадали в родную реку, реку своего появления на свет. Я не зря говорю везло, потому что само устье было местом охоты нерп, они торпедами врывались в косяк, и тогда рыбины, ища спасения от грозного хищника, взлетали в воздух, но иногда, падая обратно, оказывались уже в пасти охотника.

Рыба кидалась в устье и в стороны, и было впечатление, что кто-то густо сыпанул по воде горохом; нерпам нужна была паника, так легче поймать добычу, и рыба, не зная, где искать спасения, становилась жертвой аппетита морского зверя. Иногда нерпа просто откусывала лососю голову, и это было для неё не только лакомство, но и так необходимые ей витамины и хрящи для строения скелета. В общем, почти лекарство – так мне объяснили аборигены. В море, как и на земле, всегда кто-то за кем-то охотится, более сильный и быстрый гонится за медлительным и слабым, – так устроен весь мир, и люди к сожалению, не исключение. Только у зверей и животных – это и пищевая цепочка, естественный отбор, и инстинкт выживания, а у человека чаще всего ненависть и жажда наживы.

Зайдя в рыбацких резиновых «комбезах» по пояс в воду, мы, оставив одно крыло на берегу, завели наш небольшой бредень почти поперёк сильного течения, которое валило с ног, и завели другое крыло ниже по берегу. Сразу вытащить не смогли, потому что зачерпнули горбуши изрядно, и только выкинув на берег почти половину улова, мы смогли вытащить наш бредешок.

Такой рыбалки я в жизни не видал: весь берег кишел рыбой, которая прыгала, билась, опять стремясь в родную стихию. Заведя нашу снасть ещё несколько раз, мы решили, что для первого раза хватит, в баркасе было около двух тонн, а это для разведочной рыбалки совсем неплохо.

Вся эта рыба была поймана для общества, ведь не у каждого есть свободное время, всё население работает на сельди. И есть ещё на острове и одинокие женщины, и больные люди – и всем хочется отведать вволю свежего улова, всем нужно разнообразие, а значит, вечером хозяйки наделают и рыбных пельменей, величиной (опять же) с кулак, и нажарят вкуснейших и нежных котлет, размером с тапочек, потому что по-другому здесь не делают. Вот и ждут люди наш баркас, и каждый возьмёт свою часть и ровно столько, сколь ему надо, лишку не прихватит, ведь это самая первая в этот сезон горбуша. И хотя лето очень короткое, но её ещё много будет. При коротеньком, как заячий хвостик, лете, зиму можно, наверное, сравнить с длинным и пушистым лисьим хвостом.

Выше нас, метров за двести, стояла замаскированная в кустах гусеничная танкетка, это, видимо, была списанная с вооружения и проданная или переданная по конверсии техника, но ни брони, ни вооружения на ней, конечно, не было. Такие плавающие танкетки с удовольствием брали геологи, золотые прииски, егеря, и даже охотники старались прав-

дами и неправдами приобрести такой транспортёр. Пока наши аборигены, отдыхая курили да прикидывали улов, я из чистого любопытства решил пройтись по берегу Оксы до той танкетки, потому что интерес к любой технике в крови у каждого мужика, и я не исключение.

На берегу возились с бреднем четверо хмурых, бородатых мужиков, рядом с ними стояли фанерные бочонки с целлофановыми вкладышами-мешками внутри, приготовленные для икры. На берегу билась только что пойманная рыба, а эти «лешие», вспарывая им брюшки, выливали икру в бочонки, а если попадались самцы с молокой, то их просто выбрасывали опять в воду, и течение сразу уносило тушки в море на радость крабам и прочим обитателям глубин.

Твои олигархи «слуги народа» да всякие чины, поболее воруют, а мы токмо для прокорма, да и наше это, а не их!!! НАШЕ!!

Эти «ребята» – серьёзные, и ради наживы они не остановятся ни перед чем, это я понял по выражению их бандитских рож и по карабинам, прислоненным к борту вездехода. Им страшно не нравился посторонний свидетель, и они посоветовали мне не медлить с возвращением к своему баркасу. Но просто так я уже уйти не мог, и потому, не обращая внимания на угрожающие позы и взгляды, я подошёл поближе.

«Мужики, раз уж вам нужна только икра, то не режьте всё подряд, не губите зря самцов». – «А что у самок титьки что ли есть или у самцов хер под хвостом?» – «А вскрытие всегда покажет, кто есть кто, так говорят хирурги, то есть мы». – «Гы – гы-гы», – прокаркали «юмористы», с понтом так им смешно стало. – «А ты бы валил паренёк отсель, пока мы и у тебя не проверили, какого ты роду племени».

Я, помня, что не один, и на что-то крайнее они не пойдут, всё равно иду к ним: «Смотрите сюда, садисты, вот у этой горбуши носик остренький – это самка с икрой, а вот у этого „кореша“ нос тупой – это мужик, самец с молокой, и он вам не нужен». Я хотел сразу выпустить лосося в реку, но они не поверив, всё же вспороли и его, и ещё одну самочку и лишь убедившись, что я не вру, выкинули тушки в реку, предварительно выпустив икру в бочонок.

«За науку мы тебя на первый раз бить не станем, хотя и нужно было бы, так что иди с богом да пошустрее и островным своим скажи, чтоб не задерживались». Вот как, они, оказывается, знали, что мы с острова, и боялись они нас не зря, наши аборигены знали многих браконьеров побережья и в случае чего знали, где искать концы и к кому обратиться.

Делать нечего, и я возвращаюсь к нашей посудине. Мужики спрашивают, что там за херня, но я молчу, не хватало ещё, чтоб они с голыми руками полезли на стволы. Только мы отошли от берега, как ветер, словно по мановению волшебной палочки, стих, на море опустился густой туман и наступил полный штиль. Не видать было ни берегов, ни нашего острова, и не знаю, как, но мужики, прожившие на море всю жизнь, определялись в пространстве каким-то шестым чувством, и мы, как потом оказалось, шли верным курсом, как по компасу.

Гружёный баркас шёл тяжело, и когда мы услышали в тумане рёв моторов, то решили, что это кто-то из наших спешил к нам на выручку. Но из молочной мглы, словно на фотобумаге, проявилась дюралька «Обь» под двумя «Вихрями», с мощным фароискателем и с надписью на борту «Инспекция». За рулём сидел одетый по форме и вооруженный пистолетом в кобуре и карабином, стоящим между ног, инспектор. Он крутанулся вокруг нас, совершив круг почёта, потом подойдя к нашему борту, кинул буксирный конец и показал жестом: «Цепляйтесь!».

Делать нечего, влипли, выходит, по самое «не хочу», но рыбу за борт, уничтожая улики, выбрасывать всё равно не стали и, как потом оказалось, правильно сделали. Он шёл полным ходом, хотя в тумане мы его и не видели, только капроновый буксир дрожал от напряже-

ния, не успели мы и оглянуться, а вот и наш «Райский остров», инспектор сбавил обороты и крикнул нам: «Отдать буксир!». Мы сбросили буксир с небольшого носового кнехта, и он, дав газу, опять исчез в молоке тумана.

Мы, не веря в такой неожиданный исход дела, вместе с набежавшими женщинами стали лихорадочно выгружать рыбу, и за считанные минуты баркас был пуст и даже вымыт так, что и чешуйки не найти. Как только мы управились с рыбой, опять стал слышен рёв лодочных моторов и из тумана опять вынырнула лодка инспектора, заглянув в наш баркас, он удовлетворённо хмыкнул: «Молодцы, чисто сработано. Только зря вы боялись, мы островных никогда не трогаем, пора бы уж и знать, а вот магаданских браконьеров гоняйте, за это скажем «спасибо».

После этих его слов я рассказал ему об инциденте на Оксе и браконьерах, зря губящих столько рыбы, о том, что мужики крутые и крепко вооружены, а потому ему одному соваться туда не стоит. «А вот за подсказку спасибо, я их ищу уже который день, жаль, что туман и вертушка наша не летает, а эти сволочи опять уйдут по сопкам, но сколько верёвочке не виться, а конец всё равно будет», – сказал инспектор..

Я с детства презираю и ненавижу стукачей, но в этом случае ни малейших угрызений совести я не испытывал. Те люди опасны не только как браконьеры, они опасны для людей, для общества. Инспектор попросил с десяток литров бензина: «Я всё же пробегусь к Оксе, посмотрю, там ли они ещё, может с кустов подберусь, сделаю снимок, это на будущее и будет одной из улик». Мы залили ему бензина во все баки, дали пару буханок островного хлеба, вкусней которого нет во всей Магаданской области, и он знал об этом. Мы попрощались уже как добрые друзья, он опять погнал искать браконьеров, а мы, взяв водочки, пошли отмечать первую лососёвую рыбалку, жарить рыбу и обязательно молоки.

Это была моя первая, но далеко не последняя рыбалка на острове, ведь помимо сезонного лосося, в Охотском море обитают сотни, если не тысячи видов всевозможных пород рыб, но главный деликатес – это колючий краб, самый большой, самый колючий и самый вкусный краб мирового океана, и его не зря зовут «королевским», он этого стоит. Очень жаль, что всё это уже в прошлом, но, может быть, у кого-то, прочитавшего мои рассказы, появится желание увидеть всё своими глазами, и тогда он поймёт, что жизнь прожита не зря.

День рыбака

Если не ошибаюсь с датой и временем, то в июле отмечается День рыбака. В этот день на острове, в Рыбачьем поселке народ гуляет. Есть в поселке, как и в любом другом населенном пункте, и своя «площадь», вернее, лужайка, где отмечаются всенародные праздники и организуются «гуляния», слово-то какое-то дурацкое, балаганное.

Особо чтимы в народе Новый год, День Победы, Пасха и святой праздник День рыбака, который отмечается народом с наибольшим размахом и сопровождается общественной ухой, песнями, пьянством и, как следствие, иногда и мордобитием.

Душа мужика в этот день требует свободы и простора, а на площади ему становится мало места, все толкаются да и смотрят как-то не так. Вот и получай в ноздрю и в глаз, чтоб смотрел правильно. «Ответ» прилетает незамедлительно, долго просить не нужно. Ну а дальше – куча мала из больших мужиков.

Но всё это будет потом, а пока все глазят на то, что электрик вешает на макушку столба, стоящего на площади. Значит, скоро самые отчаянные босиком, а то и в одних семейных трусах, выставляя всем на показ свое «хозяйство», под плевки женщин и хохот мужиков полезут на этот гладкий столб за какой-то ненужной или очень нужной в хозяйстве вещью. Но мало у кого хватает сноровки и ловкости, чтобы добраться до верха, ну вот повился и первый смельчак: оставшись в одних трусах мужик рванул было вверх, но съехал, не дойдя

до финиша, он почти падал вниз обхватив столб руками и ногами, и издавая при этом истошный вопль. Он ободрал свои ляжки о следы на столбе после когтей электрика. Сейчас бедолага ходил среди сочувствующих, показывал свои волосатые многострадальные «окорочка», а заодно и «остальное». Увы, сочувствия он не нашел, только смех, поэтому полив для дезинфекции своё «хозяйство» водкой, и допив остатки, он пошел домой под конвоем своей разъяренной супруги.

Я не знал, для какой цели стоял на лужайке большой чан, накрытый деревянной крышкой и укрытый брезентом. В таких чанах в пекарнях месят тесто для хлебов, но в этот день у котла происходило какое-то таинство, обряд, а именно: процесс приготовления настоящей рыбацкой ухи, какой нигде в мире, кроме острова Недоразумения, не попробуешь.

Сначала в котел, в кипящую воду опускают много-много мелкой рыбешки уйка, она же мойва, Закладывают её прямо с чешуей, в двойной марле. Рыбка, которая просвечивается насквозь, просто тает в воде, а то, что от неё осталось, выбрасывается.

Потом закладываются головы лосося, морской окунь, камбала, треска с печенью. Варят недолго: глаза у рыбы побелели, еще чуть-чуть и вынимают эту рыбу, кладут в деревянные корытца, на любителя. Рыба вся целенькая, не разваренная и дух от нее идет. Хороша она и в горячем, и в холодном виде.

Последняя закладка – это много лосося, порезанного крупными ломтями. В ухе не должно быть рыбы, поэтому и лосося тоже вынимают и огромной дымящейся кучей выкладывают на громадный деревянный поднос, которому лет сто, наверное.

Напоследок в котел кидают много зелени укропа, петрушки, зеленого лука и душистого черного перца. Немного постоит уха под крышкой, зелень притомится (но не сварится), и давай наливай, разливай, хватит слюной своей захлебываться.

Если рыбакам повезёт крепко, то в этой ухе будет и Калуга, а значит и уха тоже станет царской.

Попали и мы с Серым под раздачу этого рыбного нектара. Сами выбрали понравившиеся куски рыбы, залили горячим, пахучим, янтарным варевом, и все рестораны Лондона и Парижа пусть отдыхают. Кто поумней, те налили уху в кружки, пристроились возле вареной рыбы и, выбирая самые вкусные куски, ели, прихлебывая из кружек. Мы последовали их примеру и не пожалели. Век живи – век учись.

В тот день мы крепко «устали» и попадали прежде времени, очнулись только вечером, уже тверезые, но голодные, как «бобики» Филиппыча. Жрать у нас дома, кроме старых хлебных корок да солёной горбуши, ничего не было, но инстинкт повел нас опять на лужайку к заветному котлу. Хотя на улице было довольно тепло, но там мы обнаружили рыбный холодец, который можно было ножом резать. Янтарный, упругий, вкуснящий рыбный холодец. Мы его не ели, мы его жрали и, кажется, даже рычали. Когда уже холодец был у нас во рту и в том месте, на чем мы сидим, мы тормознулись. А что это с нами? Выходит, одичали совсем, оголодали?

Друг мой Васька, и его кот Василий

Васька жил на острове с сестрой Валею, очень строгой девушкой и её мужиком Аликом, очень веселым человеком. С другой женщиной из-за своего характера, тяги к доступным женщинам и любви к «Бахусу», Алик пропал бы, но только не с Валею. Своей маленькой семьей она правила твердой рукой и никаких метаний в сторону сезонных «девушек» своим мужикам не позволяла, пресекала в зародыше. Одному по той причине, что он её муж, а другому, то есть брату Ваське, из-за боязни, чтоб тот «не намотал на «винт», впрочем, дорога в рыбокооп им тоже была закрыта. Табу! Третий мужик в их маленькой семье был «сам по себе», как и полагается коту, но про него чуть позже.

Только иногда, снизойдя до понимания потребности мужской натуры, она сама брала «шкалик» беленькой, и «кушали» они его лишь на пару с Аликом, потому что брат Васька и так частенько приходил от нас на рогах. Употребив водчонки, Алик приходил в хорошее расположение духа и брал в руки гитару. Становилось уютно и совсем хорошо, оба неплохо пели, и их семейный дуэт звучал очень красиво и душевно.

Четвертый член семьи был котяра Васька, с крупной как у рыси мордой, какого-то медного цвета шкурой, с длинными ногами и когтями, как абордажные крючья. Вот таков его портрет! Кот, по всей вероятности, был «садомазо». Ну какой дурак идет на свои муки добровольно? Стоит большому Ваське «кис-киснуть» Ваське мелкому, он тут как тут. Остается только накрыть его ведром или тазом, хорошенько побарабанить сверху и вовремя отскочить в сторону, когда ошалевший кот с квадратными глазами идет на взлет с воем взлетающей ракеты.

Но Васька – кот не злопамятный, и через полчаса он опять трется о ноги своего мучителя и хозяина, Васьки большого. А тот бормочет: «Ну, что ж, сам напросился!» Привязывает к кошачьему хвосту консервную банку с мелкой галькой и кидает кошака на шиферную крышу. Раздается грохот камней и банки, Василий, пытаясь избавиться от этой штуковины на хвосте, начинает совершать немыслимые прыжки, сальто, кульбиты. На шиферной крыше это смотрится и слышится классно, и мы в восторге. Когда у котяры глаза от ужаса стали, как иллюминаторы, шкертик рвется. Все! Артист «испаряется», унося на своем «буксире» обрывок веревки. Простите нас, защитники и любители братьев наших меньших, мы были молоды и дурно воспитаны. Так сказать, трудное детство, деревянные игрушки, скудное питание, ну и, конечно, влияние улицы. Дети, ради бога не повторяйте наши опыты и ошибки!

И ещё о коте Ваське моего друга Васьки. Котяра в известном, вечном кошачье-собачьем конфликте был не жертвой, а охотником. Как ни странно, но не собаки гоняли кота, а он охотился на них. Вот котяра сидит в засаде, в дозоре на заборе или на столбике калитки своего двора, и не дай бог, если какая-нибудь псина, неважно каких размеров и степени злобности, потерявшая бдительность и нарушившая суверенитет кошачьей территории, пробегает рядом по каким-то своим, собачьим делам, то горе ей. Я ей не завидую, потому что сам слышал и видел, как здоровенные псы, не боящиеся ничего и никого, кричали «мама!» и писались словно маленькие щенята. Обоссешься и от страха поневоле вспомнишь суку, родившую тебя, когда на тебя откуда-то с неба с боевым кличем «мяяууу» обрушивается какая-то хреновина с когтями-крючьями, острыми как лезвия, вцепляется в твою нежную носопырку, а другой лапой норовит вынуть твои ясные собачьи очи, так нравившиеся молодым сучкам, да ещё рвет твои уши, которыми ты так гордился, на тонкие ленточки. Нет уж! Дай бог ноги, и впереди своего визга! А собачья гордость и отвага здесь ни при чем.

С соседским кобелем Васька был на тропе войны почти с детства. Правда, тогда тот был еще потешным щенком Шариком, а Василий – маленьким, пушистым, ласковым Матроски-

ным. Они ели с одной миски и даже спали в будке Шарика вместе, но песик обзавелся собственными блохами, и им стало тесно в одной конуре. Да и на подушке хозяина спать удобней, чем под боком у Шарика, особенно, когда тот яростно чешется всеми четырьмя лапами сразу. Маленького Матроскина постирали в тазу с каким-то гадким шампунем и запретили визиты к Шарику.

Сейчас, по прошествии лет, этого собачьего «мутанта» размером с жеребенка стали звать величать «Корсаром», он сидел на якорной цепи и его боялся сам хозяин. Его боялись все, но не Василий. Он каждый день, плотно покушав, приходил и садился в полуметре от рвущегося с цепи монстра и начинал обстоятельно умываться, всячески игнорируя старого друга детства, а сейчас злобного представителя породы псовых. Умывшись и вылизав себе даже под хвостом на глазах у кобеля, кот, не спеша и важно, удалялся, подняв хвост трубой. Он даже не взглянет в сторону цербера, который уже хрипел в своем ошейнике, с пастью в клочьях пены. Большого оскорбления пес не видел, его негодованию и злобе не было предела. Как только его инфаркт или инсульт не хватил?

Васька питается дома и на берег за рыбой редко ходит, разве что для развлечения или с большим Васькой. Мелкий Васька ищет рыбу, чтоб с ней поиграть, а что её искать, когда она вон в лужице трепыхается. Ну её! Лапы насквозь промочишь да и шкура мокрая будет. Если коты умеют плавать, то это еще не значит, что они любят это делать. За рыбой, хорошей рыбой можно поохотиться и на суше. Вон на краю крыши висят, вялятся здоровенные лососи. Это уже интересно, и кажется это то, что нужно.

Котьяра взлезает на шиферную крышу до самого конька, разгоняется, прыгает, летит, как белка летяга, в полете ударяет лапой по рыбине, та делает сальто на проволоке, но не падает. Кот летит дальше, растопырив лапы, и приземляется у калитки. Вот это полет! Это вам не гимнаст из проезжего «Шапито». Первый блин комом? Не беда, повторим! Опять прыжок – рыбина крутится, но не падает, а падает пока только кот. Пора сменить тактику. Котьяра почти без разбега взлетает, выпустив все когти, и повисает на рыбине, отгрызая ей голову. Грохается вместе с добычей на землю и тут же утаскивает её под порог, косясь при этом подозрительно на нас с большим Васькой, не зная, что у нас на уме. Вот такая «сухая» охота, без моря, коту по нраву. Это и спорт, и еда, полезное с приятным! Я помню о вас Васьки, большом и мелком!

Сучонка «Роза» и пёс «Корсар»

В нашем бараке в комнатухе с отдельным входом с торца, жила бабушка. Когда-то она приехала на остров во время путины зарабатывать пенсию, да так и осталась в этом Эдеме, некуда ей было ехать, не к кому, да и незачем. У нее была болонка «Розочка,» городская задавака и вздорная особа размером с рукавичку, она спала с бабушкой в одной постели, ела с ней из одной тарелки, на улице постоянно лаяла, ругала всех а особенно кота Василия, который считал ниже своего достоинства обращать внимание на эту звенящую варезку на коротких лапках. Она была единственной собакой на острове, кого Васька ни разу не обидел, он вроде даже побаивался, зная её склочный характер. – Ну, её! Итак, есть с кем драться, кобелей хватает.

В свое время определенное природой у Розочки началась течка, а где ей взять мужчину такого размера? Бабушка перестала выпускать её на улицу, чтобы хвостатые охальники не «порвали», не снасиловали её сокровище сучонку, истекающую любовным соком. Она решила, что собачонка как всегда перетерпит, переболеет, но Розочку гнал природный инстинкт продолжения рода, и она решила, что хватит ей терпеть, да болеть, это бабуле уже ничего не нужно, а ей по прежнему, очень хотелось стать мамой, самой нянчить, да выли-

зывать своих кутят, выкормить их, поставить на лапы и дать путёвку во взрослую собачью жизнь.

Не знаем уж как, но убегла Роза от бабули и рванула к тому, кто был ближе всех, к здоровенному соседскому псу Корсару на якорной цепи, которого даже сам хозяин побаивался. Тот сначала ошалел от такой наглости, но учуяв сучий запах, пришел в восторг. – Ничего себе девочка по вызову, женщина с доставкой на дом, это здорово! Моя конура, твоя конура! Будь хозяйкой!

Ничего этого он конечно не сказал, но наверняка подумал; что вот так с горяча, можно и вовсе без жилья остаться. А Розочка в это время встала на задние лапки и с трудом дотянувшись носиком до мохнатой кобелиной задницы, понюхала с интересом:

– А что этот блохастый мачо кушал на обед? Кобель тоже с упоением вздохнул женский запах, лизнул ей пару раз под хвостом, и не в силах больше терпеть, присел как смог, изогнувшись как якорная лапа, и натянул этот мохнатый шерстяной комок на свой истосковавшийся по женщине мужской орган. – Дааа, это не то, что самому вылизывать себе член, делая самому себе приятно. —А я ведь думал что совсем забыл как «это» делается, все на цепи, да на цепи. Корсар, гремя якорной цепью, и пуская обильную слюну, «дернулся» несколько раз и «приплыл». «Дама» стала ему не нужна, но она грушей висела у него на «гаке», сучила короткими ножками и что-то орала. То ли ей было больно, то ли приятно, а может быть и страшно, потому что лапками до земли она не доставала.

Тут выскакивает на крыльцо бабка, а увидев висящую на мощном «крюке» Розочку, в страшном беспокойстве голосит: – Ой, лопнет, ой лопнет, мужики спасите мне собачку, снимите её оттуда. Если бы даже мы и могли, то не стали бы этого делать, ломать кайф «мужуку», да и «даме» тоже, да ни в жисть!

А в это время, мимо шли женщины с рыбозавода, и обозрев эту картину маслом, и нас хохочущих над всем происходящим, они стали зачем-то стыдить нас и всяко разно обзывать, причём кося глазом на собачью «сцепку». Но когда мы сказали, что они и сами не прочь повисеть на таком инструменте, сезонниц, то есть вербованных, как ветром сдуло. Нашлись нравственицы лёгкого поведения, это ведь природа, естество, а значит и продолжение рода. На этом и вся наша жизнь стоит!

Тут, как и положено, по сюжету, и по закону подлости появляется кот Василий. Узрев такую «картину», он первый раз в жизни растерялся. – Что это случилось с его лучшим врагом? – Откуда у него под брюхом какая-то «болячка»? Корсар, увидев своего главного врага, забыл что у него под фюзеляжем, на «подвеске» висит зазноба, стал рваться с цепи пытаясь достать усатого наглеца. Но на его нападки у Васьки ноль эмоций, он даже не стал как обычно умыться, а стал с явным интересом наблюдать, что будет дальше? А дальше, «девушка без вызова» видимо созрев, спелым фруктом шмякается на землю и без сил отползает за границу длины его цепи, чтобы этот конь её ненароком не затоптал. Бабуля моментом подхватила свое «гулящее» сокровище, и с причитаниями поперла домой.

Васька поняв, что представление окончено, презрительно фыркает, брезгливо по очереди трясет всеми лапами, будто только что вступил в дерьмо, и, подняв хвост трубой, гордо удаляется, даже не взглянув на «друга». Через положенное время Розочка, едва не вывернувшись наизнанку родила «сыночка» чуть ли не больше ее самой. В честь папы его назвали Пиратом, но папа сына не признал, и пусть это будет на его собачьей совести.

RS. Будучи в «интересном» положении Розочка ещё раз сбегала от своей бабули к мужчине своей мечты и отцу ещё не рождённого дитяти, Корсару. Он в тот момент обедал сваренными хозяином какими-то морскими гадами вперемешку с комбикормом. Они так упоительно воняли что Розочка пуская обильную слюну сочла себя вправе присоединится к трапезе бандита. Но когда она сунулась к бадейке с варевом, тот так рыкнул на неё что ту как ветром сдуло. От неё сейчас не пахло женщиной как во время течки, да и потом, секс

сексом, а жратва жратвой. В тот момент она поняла что суждено ей стать мамой одиночкой, – ууу, все вы мужики одинаковы, кобели одним словом!

Ну и дела пошли, кобелиные!

Манефа, Оленька, Серёга

Ранним утром Серёга с больной головой, и одной, и «другой» тащился в раскоряку из женской общаги. Каждый шаг причинял боль, «рыбачка Соня» промурыжила его в постели всю ночь, обцеловала, обслюнявила всего, но свои трусишки немалого размера так и не сняла, гонор показала морячка.

Проходя мимо пекарни, Серый слышит женский голос, похожий на стон: «Серег, загляни-ка на часок». Это пекариха Маня или, как она любит, Манефа. Она стоит одной ногой на табуретке, другой – на подоконнике и тянется полной рукой к форточке. В другой раз Серый махнул бы рукой да и пошел дальше, но он заметил то, чего нельзя было не заметить. Манефа была в коротком белом халатике на голое тело. Халатик распахнулся вниз, обнажив крепкие ляжки и то что так заманчиво темнело между ними. На груди Маня придерживала халатик рукой, не давая тяжелым титям совсем вывалиться наружу. Впечатление, что это окно не пекарни, а женской бани, да и в форточке пламенело лицо Манефы, будто только сейчас из парилки. Мгновенно оценив пышные Манины формы, томный зовущий взгляд, стрельнув глазами как шпион по сторонам и не обнаружив никакой слежки, Серый, полный самых радужных надежд ломанулся к дверям пекарни, куда обычно простым смертным вход был заказан. Табу!

Манефа с утра была полна томления, работа не спорилась, тело горело огнём, все валилось из рук и было от чего! Мужика своего, благоверного она «заводила» всю ночь, но, кроме головной боли и страшного зуда между ног, ничего не получила. Увидав поутру Серого и зная, что он ни одной юбки не пропустит, она воспрянула духом и решила: будь, что будет! Не помирать же от сушняка да зуда!

Вот и встретились два одиночества! У Манефы была удивительная способность краснеть по любому поводу, она краснела даже от своих потаенных мыслей и сексуальных фантазий. Ей было стыдно за это, что впрочем, не мешало ей наставлять своему мужику рожки, рога, рожищи! Её плоть бесилась, бунтовала, ну а способ укрощения существовал только один, испытанный и надежный. И когда она случайно увидала в окне Серегу, какая-то сила, помимо её воли, толкнула и подняла на подоконник. И это совсем не она позвала Серого, это её плоть вопила: «Муужжикаа!» Он услышал и понял этот призывный вопль, вопль похоти и страсти, и, спеша на этот зов, он уже обонял этот запах сучки, самки, запах секса.

Манефа открыла дверь, Серый зашел, вопросительно глянул на неё, но ответ уже был на её лице. Она стояла вся пунцовая, её бросило в жар от своих грешных мыслей и предвкушения. По прежнему одной рукой она придерживала халатик на груди, другой внизу, как бы стыдясь и не желая прежде времени показывать то, что Серёга давно разглядел, она слегка заикаясь, молвит: «Сереж,ними мне сверху со штабеля мешки, мне одной тяжело». Мешки с мукой были уложены в штабель под самый потолок, и со временем образовалась как бы лесенка. Эти мешки Маня легко ворочала и сама, но не в этот раз.

Серёга, принимая эту игру и прикидываясь шлангом, говорит: «Какие мешки, покажи сама». Манефа, пожав полными плечиками, лезет по мешкам под потолок пекарни, а Серёга уже по-хозяйски рассматривает то, что открылось его взгляду. Он давно положил глаз на Манефу, но не было случая испытать судьбу. И вот оно. Халатик почти ничего не скрывал, он лишь подчеркивал. Серёга снизу с трепетом взирал на полные ноги, крепкую попку, на то, что виднелось между... От избытка тестостерона он был готов заржать как конь, адреналин зашкаливал, а флюиды похоти давно заполнили всё существо истекающей соком

самки. Нет, не зря у неё «там» так зудело, аж дыхание перехватывало, и терпеть эти сладкие муки уже не было сил. Маня рухнула на мешки с мукой, халатик распахнулся совсем, обнажив всё богатство и роскошь своего тела, полные бедра, коленки с ямочками, курчавую «куницу» пониже пупка, и тяжелые груди, которые упруго качались, целясь в потолок крупными, светло-коричневыми сосками.

Серегины штаны вместе с трусами мгновенно улетели куда-то за мешки, и он лишь на мгновение застыл над ней, пытаясь взглядом охватить её всю. Ого, сколько всего, неужели все мое?! Тело у Манефы было белое, без малейшего следа загара, но на этом «снегу», лишь лицо, шея и даже грудь пылали стыдливым, розовым цветом. От нее вкусно пахло сдобой, ванилью, булками, она и сама была, как свежая, горячая, вкусная булка, так и хотелось попробовать её на вкус, откусить кусочек с какого-нибудь края. Художники эпохи Возрождения с таких женщин писали свои шедевры. Но, наверное, ни у одной натурщицы не было такого сочетания, как неповторимый женский шарм, ослепительной белизны тела, зеленых кошачьих глаз и огненно-рыжих пышных волос.

Классическая, миссионерская поза, стыдливо закрытые глаза, но бесстыдно и широко распахнутые ноги. Серега не в силах больше терпеть эту сладкую муку, чуть ли не с разгону оказался в ней, и вот оно столь желанное. Манефа сладко ахнула и бешено работала тазом, устраняя тот зуд, который так долго её мучил. Серёга со всхлипами и стонами тоже выгонял «тоску» из своего мужского «агрегата», и старался, как во время путины. О! Как же была хороша и прекрасна эта трепещущая под ним, так страстно стонущая, чужая женщина. Обоим было очень хорошо, но если Серый только страстно пыхтел да постанывал, то Манефа, ни на миг не прерываясь, стонала и в такт движения тела напевала: «Милай, ты мой. Сладкай, ты мой».

Вот так, под под страстные стоны, «милай», да «сладкай», она и кончила несколько раз, содрогаясь при этом, будто её било током. «Зуд» у Мани почти прошел, наступила сладкая истома, но ей вовсе не хотелось, чтоб это когда-то кончилось. Сейчас под парнем было восемьдесят килограмм счастливейшей женщины. Губки припухли, глазки сияли, на лице было выражение блаженства, а едва слышный шёпот алых губок выдыхал: «Ещё милай, ещё». Серый был уже в мыле, когда в дверь кто-то постучал. Маня как-то крутанула своей попкой, и его наконец «прорвало». Он стиснув зубы, содрогаясь и едва сдерживаясь, чтобы не заржать, как жеребец, или не заорать во всё горло от невероятного чувства наслаждения и облегчения.

Без сил он скатился на нижние мешки с мукой и рухнул ещё дальше вниз, не рассчитав ширины их мучного ложа. Теперь в муке был не только он сам, но и его «трудяга», он стал похож на живую сосиску в тесте. Манька, оценив сей «шедевр», брызнула смехом и, не спуская с него глаз, выудила из-за мешков Серегины штаны да трусьё и бросила ему. Тот быстренько напялил всё, наскоро соскоблив с «сосиски» тесто, посыпал брюки и рубаху мукой, с понтом «уработался», таская эти кули.

Манька тоже быстренько набросила на голое тело другой, какой-то большой и длинный чёрный халат и пошла открывать окошко, где в предбаннике уже толпились бабы. Она безбожно матерится: «Не даёте, бабы, мешки сосклалировать, все вам недосуг, вот и прётесь, когда ни попадя, приспичило вам. Спасибо Серега выручил, а то ведь никого не допросишься. На, Серый, на бутылочку, заработал поди!» Серый тоже матерясь, отряхивается, берет деньги и уходит: «Зови, Мань, коль нужда будет. Ладно, спасибо и тебе». Он маленько устал, но в теле появилась легкость необыкновенная и ощущение, которого он никогда, ни с одной женщиной не испытывал. Манефа тоже порхает, цветет и пахнет, да так, что и любому дураку сразу всё станет ясно. Но дурак не поймёт, а умный промолчит и тихо позавидует. Ну а зуд, слава Богу, «зуд» прошел, спасибо «доктору».

Любовная тропинка

Начало было положено, дорожка проторена, а потом и хорошо протоптана. В маленькой деревне трудно что-либо скрыть, и вскоре все знали о хлебобулочных отношениях Сереги и Манефы. Знали все, кроме главного рогоносца-мужа! Совершенно случайно я стал свидетелем бабского вече, они заочно судили Манефу. И хотя терять её расположения никто не хотел, а вот "заклеймить" и облить грязью, охота всем, аж зубы ломит.

После всей трепотни оголтелых сплетниц свое веское слово сказала баба Даша:

– Бабы, чё вы тут базлаете, кого судите? Кто из вас не занимал у Маньки деньжат, аль хлеба в долг не брал? Ага, нет таких, сучки старые! А кто из вас спикёт такой хлеб, как Маня? Да вы, лодки дырявые, внукам своим коврижку спечь не сможете! Даже если и было у неё с кем-то, она – баба молодая, вся в соку, и не вам судить её. Что это вы о муже ея вспомнили, об алкаше! Вот ты, Глашка, помнила о муже, когда ушла в море на сейнере, и тебя почитай целну неделю «пользовали» всей командой, пока опять трюма селедкой не набили? А ты, Клавка, мужика сваво напоишь, а сама шасть в кусты с вербованным, то-то младшенькой у тебя совсем не в родову получился, рыжий весь какой-то. А?

И ты, Галька, варежку-то закрой свою, а не то, хоть и на старости лет, твой мужик узнает, куда на самом деле ушла пушнина, котору он всю зиму на льду в море да на тундре промышлял. Тебя наши островные почитай неделю по Магадану, по всему Марчекану ловили, все кильдымы обшмонали, пока нашли пьянущей и голой в толпе бичей. Эк размо-рило тебя на водку да на мужиков чужих, ретивых, а и сладко тебе «честной» да «негулящей» тогда, поди. было-то? А всё туда же, судить. «Не суди, да не судим будешь».

Ну, чё, бабы? Про чью еще молодость рассказать? У всех вас «рыло в пуху! Я? А что я? И я така ж, оттого и молчу, не вякаю, это наше дело, греховное, бабское, а мужикам нашим и знать о сём не след, чтоб семьи не порушить. Ох! И любили меня мужики, до сих пор, бабоньки, как вспомню другой раз, аж в дрожь бросает! Не верите, стара больно? Ан нет, душа-то у меня молоденька, так что, кошелки старые, не вякайте! А Маньку, в обиду я никому не дам. Усекли?! А вы меня знаете, Дашка слово по-крабьи держит! Пойду-ка «шкалик» возьму, расстроили вы меня, сучки старые, вот давление и полезло, лечить нать, чтоб не скопытиться.

Очередная любовь, или увлечение?

Когда какие-то решения приходят в вашу голову мгновенно и так же быстро претворяются в жизнь, значит, вы плохо подумали или вообще в тот момент в вашей голове никого не было. Мы ни с того ни с сего написали с Серым заявления на увольнения, скоренько набили морды самым махровым хохлам, прыгнули в попутный катер и через некоторое время оказались в п. Армань, на базе Тауйского рыбокомбината, от которого мы и батрачили. Устроившись в маленькой комбинатовской гостинице, мы энергично занялись самым приятным в мире занятием: «Ни хрена ни деланием, в самый пик хода кеты».

Представьте себе красивейшее, до самого горизонта Охотское море, где в хорошую погоду не видать границ горизонта и моря. В море – лёгкая зыбь, бьющая бортами стоявшие у небольшого причала баркасы, завозни для неводов. В устье реки Армани валом идёт кета, она идёт плотными косяками, нерпа, врываясь в косяк, рвёт его, хватая нерасторопных или ослабевших рыбин, идёт большая охота. Лососю предстоит ещё долгий путь к местам нерестилищ, где они когда-то появились на свет, и всего-то им отпущено на всю жизни четыре года. Вылупится из икринки малёк, подрастет до осени и скатится в море, чтобы через такое же время вернуться сюда, и тоже выполнить свой долг перед природой.

Ох, ах, сладкая Оленька

Я уже как-то сказал, что женщины вешались на Серёгу, как мишура на елку. Здесь, в Армани он положил глаз на соседку по гостинице Оленьку, у которой глаза были, как бездонные голубые озера, в которых можно было утонуть. С фигурой и грудью, оглядываясь на которую, мужики ломали шеи, но мало кто знал, что на ощупь Оленька была ещё приятней. Если даже кто и знал об этом, но только не её постылый муж Гена, который больше любил бухать и петь песни под аккомпанемент своего баяна, на котором он недурно играл в самодеятельности. Пройти мимо такой красоты и несправедливости по отношению к Оленьке, Серёга, в силу своей кобелиной привычки не пропускать ни одной юбки, не мог. А Оленькино сердечко, давно созревшее для большой любви, сразу откликнулось, и вскоре два любящих сердца забились в унисон. Влюблённые ловили моменты и мгновения встреч, Оленька сияла, лучилась счастьем и надеждой, что благородный «лыцарь» Сержио дэ Кобелино умыкнёт её у постылого мужа-плебея и увезёт в свой родовой замок далёкой страны Белоруссии.

И так уж однажды получилось, что когда Серый «имел» Оленьку на пеньке около забора её маленького огородика, мимо с баяном и песенкой на устах, шествовал её «любимый» муж Гена, бард, певец и баянист клубной самодеятельности. Он тормознулся, посмотрел на парочку, занимающуюся любовью на пеньке, хохотнул, пробормотал: «Во дают люди, пойду Ольке расскажу, обоссываю от смеха». Растянув опять свой баян, он заорал песняка и двинул дальше вдоль своего огорода. Не думали любовники, греховодники, что он их заметит, ладно хоть не узнал спьяну свою женульку и гостиничного соседа. Но что делать!? Кайф поломан, вечер испорчен. Оленька, едва поправив трусишки, рванула домой прямо через огородик и к приходу мужа уже ждала его дома с половником в руках. Получив пару раз в лобешник половником, Гена мирно уснул на дорожке возле дивана. Толку с него никакого нет, вот и пусть занимается «половой» жизнью на полу, давясь злыми слезами, рассудила Оленька.

На этом история не закончилась, поутру, проводив похмельного Гену на работу, она опять прилегла на свое ложе и задремала с мыслями о Сереге. Вот бы опять всё повторить, только чтобы очень долго и не один раз, а много-много. Чувствуя вдруг на своём теле чьи-то руки, она открывает свои бездонные глаза – и вот на тебе! «Эти глаза напротив», только больно уж наглые.

Это – Серый, едва дождавшись, когда Гена уйдет на свою «пахоту», спокойно без стука вошел в незапертую дверь, с твердым намерением (и не менее твёрдым членом) продолжить и закончить начатое вчера. Но диван скрипит, соседи услышат, дверь тоже запирать нельзя, вдруг муж вернется за чем-нибудь, как не раз бывало. И что потом делать? Серый ставит Оленьку к окошку буквой Г, и та видит тропинку к своему крылечку, ну а дальше – дело «техники». Всё было, как она и мечтала: и «подальше», и «подольше», и «поглубже». После нескольких «заходов» Серый в мыле, а Оленька, чтобы не орать от страсти и счастья, изжевала и чуть не съела полотенце, которым она заткнула себе рот. Давно, очень давно у неё не было такого, а этот лось, Серега продрал, «прочистил» ей весь «организм». Впрочем, лось – не Серёга, а Оленькин мужик Гена, рога-то у него!

(Не верь султану, непьющему не верь, и бабе.)

Время шло. Расчёт нам пока не давали, деньги стали кончаться или кончили начинаться, не знаю, как лучше выразиться, но смысл от этого не меняется. Серый у меня захандрил, Оленьку уже разлюбил, хотя она подумывала о смене мужа и имела виды на Серегу. Дурёха набитая, это все равно, что объезжать мустанга в прериях. Он ведь пока весь табун не осеменит, ни под «седло», ни в «стойло» не пойдёт. В один, не очень хороший день Серый заявляет, что съездит с попутным катером на денёк, другой на остров, якобы он там что-то

забыл. Но мне-то не нужно лапшу на уши вешать, я прекрасно знаю, что он там оставил, но я ему не папан, и тем более не маман, Манефа мне не жена, а тоже уже бывшая любовница, и запретить я никому и никак не могу. Пока Серый «ушел» на катере в поисках приключений на свою задницу, я расскажу о тех, которые он едва не нашёл там, куда опять сейчас поехал, и это было ещё зимой.

Рискуешь ты, Серый

Протоптал в ту зиму Серый уже не тропинку, а целую дорогу и не только к пекарне, но и к дому Мани. Ловил моменты, когда «самого» дома не было, то ли он на рыбалке в море на льду, то ли на дежурстве в ночь, а тут как-то зимой и вообще укатил в Магадан на какие-то курсы на несколько месяцев, вообще лафа любовникам. Серый да и Манефа думали, что все шито крыто. Ан, нет! Дядя Толя, старый рыбак, у которого кости болели, спасу нет, все ночи проводил у окошка, и все ночные перебежки Серого фиксировал, но до поры до времени помалкивал.

Как-то Серый в твердом убеждении, что «самого» нет дома, берет винца и, несмотря на страшный зимний шторм, накинущийся на остров, ползком, чтоб не унесло в море, скребется к дому Мани. Вместе с метелью вваливается через небольшие дырявые сени в кухню и чуть на жопу не сел: за столом восседает «сам»! Незванный гость закрутился мелким бесом: «Я вот тут, это, ну, в общем, услышал, что ты приехал, и решил нанести, так сказать, визит вежливости». И предваряя вопросы со стороны рогоносца, выставляет на стол вино: «Давай. кореш, за встречу. Как съездил, как Магадан?» Хозяин был уже достаточно пьян, и вопросы, которые он хотел сразу задать Серому, завязли у него в зубах. Он только громко сглотнул тягучую слюну и бормотнул: «Наливай!»

Манефа, которая до этого стояла бледная и оцепеневшая, вдруг замельтешила, вновь протирая стаканы и разливая вино: «Хватит жрать винище-то, и так вон через губу переплунуть уже не можешь». – «Молчи, баба, курица, что ты понимаешь в мужской дружбе?! Кореш, вот зашёл с вином проведать. Уважил, значит! Брысь отсель!» Выпили по первой и тут же налили по второй. Хозяин глотает до дна, а хозяйка и гость лишь губы мочат. Вскоре хозяин начинает ронять тяжелую голову на стол в пепельницу, а гость как бы ненароком уже оглаживает округлости хозяйки. Та вспыхивает огнем и поспешно наливает супругу контрольный стакан. Все! «Сам» роняет башку в пепелку и похрапывает, чмокая губами, видимо, допивая четвертый стакан вина.

Серый распахивает на Маньке халатик, но та артачится – вдруг муж глаза откроет. Нет, здесь нельзя, а в спальне дети спят. Манефа набрасывает на плечи старую шубейку, висевшую на гвозде у двери, велит одеться и Серому. Глянув на мирно дрыхнущего своего оленя, она выталкивает любовника в холодные сени. После недолгой прелюдии в исполнении шаловливых ручонок Серого и страстных лобзаний, Манефа опрокидывает Серого на топчан, на котором в летнее время в «дырявом холодке» полёживает хозяин.

Топчан, застланный старым одеялом, припорошен снегом, но Серый этого не замечает. Он уже лежит спиной на ложе, а Маня лихорадочно дергает у него молнию на джинсах, чтоб скорее освободить рвущуюся в бой «оглоблю». Освободив вставший во всей своей красе «инструмент», она, не удержавшись от искушения, целует его страстно и тут же нанизывается на него, сдвинув трусики в сторону. Шубейку свою она раскидывает, как лебёдка крылья, укрывая и свои голые ноги, и Серого, и всё то, что сейчас творится под этой шубейкой, откуда аж пар валит.

Маня скачет, как ковбой на диком мустанге, и никакая сила не сможет сейчас прервать эту бешеную «скачку». Вот и «оседлала», «объездила» Маня этого «коня», теперь хоть в стойло ставь, в конюшню, и если бы не вой пурги, их вопли далеко были бы слышны.

Но все когда-нибудь кончается, даже такое приятное занятие, как «трах» на морозе в сених, почти рядом со спящим рогоносцем, супругом. Спокойной тебе ночи, олень.

Расставались тяжело, как бы предчувствуя долгую разлуку. Серый все норовил на прощание поставить Маню на топчан коленочками, попочкой к себе, но она хоть и любила эту позу, неожиданно проявила твердость, воспротивилась: «Хватит, это было в последний раз, уже вся деревня судачит, косточки мне перебивает, один муж только и не знает. Ты, Серый, улетишь, а мне здесь нужно жить, детей поднимать, а без мужика никак, и он – отец моих детей. Прощай, моя сладость, мой Серенький, не судьба нам быть вместе, и не приходи больше, не бреди душу, уезжай скорее».

Понимая всё, Серёга и рад бы забыть, да не забывается чужая жена, и даже Оленька не смогла заслонить собой Манефу, и как бы она ни была хороша, руки Серого помнили пышное, роскошное тело Мани, пахнущее сдобой, ванилью, щедростью. Да и «искорка» в сердце не погасла пока.

На те же грабли наступаем

Вот и в этот раз, который мог стать для него последним, рванул Серый опять на остров, не в силах совладать со своей кобелиной похотью. О любви не может быть и речи, и Ромео с Джульеттой из них не получится. У обоих была только животная страсть, они желали друг друга всегда только потому, что были чужие, а экстремальный секс добавлял остроту ощущений.

А на острове в это время события развивались совсем иначе, не так, как кому-то хотелось. Секса у Серого не получилось, даже с девами из общаги, а вот экстрима – полная жопа, особенно, когда в неё шмаляют из двенадцатого калибра. Но все по порядку! Оказывается, как только мы с Серым отчалили с острова, длинные языки, которые до тех пор были на привязи, вдруг развязались, и всем всё стало известно, даже тем, кто давно знал об этом. Вот уж бабье потешилось, отвело душу, всем досталось, а нам с Серегой особенно. Возникали даже стихийные митинги, где сплетницы клеймили позором всех и вся, забывая о собственных грешках и не видя бревна в собственном глазу. Даже наш друг, покровитель и собутыльник, баба Даша не смогла усмирить разъяренных и оскорбленных мужей и их обиженных мегер, потому что до них мы не успели добраться. Вот они-то сейчас и брызгают слюной, купаясь в собственной непогрешимости, порядочности и добродетели.

Вот в такое горячее, почти революционное время Серый, как Ленин в Питер, прибывает инкогнито на остров, где происходит мятеж. Сразу осознав своё незавидное положение, поняв, что в Эдеме он сейчас персоне «нон грата», Серый ударяется в бег, но поскольку катер уже ушёл, а бежать на острове более некуда, он рвёт когти на вершину горы, откуда, дело прошлое, обзор местности и преследующего его противника лучше. Подымаясь по склону, Серый оглядывается, смотрит вниз на посёлок и замечает человека, крадущегося за ним, за спиной у того болтается ствол. Это Чингачгук «Большой Рог» из племени рогоносцев, он встал на тропу войны, чтобы кровью смыть позор, пьяным бременем легший на его рога. Двое суток Серый передвигался ползком и перебежками, уворачиваясь от хлеставшей по нему дробин. На третью ночь «Казанова» умыкнул лодку, на веслах добрался до материкового берега, потом пешком до Колымской трассы между жирующими на горбуше медведями по речушке Оксе, откуда на попутках и добрался до Армани.

После вынужденного поста в виде ягод да орехов, кедрового стланика, Серый отъедается и зализывает душевные и физические раны. Поплакавшись в мою жилетку и немного оклемавшись, он рулит к Оленьке, горя желанием заглянуть в её синие, как глубокие озёра, глаза, но она уже с другим наставила рога и ему, и в который раз своему баянисту, мужу. Се ля ви! И тут облом.

Во всей этой любовной истории моей вины, думаю, нет. Просто не нужно было мне раньше рассказывать ему о прелестях Манефы, а Серому воспевать мне Ольгины бездонные глаза и всё остальное, что оказалось у неё действительно ещё ЛУЧШЕГО КАЧЕСТВА И КРАСОТЫ. А впрочем, чем только друг не поделится, ведь так?

Вскоре мы получаем расчет, маленько гудим в Магадане и летим в Синегорье в поисках приключений, впечатлений и новых знакомств. Я мог бы продолжить «Сагу» о Сером, еще ведь многое не сказано. Возможно, в дальнейшем я так и сделаю.

Мы опять в Армани

Три километра до «материка» по морю, нас доставили на баркасе, а потом мы потопали вдоль нерестовой речушки Оксы до Колымской трассы, в надежде на попутку до Армани. На тропинке, у реки спугнули двух медведей. Мы им были не нужны, они нам тоже, разбежались мирно.

Поймав попутку, добрались до Армани, устроились в небольшой гостинице, сходили в контору, подали заявление об увольнении и в ожидании расчета занялись пьянством и рыбалкой. Омрачать нашу молодую жизнь мыслями о том, как жить дальше, мы не стали. Каждый день брали в лавке винца аль водочки и уходили на устье реки Армань. Кета всё ещё шла на нерест, так что с рыбой проблем не было. В кустах, в небольшой пещерке у нас находились припасы: котелок, топорик, лук, пряности, ну и, конечно же, стаканы. На берегу речушки благодать: тепло, ветра нет, солнышко, как бы зная, что скоро скроется надолго, старается во всю. По воде, по мелким волнам бегают солнечные зайцы, слепя глаза. Идет отлив, рыбы уже не так много, как в начале нереста, но все равно то и дело в воде мелькают плавники, а в устье – нерпы, крутя водовороты, ловят и жрут лосося, заставляя его выпрыгивать из воды. Отправляю Серого собирать по берегу сушняк для костра, сам, размотав снасть, занимаюсь рыбалкой. Пока я поймал тройником пару горбуш, Серега уже разжег костерок, чтобы он прогорал. Нам нужен жар и угли, а не пламя до небес.

Рыбу почистил, нарезал ломтями, в котелок наливаю немного подсолнечного масла (это чтобы сразу не подгорело), укладываю на дно лук, нарезанный кольцами, лаврушку, душистый горошек, головы горбуши (без жабер), разрезанные вдоль, и туда же рыбы потрошки, молоки или икру, смотря, что есть. Потом опять слой лука, специй (по чуть-чуть) и куски рыбы не очень плотно, немного солим, опять слой лука, потом слой рыбы. И так, пока посудина не будет полна до краев. Совсем доверху укладывать нельзя: сок и навар будут выплескиваться, а с ним, значит, и самый «цимус». Костерок уже прогорел, остались только малиновые угли, а это то, что нужно. Ставлю котелок в самый жар, и мы ждем результата. Серый, как всегда, со своей «балалайкой» и с тем же репертуаром. Плакать под его гитару мне неохота, и я предлагаю причаститься в ожидании рыбного деликатеса.

Только мы облили свои пищеводы и желудки водкой, подходит парень с громадным рюкзаком за спиной: «Привет парни!» – «И тебе не болеть, странник! Присаживайся, что привело тебя нашему очагу?» – «Душевная и головная боль, мужики. „Трубы“ горят, сушняк во рту, голова, как котел, плесните „зелья“, коли не жалко, не дайте помереть с бодуна. Я давно за вами наблюдаю и вот только решился подойти к вам».

Ну, что же, похвальная, обезоруживающая откровенность, да и видно, что парень не борзой. Плеснули мы ему беленькой от души и для души. Выздоровливай пацан! Сами тоже «приняли» за компашку по стакашке. Эх, хорошо-то как! Тут и рыбка подоспела, при томленная в собственном соку. В финале кидаю туда зелень: укропчик, петрушку, кинзу и зеленый лучок для пущей важности. Дух прет из котелка, слюну нагоняет, в брюхе уже кто-то или что-то заурчало, знать, жрать просит. Думаю, проклятый, всю жизнь на тебя работаю. Но это мой желудок, значит, нужно ублажать его, баловать, да и самому в кайф.

Под эту ушицу наливаем для аппетита «микстурки», которая как панацея от всех хворей телесных, тем паче душевных. Провозглашаем с Серым: «Не во вред – но во здравие!» Льем в свои глотки, не глотая, сама провалится. Паренек от нас не отстает. Молодец! Начинаем пир из одного всего лишь блюда, если не считать природы и вкуснейшего морского воздуха. Начать начали, а остановиться смогли только, когда ложками заскребли по дну, и хлебушком подобрали последние капли со дна. Трудяги! Много ли человеку нужно для счастья!? Для нас этот миг наступил – миг блаженства, когда сыт, пьян и весел, все остальное нам

по херу. Растянулись на теплой гладкой гальке, курим и ждем на десерт рассказа нашего незванного гостя.

Прилетел он в Магадан с Чукотки, с Анадыря. Был на лососевой путине. Что заработал там – прохохотал в кабаках с девками гулящими, у них нюх на деньги как у собак, а то и хлеще. Рыба, которая у него в рюкзаке, анадырская кета осталась цела, потому что в камере хранения лежала. Кто-то посоветовал ехать в Армань, чтобы заработать на обратную дорогу. Билет на ИЛ-62 до Москвы стоил девяносто два рубля, это точно! Но здесь конец путины и рабсилы хватает своей. Сейчас он будет добираться опять в Магадан и попытается устроиться на траловый флот. Знаю по опыту, что это вполне реально, но осенняя и тем более зимняя «рыбалка», даже в более южных широтах, опасна. Шторм, опасность обледенения и, как следствие этого, «оверкиль», когда шансов кому-либо спастись, практически нет. Ноль!

Ничего этого я не стал ему говорить, поучать, пугать его или отговаривать. У каждого свой путь, своя «колея». Наш гость спрашивает, кому можно рыбу загнать? Но кто в рыбацком поселке, на берегу моря и лососевой реки, купит у него рыбу, хотя это и балыки кеты, подкопченные, деликатес, можно сказать. В благодарность за угощение гость достает из рюкзака пару балыков, которые все в плесени, задохнулись, значит. Да и запах у нее, как медведь любит, с душком. Вывалил он ее всю (штук пятьдесят) на гальку, сверху бросил свой рюкзак, распихав по карманам документы и какую-то мелочевку, сказал нам «спасибо», сделал рукой пока-пока и удалился в сторону Колымской трассы. Нам было жаль его, но предложить ему что-либо мы не могли.

В гостиницу нам было еще рано, и спешить нам больше было некуда. Серый, подумав, подался в лавку на этот раз за пивом, а я остался стеречь его балалайку и поддерживать наш костерок. Два самых важных фактора в развитии и выживании человечества – это огонь и вода, и это у меня было. Я сидел на каком-то топляке, когда-то принесенном морским приливом или, может быть, рекой. Смотрел на огонь, на реку и море с далеким горизонтом, любовался всем этим, дивился и пытался как-то понять, осмыслить, представить себя в этом необъятном мире, но в моем мозгу получалось, что я, да и все мы, лишь песчинки, молекулы, атомы в этом громадном мире. А наша Земля-матушка – и сама песчинка в бескрайности, непонятности и необъяснимости космоса, как в прочем, и наша Галактика, одна из многих миллиардов галактик. Жуть берет! Если постоянно об этом думать, можно и в психушку загреметь.

Нужно переходить на более прозаические и житейские вещи, например: «Что здесь делает эта куча кетовых подкопченных балыков?» Серого еще нет, значит, он пудрит мозги очередной какой-нибудь аборигенке, а сидеть без дела мне уже надоело, и от копания в себе и своем мозгу толку мало. Осмотр балыков меня утешил и даже весьма! Они были твердыми, без слизи, поэтому я тщательно промыл их в морской воде и разложил на берегу под небольшим ветерком и солнышком. Рюкзак, вывернув, простирнул и тоже бросил на камни. Очень хотелось вздремнуть, но прилетела эскадрилия, банда бакланов и чаек, дегустировать чукотскую кету, и мне пришлось отбиваться от непрошенных гостей. Вон по берегам рек тысячи отнерестившихся, умирающих и уже умерших лососей. Клюйте, жрите, пока из под хвоста не полезет. Так нет же, сюда налетела туча дармоедов.

Уже солнышко стало опускаться в море – пора собираться до дома, до хаты. Рюкзак высох совершенно, только белый налет на нем от соленой воды остался. Балыки тоже подсохли, имели темно-красный цвет и совершенно ничем не пахли, кроме самой рыбы, конечно. Я не удержался и отрезал кусочек на пробу. Вкус был изумительный, нежный и очень пикантный. Есть на Байкале способ приготовления омуля с душком, есть французский сыр Рокфор с плесенью. И то, и другое ценится у гурманов и считается деликатесом. А почему бы не быть и кетовому балыку с душком? В разрезе мясо кеты было темно-красным и на вкус изумительным. Вот так нечаянно и делаются кулинарные открытия!

Пока я смаковал балык и размышлял о его достоинствах, нарисовался наконец-то и Серый с пивом. Он думал, что рыбу я выбросил, но увидав, а потом и попробовав её, он пришел в восторг, хотя и не такой любитель «жаберных», как я. Так что, балыки были очень кстати. Спасибо этому парнишке с Чукотки и семь футов под килем ему в морях и его плавании по жизни. Рыбу мы раздали, раздарили. Всем она пришлась по вкусу. Через несколько дней у нас остался один рюкзак, а потом и он куда-то исчез.

P.S. Вяленого и соленого лосося нужно «вкушать» с черным молотым перцем и сливочным маслом. Строганину из мороженого лосося точно также.

Судьбы человечьи

Я хочу рассказать об одном человеке с трудной, исковерканной жизнью судьбой, и хотя таких, как он, по северам великое множество, но именно он запомнился мне, и я вспоминаю о нём как о личности, сохранившей все человеческие качества, несмотря на огромный срок, щедро отмерянный ему прокурором. До этого и после мне приходилось общаться с бывшими полицией, власовцами, предателями Родины, бывшими бандитами и убийцами, хотя уверен, что к бандиту, убийце, педофилу или маньяку, угробившему не одну жизнь, слово «бывший» не применимо, и даже по прошествии времени и отбытия срока, каждый из них остаётся преступником.

Бывший полицей, бендеровец объясняет мне, что у него не было выбора, и он сам не вешал людей, а, спасая свою шкуру, просто выбивал из-под ног табуретки. У бывшего власовца, как и у предателя, тоже есть оправдания, и они тоже спасали свои шкуры, а педофил, маньяк и педераст говорят, что они просто больны, и их нужно не осуждать, давая срок, а лечить в хорошей клинике, тогда, мол, и они станут хорошими и правильными. Вор никогда не скрывал, что он вор, но прикидывался Робин Гудом: «Я грабил только богатых, а бедным всегда помогал». Какая чушь!

Карманник не спросит тебя, беден ты или богат, так же и «скокарь», форточник залезет в любую квартиру и заберёт всё, что только сможет, хотя и видит бедную обстановку. Я сам не раз страдал от вора и ненавижу воров всех мастей, несмотря на ореол якобы романтизма, созданный купленными журналистами. Это миф о красивой блатной жизни, воровском братстве, это и есть приманка для начинающих сопляков, не желающих работать. И мне больше всего нравится выражение, что «вор должен сидеть в тюрьме».

После отъезда и увольнения с острова Недоразумения, а это, значит, и с Тауйского рыбокомбината, мы некоторое время жили в гостинице, но деньги кончились, расчёта пока не давали, и нам пришлось взять небольшую шабашку в Арманской рыбоинспекции, которая напрямую подчинялась Магадану. Нам, как и положено, выделили комнату, дали постельное бельё, кое-какую посуду и для прокорма дали лицензию, на вылов пятидесяти голов кеты, поскольку нерест ещё не закончился, и кета валом шла в устье реки Арманки. И всё было бы хорошо, но опять случился форс мажор, и всё одно к одному.

Наш парень, шофёр, который приехал с острова вслед за нами, на танцах по пьянке неопасно подрезал ножом местного паренька и сразу сорвался по трассе в Магадан, там легче скрыться. Толпа местных хотела устроить судилище, но его не нашли, а нас с Серым на танцах, слава Богу, не было. Только одна беда миновала, следом пришла другая: где-то в час ночи вернулся из Магадана начальник рыбоинспекции. Он сразу зашёл к нам, спросил, как и что, попили чайку, и он ушёл к себе. Минут через двадцать он опять пришёл к нам с просьбой, чтоб кто-нибудь из нас посидел с ним: «Сердце у меня, мужики, болит, спасу нет, и таблетки не помогают». – «Давайте, мы вам скорую вызовем, сердце ведь не шутка». – «Да нет, не нужно, отпустит, это не в первый раз». Они ушли с Серёгой, но минут через десять Серый стучит в стену из его квартиры, потом врывается к нам и сообщает, что человек умер. Мы растерялись и онемели – это было так неожиданно, но нужно было что-то предпринимать, и Серый опять пошёл в его квартиру, телефон находился там, позвонил в скорую, ну а те, как и положено, в милицию.

В своё время Серый оттянул «трёшку», и кое-какие зоновские замашки у него остались: «Пацаны, у него в портфеле сорок тысяч лежит инспекторских денег, думайте, пока никто не подъехал». – «Серёга, давай так, ты нам ничего не говорил, мы ничего не слышали и о тех деньгах ничего не знаем, и греха на душу не возьмём». Хорошо зная друга, я, конечно, понимал, что хулиганка одно дело, а ограбление мёртвого человека совершенно

другое, и никто на это никогда не пойдёт. Вскоре приехали сразу и менты, и скорая, труп, сфотографировав, увезли, менты нас опросили, заставили расписаться в показаниях и тоже укатали.

Утром уже другие, незнакомые, приехавшие из Магадана люди, объявили, нам, что шабашка отменяется, и нам предстоит покинуть территорию инспекции. В последний раз мы надёргали с десятков лососей прямо у наблюдательной вышки, помахали рукой дежурному инспектору, который сидел на верхотуре, и пошли к машине, которая и должна была увезти нас опять в Армань.

Шофёр спросил, куда нас везти, но если б мы знали место, где нас с Серым могут принять без денег да ещё и кормить. Только недавно у нас был кров, деньги, и всё, что можно за эти деньги приобрести, но, надеясь на скорый расчёт, мы оказались на мели, уже уволенные, но ещё не рассчитанные, вчера князи – сегодня грязи. И хотя мы особо и не унывали, но было очень неприятно оказаться в таком паршивом положении.

Шофёр, поняв, что деваться нам некуда, увёз нас на самую окраину Армани, к какой-то фазенде, стоящей почти на самом берегу моря. На сигнал из дома вышел хмурый мужик с тяжёлым взглядом, он сразу всё понял, потому что приглашающе мотнул головой и также молча скрылся в избе. Не очень гостеприимно, но он и не обязан приплясывать от радости при нашем появлении, да и кто мы такие, пустил под крышу и ладно, и это надо ценить. Мы сбросили нехитрое барахлишко на землю, шофёр, уже садясь в кабину, предупредил нас: «С расспросами к нему не суйтесь, что он найдёт нужным, сам расскажет».

Ну ладно, заходим в сени, потом в избу, попадаем сразу на кухню. Она довольно обширная, но много места занимает печь – это какой-то гибрид камина, русской печки, уменьшенной в размерах и обыкновенной. То, что на ней можно полежать, погреть кости, это я сразу увидел, и то, что это экономка, тоже сразу было видно, но только человеку, понимающему.

Были ещё две спальни: одна хозяйская, другая – их сына, который болтался где-то в морях на промысле селёдки. Хозяин махнул рукой в сторону одной из комнат: «Располагайтесь». Там стояли две кровати, и пока мы устраивались, он вскипятил чайник, поставил на стол хлеб, масло, солёную горбушу и свежую жареную селёдку, запах которой можно было определить за версту, себе он заварил только банку чифира, из чего я сделал определённые выводы.

Вспомнив о недавно пойманной горбуше, мокрый мешок, с которой так и лежал на улице, мы занесли её в дом. Хозяин, прихлёбывая чифир, глянул мельком и бормотнул: «Придёт курва, приготовит». Только промолвил, а тут и сама «Курва» явилась – не запыхалась: «О, у нас гости – добро пожаловать». Вошедшая женщина была не старой, но выглядела раньше времени увядшей, скорее, испитой. Да, так оно и было, сам хозяин вообще не пил, курил по старой лагерной привычке махру и чифирил. За него это делала жена, не упускавшая любой возможности залить глаза, вот и сегодня, накопив в огорожке ведро мелкой молодой картошки, она обменяла её на пару бутылок вина, и ей сейчас было ой как хорошо.

Дальше следовало, как я понял, ежедневное небольшое представление: при знакомстве она представилась комсомолкой Зоей, это было её лагерное погоняло в течение долгих десяти лет, которые ей определил суд за недоносительство, но об этом потом. Нас с Серым она приняла как родных и сразу стала жаловаться на мужа, тот подмигнул нам, кивнул в её сторону головой и покрутил пальцем у виска, мол, не берите в голову. Та уселась напротив нас на табурет и начала: «Вот скажите, мужики, что с ним делать? Всё пьёт и пьёт, всё в доме пропил, скоро и меня пропьёт, родную жену, и дом пропьёт, и меня по миру пустит. Вот алкаш хренов, свет не видел таких забулдыг, всю жизнь вот так с ним маюсь, и на зону я попала через него, десять лет, как с куста малину».

У мужика уже до этого стали темнеть глаза, а тут она затронула старую боль, чего нельзя было делать. Он привстал и врезал ей от души, та полетела в угол и уже в полёте стала похрапывать — это она получила свою обычную дозу снотворного, как и при каждой пьянке. Он поднял её на руки и отнёс на кровать и проговорил: «Вот дурёха, теперь ей „лекарства“ до утра хватит, а завтра всё начнётся по новой, будет болеть, а потом пойдёт искать похмелиться. Бросить её или уйти куда, уехать, так ведь пропадёт без меня, загнётся». На этом наш разговор и закончился, мы легли спать, а хозяин вышел на берег моря и почти до рассвета сидел на вынесенном морем плавнике, глядя куда-то за горизонт.

Мне, как всегда на новом месте, не спалось, но выйти к нему на берег и присесть рядом, я не осмелился, а просто, выйдя на порожек, покурил, глядя на небо; белые ночи уже кончились, небо было чистым, ярко звёздным, и, кажется, каждая звезда была умыта уже утренней росой, и это было чарующее зрелище. Я не думал, что он меня заметил, но за чаем он вдруг сказал: «Выходи вечером на берег к баркасу, вместе покурим, покалякаем, тяжело мне всё держать в себе, а такое не всякому и расскажешь, но тебе можно, ты птица вольная, сегодня здесь, завтра там, вот и растворится вся быль и небыль обо мне по земле, и никому не достанется всей правды, она останется во мне, со мной и уйдёт. Правда опасна, и я не хочу, чтоб кто-то повторил мой путь, потому я и поведаю тебе только то, чем нельзя никому навредить».

Я не думал, что услышу от него какие-то тайны. Просто человеку нужно было выговориться, поделиться с кем-нибудь своей душевной болью, и он почему-то выбрал меня. Я тоже любил сидеть на берегу моря, смотреть на волны, особенно в шторм, дивиться красоте и мощи стихии, смотреть на корабли, виднеющиеся на горизонте, представляя, как им там сейчас приходится. Всё это я наблюдал с острова как с корабля, а вот отсюда, с материкового берега, и вид был совершенно другой и по-другому воспринимался.

Он меня не приглашал, просто однажды вечером, по привычке глянув в сторону моря, я увидел зовущий огонёк костра, который колебался от дуновения ветерка. Он обернулся от хруста гальки под моими ногами и приглашающе похлопал ладонью по бревну плавника, принесенного морем, а потом выброшенного штормом на берег. Костерок горел под большим баркасом, поставленным с наклоном на ребро, и подпертый как стойкой, брёвнышком потоньше. Это была защита от ветра и от дождя, но не закрывающая ни панорамы моря, ни части берега с его избой. Есть на земле две совершенно разные вещи, на которые можно смотреть очень долго и без которых жить невозможно — это огонь и вода, и не я первый сделал такие выводы, а многие поколения до меня и до нас всех, живущих сегодня.

Я молча присел на согревшееся от костра бревно, и так же, как и он, зачарованно уставился в светящиеся угли, по которым, как живые, перебегали разноцветные язычки пламени, иногда костерок потрескивал свежей веточкой, испуская при этом ароматный дымок. Спокойное море в бледном свете появившейся луны серебрилось, как мятая фольга, а волны мягко накатывали на берег, шурша крупным песком.

Хотелось просто молча посидеть у костра, слушая эту, сейчас едва слышную музыку Охотского моря. Мой хозяин, так и не промолвивший ни слова, тоже застыл в одной позе, глядя в костёр и слушая море, он тоже был околдован, и мне показалось, что я его понял, хотя со времени нашего короткого знакомства он к ряду и десятка слов не обронил о себе.

Мы сидели, молча курили, он ловко скручивал самокрутки, брал голыми пальцами из костра уголёк и, ничуть не морщась от боли, прикуривал, и в этом был какой-то особенный смак. Я тоже попытался сделать то же самое, но от боли затряс пальцами и скорее сунул их в холодный, мокрый песок. Боль сразу утихла, но волдыри на пальцах остались. И тут, в первый раз за вечер он заговорил: «Ты, когда возьмёшь уголёк, слегка перекачивай его в пальцах, не давай огню жечь кожу, а так он не успевает прижечь, и больно не будет». Это были его единственные слова, сказанные за весь вечер, и я не знаю, сколько мы просидели на берегу в каком-то трансе, пока он не встал, молча загрёб сапогом на почти прогоревший

костёр песок, и также молча двинулся в сторону дома. Сегодня наш разговор не состоялся, видно, у него не то настроение было, или он просто не решился, или передумал довериться вот так, с бухты-барахты, чужому человеку, и я его понял.

Днём он, управившись с небольшим хозяйством, принимался за сети, вязал он их мастерски, не глядя на иглу, а его руки, будто следуя заложенной в них программе, сами сновали, набирая ячею за ячеей. Иногда он с бригадой рыбаков уходил в море на баркасах или шаландах, особой разницы я не видел. Это были обыкновенные рыбацкие посудины для прибрежного лова, и с них обыкновенно бросали тоню, то есть заводи́ли невод на лосося, где-нибудь в устье нерестовой речушки, чаще р. Арманки.

К прибрежному лову на уйка (мойву), загодя были готовы мелкоячеистые неводы, и когда в конце апреля-начале июня уёк устремлялся на отмели нереститься, тут его и брали десятками тонн. После нереста немногим удавалось вместе с накатом опять уйти в родные глубины, и весь берег бывал покрыт слоем мёртвой рыбы и икры. Наступала пора великого пира для всех водоплавающих санитаров моря, пока отлив не унесёт в море отложенную в ямки мойвой икру, а для крабов остатки погибшей рыбы.

Иногда мы с Серёгой подрабатывали, выгружая из барж-плашкоутов крупную соль в мешках из рисовой соломы, это делали запас рыболовецкие Камчатские колхозы-миллионеры, которые как щупальцами охватывали всё Охотское побережье. Они брали всё, и у них на всё были разрешения и даже квоты на лосося. Мешки с солью слежались и превратились в солёные глыбы, которые даже сквозь ватники и брезентовые куртки рвали наши спины в клочья. Выдирать мешки из сплошного, плотного штабеля приходилось обыкновенными скобами, загибая один конец крючком, но дальше действовали только руками, от чего к концу разгрузки на пальцах рук было голое мясо, посыпанное мелкой солёной пудрой, сыпавшейся сквозь грубую ткань из рисовой соломы. Кто работал на рыбе, тот знает, что такое «рыбалка» по-охотски – это каторга.

Готовясь к осенней путине, хозяин затеял ремонт своего баркаса. За те пару месяцев, что он стоял на берегу, баркас высох, стал легче, но теперь нужно было его по новой проконопатить и промазать битумом, не только швы, но и весь корпус. Привыкший рассчитывать только на самого себя, меня он не звал. Но я не мог, живя у него, не оказать ему помощь, а мой друган Серёга, как всегда, был в вечном поиске очередной, готовой задраться женской юбочки, а поскольку постоянством он не отличался, они менялись у него, как использованные салфетки.

Сделав баркасу «оверкиль», мы целый день трудились как папа Карла, но к вечеру всё было готово, и мы, оставив всё как есть, пошли поужинать. Завтра дай бог удачи, проверим движок и пробежимся к заветным скалам, где он раньше ставил сетёшки на мальму, очень вкусную рыбу семейства лососёвых, а вообще это, если верить справочнику, арктический голец. Нам, в принципе, не столь важно, как его на самом деле дразнят, главное, что он вкуса необыкновенно пикантного и ни с чем не сравнимого.

После ужина мы опять пошли на берег, осмотрели ещё раз свою работу, остались довольны и, разведя костёр, как всегда, присели помолчать, покурить, полюбоваться морем и ощутить контраст живого тепла костра и свежего дыхания моря.

От его жены, «комсомолки» Зои, я уже знал некоторые подробности их жизни и отношений, но виду не подавал, это было ни к чему, я бы спугнул то настроение, тот душевный настрой, предшествующий его рассказу-исповеди. Я уже знал, что его судимость связана с золотом, знал и о его громадном сроке, длиной в четверть века, который он отбыл от звонка до звонка. Хотя мало что выдавало в нём старого «сидельца», кроме привычки – никогда не смотреть собеседнику в глаза, я понял эту причину, когда как-то в разговоре он случайно глянул мне прямо в зрачки. Его взгляд вселял беспричинный страх и ужас – это был стальной, безжалостный, похожий на клинок взгляд. При разговоре с любым человеком он смот-

рел ему точно в переносицу, не избегал ничьего взгляда, но жёсткий взгляд в переносицу был подобен выстрелу в то же место. Вот попробуй просто постоянно смотреть человеку в переносицу, и ты увидишь, как тот начинает отводить свои глаза, теряться. Ты выбил его из привычной колеи, и он не знает твои мысли, от этого иногда бывает и жутковато.

Наверное, поэтому он жил на окраине, и многие обходили его стороной, понимая, что этого мужика, если не уважать, то бояться нужно, что в принципе одно и то же. Внешне он больше напоминал бухгалтера, всю жизнь протиравшего штаны в кабинете: на его теле не было ни одной наколки, по «фене» он не только не ботал, как большинство бывших зэков, но даже русского слова «мать» никто не слышал от него. Только вот не прост был мужик, совсем не прост, и душа словно сейф, и я совсем не был уверен, что дверка этого сейфа приоткроется хотя бы с щелку, через которую во внутрь всё равно не заглянешь.

Мы так и сидели и у костра, слушая плеск волны и потрескивание костра, получившего новую порцию сыроватых дровишек, от которых он отчаянно дымил, шипел, искрил, но потом успокоился и погнал жар, от которого вскоре нам пришлось отодвигаться подальше. Но всё это было весело и интересно – смотреть на борьбу двух стихий, и даже у моего хозяина на лице промелькнуло какое-то подобие улыбки.

Он начал неожиданно: «Ты вот наверняка задаёшь себе вопрос, что за тип этот бирюк, то есть я. История моя проста, как и у сотни или даже тысячи старателей, соблазненных блеском золота в предвкушении будущей сладкой жизни. Но если ты работал на приисках, то должен знать, что увести, украсть металл проще, чем его потом сбыть или даже просто сохранить, чтобы он грел твою душу ощущением, что ты богат и в любое ты время сможешь начать какую-то новую, шикарную жизнь.

Мура всё это. В советское время никто не позволил бы тебе жить не по средствам, на широкую ногу. Помимо завистников и стукачей, ещё со сталинских времён всегда существовали органы НКВД, ОБХСС, и не один, однажды хапнувший от души, пошёл под расстрел или, как говорят на зоне, «смазал лоб зелёной». Сейчас и время другое, и срока дают поменьше, но мой тебе совет: даже если ты случайно найдёшь ручей с самородками на выносе, хоть горстями бери, или просто найдёшь в отвале, пни его и иди дальше, будто ничего не видел, и молчи, забудь об этом. Я в своё время этого ни сделал, за что и поплатился, дали на полную катушку, не поскупились, хотя прокурор просил для меня вышку.

После войны я работал на прииске геологом, а баба учительствовала в школе и была комсомольским активистом или вожаком каким-то там. Всё было хорошо: была хорошая квартира, на работе ценили, страна ещё жила впроголодь, а у нас в магазинах всё было: и жратва, и тряпки, и пошло – живи не хочу. Но человек так подло устроен, ему всегда чего-то не хватает, вот и я не устоял, хотя до этого к золоту относился равнодушно.

В поисках новых, перспективных для промывки, песков мне приходилось, взяв вьючную лошадь, помощника-рабочего, пистолет, положенный мне по должности, промывочный лоток и запас продуктов. Мы уходили в тайгу, где было множество неисследованных речушек и ручьёв. Рабочий помогал мне на шурфах, таскал в рюкзаке образцы, разводил костёр, ставил палатку, готовил еду, а при переезде на новое место вьючил лошадь. Пропадали неделями, а то и месяцами, меня работа так увлекала, что не мог оторваться. Думаю, вот этот ручей проверю или вот этот шурф добыю, и баста, но потом ещё и ещё. По пути я составлял карту месторождений, а по осени всё это сдавал в контору, сдавал и песок, и шлихи, и самородки, а когда уже зимой обрабатывал всю документацию, на ней ставили гриф «секретно».

После каждой такой экспедиции у меня оставалось золото. Я и сам не заметил, как это стало системой, и со временем у меня скопилось килограмм десять металла. В отношении этого золота у меня не было каких-то определенных намерений, и я продолжал уводить его уже просто по привычке, мне стало нравиться то, что оно у меня есть. Не придумав ничего лучшего, я затарил его в спинки супружеской кровати, пусть лежит до поры до времени,

а дальше жизнь покажет. И вот она показала, и довольно скоро, и совсем не то, на что я рассчитывал. Однажды ночью ко мне пожаловали незваные «гости», перевернули всё вверх дном, мне сразу загнули «салазки», чуть спину не сломали. Я молчал в надежде, что золото не найдут, а потом я его выкину куда-нибудь в отвал, лишь бы срока не было, хотя я точно знал, что тянуло и на расстрел.

Проснувшись, пьяная баба молча показала на кровать, они сняли спинки, набитые золотом, и вместе со мной увезли в контору. Там всё, до пылинки вытряхнули, взвесили – потянуло на двадцать пять кг, как раз столько мне и отмеряли, но уже в годах строгого режима.

От расстрела меня спасло то, что все эти годы я с прииска не выезжал, а значит, сбить на сторону хоть грамм я не мог. Сдала меня моя «комсомолка» по пьяни, я ей не давал денег на бухалово. К тому моменту её за пьянку уже выгнали из школы, и она уже без тормозов ударилась в пьянство, и никакие уговоры, так же, как и мои кулаки, на неё не действовали. Провела она меня за бутылку водки стукачу-общественнику, ну а тот не замедлил капнуть куда нужно. За недоносительство, а значит, и за соучастие ей дали червонец общака, ну а мне – сам знаешь.

Я видел, как ему тяжело рассказывать про всё это, хотя для меня его история была, в сущности, банальной, таких историй или подобных я наслушался по Колыме предостаточно. Но если кто-то, рассказывая о себе, выставил себя героем, которого менты замели из-за шикарного образа жизни или где-то на «малине» с мешком денег, то мой хозяин просто скорбел о зря прожитых годах, из-за собственной молодой глупости и сегодняшней безнадёги, когда годы ушли, и впереди уже ничего не светит.

И старая его жена вечно пьяная, и он сам оказались у разбитого корыта, и зря теперь он смотрит в даль моря в смутной надежде, что его золотая рыбка вернётся, но такое бывает только в сказках, а в жизни всё по-другому, всё иначе. Он не был похож на человека, нуждающегося в чьём-то сочувствии или жалости, но я тогда был ещё молод, и, наверное, поэтому мне было жаль его, ведь у меня впереди куча времени и возможностей наделать уйму своих ошибок, ведь чужие ошибки даже ребёнка ничему не научат, а его судьба – просто одна из многих и многих судеб, и все они разные.

На рыбалку за мальмой нам выйти не удалось – обстоятельства изменились, нам дали расчёт и нужно было уезжать. Серёга удивлённо посмотрел, как при прощании он приобнял меня и почти шепнул: «Спасибо тебе, не делай жизненных ошибок, жалеть не будешь». Уже отойдя довольно далеко по берегу, я обернулся, он стоял и смотрел нам в след.

Магаданский рыбак Борька

Глава 1

С Борькой мы познакомились в Магадане, в п. Каменный карьер, где одно время мы снимали квартиру, в халупе, похожей на свалку ящиков снаружи, но неожиданно чистую и тёплую внутри. Как ни странно, но этот «памятник» строителям Магадана стоит до сих пор, как позор и немой укор всем прошлым советским секретарям горкомов и настоящим мэрам, губернаторам и прочим вора́м, боссам правящей мафии.

Сам посёлок в горкоме считался частным сектором, но в народе его чаще называли «Шанхай» или «Нахаловка», и проживали здесь все те, кому не нашлось места под солнцем в самом Магадане. В общем, здесь обитали бывшие зеки с семьями и люмпены, которые никак не вписывались в благополучный вид богатого города, хотя многие из них были первыми строителями и старателями края. Но про них давно забыли, а старые заслуги во внимание никто не брал, и даже для вернувшихся с войны ветеранов никаких льгот не было. Это был в основном «отработанный» материал и уже никому не нужный.

Отсюда, со склона пологого берега, открывался чудесный вид на Магадан, посёлок и рыбный порт Марчекан, где стояли во льду рыболовецкие суда, военные корабли и подводные лодки. Меня ни замёрзшая бухта, ни корабли не удивили, поскольку я только год назад, как отслужил три года на тральщике дважды Краснознамённого Балтийского военного флота, а вот мой друган Серёга смотрел на всё широко открытыми глазами: у них в Белоруссии морей как таковых не было, да и зона, откуда он откинулся по истечении тоже трёх лет, находилась не у моря, а совсем наоборот.

Борька, как и все аборигены, тоже жил не в хоромаш, а в такой же хижине, каких было большинство на склонах каменного карьера. Всё это поселковое обиталище считалось временным, но, как известно, нет ничего долговечней временных сооружений, но, тем не менее, каждый, кто здесь проживал, тешил себя мыслью о переселении в нормальные дома, где есть свет, газ, холодная и горячая вода и, конечно, тёплый сортир, мечта любой женщины, да и вообще всякого нормального человека, тем паче северянина.

А если б ещё окна и балкон смотрели на бухту, на море – это было бы счастье и полный пипец. Но, как я понял из жалоб домохозяек, сам посёлок был «Нахаловкой, Шанхаем», и ни в каких исполкомовских бумагах он не фигурировал, он был как бы виртуальным, хотя и обитали в нём вполне материальные, живые люди.

Глава 2

Ну а теперь немного о нашем друге Борьке, ведь именно о нём я и хотел поведать, потому что он был один из многих, наших северных знакомых.

Он был рыбак, он был браконьер с совестью, потому что Борька был человек моря, он знал его, любил и понимал его, как никто другой, и оно отвечало ему взаимностью. Днём Борька, если не ленился и был трезв, он со многими десятками или даже сотнями таких же любителей зимней рыбалки дёргал из лунки камбалу, навагу, корюшку, пахнущую свежим огурчиком. Но, в отличие от истинных любителей, он ненавидел всякую рыбалку, если это было законно и не связано с риском.

Снабжая хозяек и не только свежей и недорогой рыбой, он был уважаемым человеком, хотя в свои двадцать два года ни одного дня нигде не работал, а о существовании трудовой книжки только догадывался.

Как и положено настоящему рыбаку, у Борьки была дюралька «Обь», два двадцатых «Вихря», куча всяких снастей, краболовок и любимая вертикалка двенадцатого калибра. Была у него ещё старая больная овчарка и маманя с сестрёнкой лет тринадцати, которых он очень любил и всячески опекал, и если в миру он был дружелюбен и общителен, то в море или в других конфликтных ситуациях, он проявлял достаточную жёсткость характера, свойственную любому коренному магаданцу.

Как-то заглянули мы с Серёгой к Боре на огонёк, как и положено, с приличным запахом спиртного, хотя деньжата у нас были на исходе, но уж больно нам хотелось узнать его поближе и послушать байки о море, о рыбалке да и о самом Магадане.

Сидим, курим, пьём водку и слушаем Борьку, не забывая подливать хозяину поболе, поскольку тверёзый он не больно речист.

– Свежую селёдку я обычно продаю вёдрами, – рассказывает Борька, – и хозяйки, как голодные чайки, налетают со всех сторон, камбалу тоже берут охотно, штука – десять копеек, если полуфабрикат – то по пятнадцать коп. Полуфабрикат – это когда уже без шкуры, «каменуха» здоровенная как палтус, и её не чистят, а надрезают шкуру у головы и пассатижами сдирают до хвоста. Вот тебе хозяйка филе, хоть сразу на сковородку, корюшку да и другую мелочь я солю, вялю и сдаю в забегаловки, в пивнушки; морской ёрш, окунь, треска, мойва тоже идут на ура, хозяйки берут не только на раз покушать, но и на зиму наготовить.

У нас из рыбы делают и котлеты, и пельмени, и пироги рыбные. Море кормит нас всех, но у всякой рыбы своё время лова, своё, природой заложенное, время нереста для продолжения рода и, соответственно, улова. Конечно, народ больше уважает лосося, хотя это и не самая вкусная рыба, но тут играет роль икра, размеры и, конечно, дешевизна. В магазине горбуша потрошёная стоит девяносто пять коп, цельная, с икрой или молокой, которая жареная, вкусней самого мяса, уже рупь пятнадцать. Да и на зиму можно насолить, навялить, накоптить на всю зиму, я продаю своим постоянным клиентам цельную горбушу по пятьдесят коп штука, это совсем дешёвка, но я не крохобор, и мне уважение людей дороже денег.

За королевским, вернее, колючим крабом у меня очереди нет, краб только для гурманов, богатеньким, постоянным клиентам, которые никогда не торгуются и не спрашивают о цене, они только боятся меня обидеть, если вдруг мало заплатят.

В магазине филе краба, брикет четыреста пятьдесят граммов, стоит пять рублей, но что может быть лучше живого краба, когда приезжих гостей можно удивить гигантским крабом с зубастыми клешнями и ногами, длиной с руку мужика. А сам процесс приготовления, а потом и неспешное потребление, в баньке под пивко?

Даже у нас в Магадане не каждый может себе это позволить, вот и берут в лавке филе, которое только на салат и годится, и у него уже будет и вкус не тот, чем когда он сварен в собственной броне, с травками, тогда весь аромат моря и весь крабовый вкус остаётся в мясе, а не уходит в воду, вот тогда это будет кайф и лепота.

Я иной раз и птицу перелётную добываю по весне иль осени, знаю, где гусь садится на кормёжку и утка. Эти озёрца и луга недалеко от берега моря находятся, вот мы компанией и охотимся, иной раз по многу бывает бьём, а что сделаешь – всем жрать охота. И не я один такой, я – добытчик по натуре своей, это у меня от бати-покойничка передалось, он меня всему научил: и водку пить, и рыбалить, и охотится, и природу любить и жалеть.

Нерпу иногда тоже бью на заказ, ларгу и акибу, хотя и жалко до слёз, я её сдаю в Армани старому корейцу, который за двух нерп даёт одну выделанную шкуру, самому выделывать – замучаешься, а он мясо сдаёт на звероферму для песцов, норок и лисиц, а шкуры в быткомбинат, где из них шьют шикарные непромокаемые куртки, шапки, унтайки, перчатки и даже галстуки, и ремешки для часов.

Вот такую, не бывало длинную и интересную речь озвучил для нас Борька, но мы пришли к нему не только выслушать его откровения, но и сказать, что нашли работу и на днях уезжаем в какую-то Армань, откуда нас должны были увезти по льду на какой-то остров Недоразумения, где нам и предстояло плотничать, а во время селёдной путины ещё и на рыбе работать.

Услышав об этом Борька обрадовался: «Вы ещё не знаете, как вам повезло, какая там красота, рыбалка там, крабы, закачаешься, а лосось идёт на нерест в речушку Оксу, в трёх, а то и меньше, км от острова. А когда на путину, на остров завезут человек сто молодых, вербованных женщин, то и про рыбалку не вспомнишь, ну это я так, к слову пришлось, потому что приятно вспомнить.

Вскоре мы с бригадой хохлов-бандеровцев уехали в посёлок Армань, это километров пятьдесят от Магадана, где нам не дали долго гостить, а через пару дней загрузили в открытый бортовой Зил, гружённый мешками с солью, и вперёд. И вот мы уже катим по шероховатому льду Охотского моря, напряжённо вглядываясь в еле видные на горизонте очертания какого-то мрачного, величественного, средневекового замка, в белых нашлёпках снега, как в полярном камуфляже. Этот камуфляж создал ветер, сдувая снег с гладких, отполированных временем, камней, и задувая его в расселины и распадки.

Заехав с покрытого трещинами льда моря на островную землю, мы с облегчением вздохнули, доехали. Встретили нас хорошо, то есть никак, просто отвели в пустую общагу и сказали: «Располагайтесь».

«На другой день мы с Серым облазили весь остров, познакомились с некоторыми аборигенами и с фронтом работ, то бишь голыми скалами и кучей строй материалов.

Здесь всё было так ново и непривычно, но и очень интересно, что время мы не замечали и дней не считали. Время шло, мы быстро привыкли, освоились и не заметили, как пришла весна, и это было для нас очередным потрясением, это уже был другой мир, другое море и другой, похожий на библейский Эдем, остров. Про Борьку мы уже почти забыли, но уже во время путины, когда мы выгружали с плашкоута бочки с селёдкой, кто-то из местных окликнул нас с Серым: «Там вас какой-то белокрысый, лохматый, как Барбос, ищет, судя по номеру на лодке, магаданский». Что тут гадать, конечно, это Борька, и он подгадал в самый раз, к обеду, когда на рыбном пирсе никого не будет.

А тут и он сам, подрулил к борту плашкоута, встретились, поручкались, постучали друг друга по плечам, по спинам, но говорить было некогда, и, выставив из лодки под пирс в ледяную воду пару ящиков пива, (угодил, ох, угодил!), и мы, пока не было мастеров, закинули ему в лодку четыре бочки, не прошедшей стадии посола, селёдки. Каждая бочка весила 125—130 кг. «Обушка» крякнула всеми своими шпангоутами и всем судовым набором, осела в воде ниже ватерлинии, но тонуть не стала.

А Борька, укрыв бочки брезентом, поочерёдно дёргает шнуры двух стартёров, и моторы как котят послушно заурчали, пуская синий дымок. Боря даёт малый газ, как бы пробуя свои силы, потом добавляет оборотов и уже несётся под тень берега, где только белый бурунчик перед носом лодки и кильватерный след выдадут его местонахождение, а полный штиль с дымкой тумана, сегодня за одно с ним. Он уже пролетал мимо нашего острова, хотя мы его и не видели, Он спешил к дому в бухту Нагаева, где его ждали покупатели, а быстро выгрузив рыбу, он велел женщинам отнести рыбу по домам и через час быть опять на этом месте, но уже с ведрами под селёдку.

Бартер, рыбу на селёдку, неплохая сделка в наших условиях, и мы принимаемся за дегустацию божественного, ещё советского «Жигулёвского» напитка. Потом Борька приезжал ещё пару раз, но брал только по две бочки, сказав при этом, что у него есть чем догрузить

лодку, и погнал лодку не в сторону Магадана, а к устью Оксы, и надо быть полным дураком, чтобы не понять, зачем он туда подался, ведь там всю шла на нерест горбуша.

По некоторым причинам, нам с Серёгой пришлось под самую осень уехать с острова, и Борьку мы больше не видали. Прощай так полюбившийся нам остров нашего везения, наш Ноев ковчег и наш Эдем, мы оставляем здесь частичку нашего сердца и будем всегда помнить о тебе, как о подарке судьбы.

Глава 4

Пока в ожидании расчёта мы куролесили в Армани, многое произошло на том отрезке нашей жизни, и было и хорошее, и не очень, и мы понимали, что жизнь не может быть вечно в одних светлых тонах, как и не может быть вечно в чёрных тонах неудач, горя, болезней и просто жизненной невезухи. Но всё это уже у нас позади, и мы с Серым смотрим в будущее со вновь вспыхнувшей надеждой и оптимизмом. И да будет хорошо нам, да будет хорошо всем, давайте, люди, жить только на светлой стороне нашего бытия!

Пространства столь велики, слюна бежит. А я побывал только у подножия Джугджурского хребта на Аллах-Юне, да в Охотском море на своём любимом строве Недоразумения. И если не считать Якутской тайги, Ленских Сангар, то это значит, что почти ничего и не видел. А жаль, а век наш так короток! Вперёд на Колыму!

И вот опять Магадан, опять бич-вокзал, опять на коленях карта Магаданской области с рекой Колымой и посёлком Синегорье на ней, магнитом манящими к себе, и если перед нами не стоит вопрос: «Быть или не быть?», то вопрос ехать или не ехать, уже решён.

Когда до отбытия нашего дилижанса по проложенному нами курсу оставалось совсем немного времени, мы встретили нашу островную бригаду хохлов, из-за которых мы и уехали с острова. Невозможно работать с людьми, для которых главное в жизни – деньги, которые, кроме скандалов со своими прибывшими тоже за карбованцами жинками, не видели ни моря, ни красоты острова; они были жадными моральными уродами, готовыми за грош продать любого, наверное, даже собственную мать.

Их выгнали, выпнули как не оправдавших высокого доверия начальства, ну а если проще, то мы не зарабатывали тех больших денег, которые нам платили, и поэтому нужно было делиться с начальством, то есть с прорабом, а вот с кем он делился – не наше дело.

Пока мы с Серым работали с ними, мы, понимая суть дела и всю эту строительную афёру, заставляли хохлов ежемесячно выделять от бригады энную сумму для руки, «хлеб дарующей». Но после нашего отъезда они с облегчением вздохнули и гордо заявили привезшему зарплату прорабу и надевавшемуся на очередную мзду, что «ци гроши заработаны ими в поте лица», и никому ничего они не должны.

Тот согласно кивнул головой и велел прекратить переводить стройматериал и срочно приехать в Армань за трудовыми книжками, и ещё пообещал удержать за плохо и неправильно построенные гараж, контору, и удержать за проживание в бараке. Вот так и вышло, что жадность не только фраеров губит, но и оборзевших хохлов, которые хуже любого фраера.

Нужно было бы хорошенько побить их на дорожку, как раньше на острове, но уж больно жалостливо они выглядели. Последний вокзальный бомж рядом с ними выглядел, как Лондонский денди.

Нет, не тех Моисей сорок лет водил по пустыне, уча уму разуму, вот этих нужно было, а то вон чего они с Украиной сотворили, ну да бог им судья, но многим военный трибунал был бы в самый раз.

Колыма, нас зовёт Колыма

Нас ждала Колыма, Синегорье, новые впечатления и приключения, и мы, уточнив расписание автобусов, решили нанести прощальный визит нашему магаданскому другу Борьке, зачем и отправились в каменный карьер. Как и всегда, его дома не было, но сестрёнка с матушкой сказали, что он только что приехал, занёс рыбу, оружие и снасти и пошёл за мотоциклами, так что сейчас он должен заявиться. Идти к нему вниз к лодке мы поленились, уж больно там берег крутой, поэтому открыв по бутылочке пива, ловили кайф, попивая пивко и ожидая хозяина.

Глава 5

Тут за окном, сквозь занавески было видно, как промелькнули какие-то фигуры, потом в сенях раздался топот, дверь распахнулась от удара ноги, и в комнату ввалились три мордоворота, один из которых держал в руке пистолет, а два других хлыща размахивали ножами и у каждого из них был на руке кастет. Дело серьёзное, и вооружены они не хило, заорав на нас Серым, чтоб мы сидели и не дёргались, двое из них стали по сторонам двери, а хрен с пистолетом уселся за стол, погрозил нам стволом и направил его на дверь.

Но вот послышались шаги, и за окном промелькнула фигура Бориса с мотором на плечах, а мы так и не смогли придумать, как его предупредить, но напряглись и приготовились к бою, и что-то подсказывало нам, что эти урки припёрлись не убивать, а просто попугать, потому что убийцы средь бела дня себя так не ведут. Не знали мы только того, что о «гостях» Боря уже знает от местной шпаны и что пацанята уже рванули по домам за братьями и отцами. Нам с Серым нужно было вырубить главшпана с пушкой, а тяжёлые табуретки под нашими задницами лучшее оружие и пострашней ножа.

Тут входит Боря с мотором на плечах (который он никогда в жизни не заносил в комнату), тут и нарисовались прямо перед ним, как два чёртика из коробочки, «пугальщики» с ножичками, да прямо под Борькин «Вихрь», который, кажется, с хрустом опустился на их головы, поскольку они рядышком и стояли. Пока бандит с пушкой в растерянности мотал своим стволом, целясь то в Борьку, то в своих поделньников, два качественных, крепких табурета прилетели ему, один – в голову, другой – в правое плечо, отчего пистоль прыгнул куда-то под диван, а сам стрелок волчком закрутился на полу, что-то мыча. Всё произошло почти молниеносно, а Борька сделал шаг назад, и у него в руках оказался его дробовик, он, как всегда, стоял в сенях в уголке, заботливо прикрытый от посторонних глаз широкой доской, но о том, что он не заряжен никто, конечно, не знал.

Мы привели бедолаг в сознание пинками и кулаками, и при этом совесть моя молчала, хотя это и было против моих жизненных принципов, наоборот, я почувствовал себя педагогом. А у калитки в это время волновалась толпа серьёзных мужчин и крепких парней, знавших друг друга с детского сада. Им мы налётчиков не отдали (убить могут), а, переведя их через дорогу, ведущую в морской порт, столкнули с обрыва вниз, жаль только что до воды они не долетели, холодная ванна им не помешала бы.

Борька давно ожидал чего-то подобного. Дело в том, что он не умел уступать наглцам и пятится назад, и это многим не нравилось, и сейчас пришла пора принимать меры, потому что одним «наездом» дело не ограничится. Ни для кого не секрет, что Магадан, как и любой город, поделен бандитами на районы, где у каждой банды свои интересы, поделено всё: и предприятия, и торговля, и золотые прииски, и рыбные промыслы. И если сняли фильм «Бандитский «Петербург», то почему бы не снять фильм про умытый кровью «Бандитский Магадан»? ГУЛАГ, зеки, золото, кровь и трупы, трупы, трупы, они были, есть и будут.

Колыма – это заколдованный, страшный край, перемалывающий человеческий мусор в труху, на корм червям, и странно было бы полюбить его, но я полюбил, потому что уже не застал лагерей и всего того ужаса, про который читал и слышал из уст старых зеков, а реки и море кровью не наполнишь, а прошлое уже становится легендой и почти детской страшилкой.

Мы ещё немного посидели, выпили, и Борька велел литься нам на бич-вокзал и как можно скорее уезжать: «Они пока не будут искать вас на автовокзале, потому что сейчас ещё думают, что вы местные, и будут вычислять вас в городе. За меня не беспоко, хуже бывало, я сейчас смотаюсь к кой-кому в городе, и эти быки завтра, если не сегодня, сами приползут с извинениями. Ну всё, мужики, забегайте, когда-нибудь, ну а если не получится, то я в обиде не буду.

Мы уехали на Колымскую ГЭС и Борьку больше не встречали. Узнав о его жизни больше, а его самого лучше, мы и жалели его и завидовали ему. Он был хорошим парнем, со своей дорогой в жизни, своей судьбой, и он был просто один из нас. Удачи тебе, Борька! Это было в Магадане в 1973 го.

Вещий сон, «Мой остров»...

Чем я становлюсь старше, тем чаще мне начинают сниться странные сны. Это, наверное, от того, что с годами я невольно начинаю жить воспоминаниями о прошлом, о молодости. Воспоминания о том, что искал, находил, а потом без сожаления оставлял, теряя навсегда. Это были и места, люди, и какие-то события, в которых я становился или невольным участником, или, наоборот, инициатором.

Я не верю тем людям, которые говорят, что ничего не хотели бы изменить в своей прошлой жизни, человеку свойственно ошибаться, и чем дольше он живёт, тем больше совершает ошибок. Но ни один человек не захочет признаться в своих прошлых прегрешениях, как и в своей настоящей или мнимой святости, во-первых, из-за боязни осуждения, во-вторых, из-за боязни разрушить миф о своей исключительности, даже в собственных глазах.

Возможно, что меня тревожат сновидения, из-за моей несправедливой прошлой жизни, а сейчас пришло желание и пора искупления, очищения и исповеди? Но то, что я жил, как все, возможно, и есть тот грех по отношению к самому себе, может быть, нужно было жить как-то иначе? Может быть, мне нужно было уйти подальше от мирской суеты и соблазнов, в какой-нибудь глухой монастырь или, наоборот, остаться в самом глухом месте, куда заносила меня судьба. Я склоняюсь ко второму, потому что мне снятся не церкви, монастыри да скиты, а снятся острова в Охотском море и дремучая тайга Якутии и Эвенкии, и Туруханска.

Я прошёл мимо всего, я прошляпил то место, где мне было суждено жить, состариться и умереть. Страшно перестать чувствовать почву под ногами, страшно потерять свой остров, если ты оставил там душу. Но пока я жив, а вечно плакаться, ни самому себе и ни кому другому, в «жилетку», не будешь, а значит, нужно жить и дальше, живя воспоминаниями, сожалениями и пусть не розовыми, но снами. Так устроен человек, и переходом от слёз к смеху никого не удивишь.

Мне как-то уже снился похожий сон, накануне обещанного кликушами и мнимыми оракулами Апокалипсиса, в котором я жил в хижине, на берегу Берингова пролива. А этот сон стал как бы второй серией, продолжением сна про Аляску, где возможно, когда-то проживали мои пращуры.

На острове Недоразумения я проработал всего лишь одно лето, но он остался в моей памяти навсегда, я и тогда, в молодости любил его, но так остро и безнадежно я полюбил его, когда уехал в поисках того, чего не бывает в жизни. Я не знаю, что меня влекло, куда и зачем, но всё прошло мимо моего сознания, не оставив и царапины в моей душе, но почему сейчас, на исходе жизни мне стал сниться мой остров, ставший для меня Эдемом?

Сон это или бред, но я опять молод, и у меня перед глазами тот же остров, то же море, скалы, крики чаек, суда, идущие курсом в бухту «Нагаево»; недалеко виднеется материковая черта берега со скалами и низиной, с лососёвой речушкой Оксой, визуальнo убегающей против всех законов природы, вверх к Колымской трассе. Оглянувшись на посёлок Рыбачий, я вижу не бараки для вербованных сезонников, прибывающих на путину селёдки, а высокие одноэтажные коттеджи, с палисадами, обсаженными деревьями, которые на острове никогда не росли, и клумбами, с морем невиданных цветов.

Вдоль тех домов вьётся дорожка, сложенная причудливой мозаикой, а на самые высокие горы бегут серпантинoм широкие террасы, по которым можно подняться до самого маяка с капитанским мостиком, и нижними площадками обозрения. Курорт? Да! А сам остров с этой высоты птичьего полёта больше был похож на необычный, гигантский лайнер, идущий полным ходом, подминая под себя и рассекая зеленоватые огромные волны, вспыхивающие светлячками микроорганизмов, населяющих верхние тёплые воды моря.

Отсюда, с высоты открывалась дальняя панорама на изумительный морской пейзаж, достойный кисти Айвазовского, и вид на нижний, необычный мир, который бывает только во сне или в других мирах, но с земной береговой крупной галькой, песком и прибрежными валунами, заброшенными морской капустой, с острым запахом моря, который однажды вдохнув, уже никогда не забыть.

Я чувствовал, что у моего острова, как у живого существа, есть своё положительное биополе, своя аура, и всё, что раньше происходило в твоей жизни негативного, улетучивается. Это происходит очищение твоей кармы. Я воспринимаю нашу планету, как живой организм, а острова – это пупы Земли, через которые проходят энергетические каналы, чакры, создавая тот или иной психологический климат, который способствует не только психическому, но и физическому исцелению.

Вот такая на моём острове атмосфера веры, любви и духовного очищения, и я вижу и чувствую, как постепенно весь мир меняется и становится иным, а когда я окончательно проснусь, то так оно и будет, потому что я тоже стал другим, я стал миссионером и проповедником той веры и жизни, с которыми из живущих мало кто знаком. Я их буду посылать не на гору Афон или остров Валаам, а на остров Недоразумения, для постижения самого себя, веры и истинной гармонии.

Встав с валуна, на котором сидел, я направляюсь в глубину береговой полосы, к рыбозаводу и главное – к причалу, потому что даже отсюда я вижу мачты сейнеров и траулеров, которых на острове никогда не было. Песчано-галечный берег, обращенный к материковому берегу, подковой вдаётся в остров, образуя покойную бухту с хорошим пирсом и краном для разгрузки бочек с рыбой с плашкоутов. У сейнеров и траулеров свои грузовые стрелы, и они не нуждаются в заводском кране, стоящем на пирсе.

В какое-то мгновение, словно отойдя от какого-то наваждения, я замечаю, что на острове пусто, пусто на сейнерах, пусто в посёлке, пусто в засольных цехах завода, и даже собак и свиней Филиппыча не видно. Хотя на острове кипит жизнь, но я её почему-то не вижу, я только слышу чей-то разговор, смех, я слышу плеск волны, работу дизелей на электростанции, я всё слышу. Но почему я не могу всё это видеть? Или все эти звуки идут из прошлого?

Оборачиваюсь на громкий девичий хохот, слава Богу, а вот и они. Я вижу, как стайка молодых женщин, видимо, с конвейера, совершенно обнажённые, гордясь молодыми телами, тугими бёдрами с узкими талиями, но тяжеловатыми попками, полными грудями с торчащими коричневыми сосками и длинными до пояса, одинаково тёмными волосами, громко хохоча, бегут к пенной полосе прилива.

Я залюбовался этой красотой до испуга, ведь все они были на одно лицо, и даже родинки на округлых попках были одинаковы и на одних и тех же местах. Всё это я заметил, когда они прошли сквозь меня, будто пустое место, но сами они были реальные, осязаемые, значит, это что-то со мной, но я ведь не привидение и не фантом, я такой же нормальный человек, как и все, только я сплю. Или нет?

Женщины вошли в ледяную воду моря по пояс, постояли, привыкая к холоду, и поплыли, взмахивая не руками, а словно русалочьими хвостами, потому что за каждой струился дельфиний след. Они уплывали всё дальше и дальше, я им кричал вслед, чтоб они вернулись, но они, обогнув кривой островной мыс с дизельной электростанцией, растаяли в мелкой ряби вдруг поднявшегося ветерка. От всего этого у меня лысина вдруг встала дыбом, а скальп стянуло от ужаса, я ничего не мог понять, и от этого мне стало жутко.

Присев на причальный кнехт пирса, я задумался: что случилось с миром или со мной? Опять какая-то мистика, или у меня сдуло крышу?

Услышав какой-то звук, я поднял голову, и всё сразу стало на свои места: ни сейнеров с траулерами, ни самого завода, ни бывшего посёлка Рыбачий – ничего не было, была только гнилая труха на месте завода и бараков, заросшие травой огородики аборигенов и даже

все тропинки. Всё было мёртво, кроме птичьего базара с орущими бакланами, мартынами, чайками и прочими морскими водоплавающими, гнездившимися на скалах. Они выжили, и они – дома. А вот людей не стало, они исчезли.

Проснувшись, я с трудом восстанавливал в мозгах увиденное в сне. Я знал прошлое острова и знаю, что, когда там жили люди, он был живой, потом я попал в будущее острова, когда он ещё был без людей. Потом я опять вернулся в очень печальное настоящее, и дай бог, чтоб мой сон стал вещим, и жизнь опять вернулась на наш островок Недоразумения.

Неужели всё дело а названии?

Р S. На этом невыдуманном острове из моего невыдуманного сна до сих пор живут отшельники, смотрители, невыдуманные хранители прошлого, настоящего, надеюсь и будущего острова, Сергей и Галя, очень приветливые и гармоничные люди, супруги-островитяне, которые не смогли, не захотели поменять покой острова на суету землян. Они не миллионеры, но духовно они богаче всех миллионеров, ведь у них есть свой неповторимый мир на этом островке в Охотском море. Этот самый мир, как другая планета, по прежнему как магнитом притягивает к себе людей ищущих себя, желающих испытать что-то доселе неизвестное им. Остров, как храм где людям хочется исповедаться, но не кому-то, а тому духу который там обитает, и каждый человек после посещения этого природного храма чувствует моральное и духовное очищение, он становится терпимее, добрее, у него появляется вера, религия гармонии с собой и внешним миром.

Возможно я слишком идеализирую островную обстановку, но ведь не зря из Магадана люди тянутся к этому клочку суши, сюда и зимой и летом тянутся паломники пусть это будут просто рыбаки любители лосося и крабов, но ведь остров посещают и творческие люди. Это могут быть и люди искусства, а в поисках вдохновения художники, поэты и писатели. Это вам о чём ни будь говорит? Я жил на острове много лет назад, но мне по прежнему хочется воспевать его атмосферу красоты и покоя, и когда я вспоминая пишу эти строки, я чувствую некую незримую связь помогающую мне в жизни. Да будет он во веки веков пристанищем, для верующих и ищущих! Аминь!.

P. S. Вопрос-ответ

И я не знаю горевать мне или радоваться, ведь по последним вестям из Магадана, по остаткам всего того что оставалось от рыбозавода и посёлка прошёлся нож бульдозера, уничтожив тем самым всё что напоминало бы о прошлом острова. Но мне хочется думать что мой сон был вещим, и с этого сноса остатков жилья и цехов рыбозавода, в истории острова откроется новая страница, страница эпохи возрождения острова которая так ярко приснилась мне в одну из ночей. На мой взгляд, лучшей базы для отдыха и туризма не найти. Да и для любителей уединения, для поэтов, писателей и влюблённых, остров настоящий Эдем, о котором судя по истории знали даже древние люди. Желаю всех благ этому клочку суши, охраняемому морем и самим всевышним.

Мой друг однажды спросил меня почему я, никогда не державший в руке пера, вдруг решил ударится в воспоминания о своей северной эпопее длиною в двадцать лет, и начал именно с острова «Недоразумения»?

В жизни каждого мужчины бывает много настоящих товарищей, но друг бывает только один, а друг и товарищ, это суть разные понятия. Каждому мужчине в течении его жизни встречается множество красивых и обаятельных женщин, но полюбит он только одну которая и станет матерью его детей, продолжателей рода.

Каждый мужчина, тем более романтик и искатель, увидит множество прекрасных мест, он увидит и пройдёт всю Колыму, роскошную тайгу Эвенкии и Якутии, проплывёт по многим великим и не очень, рекам, он поднимется в горы чтобы хоть раз в жизни увидеть оттуда, с поднебесья всю красоту нашей планеты, восхитится, и испытать радость победы. Но искренне, он полюбит, оставит в душе и в своей памяти только одно место. Колыму!

Мужчина уйдёт на долго в штормовое Охотское, Баренцева или Карское море, чтобы испытать себя, и главное, испытать радость возвращения к родным берегам. И поверьте, что это чувство, того стоит. Он увидит и испытает многое, но его морем станет тоже только одно. Охотское!

Я всё это тоже прошёл и испытал, и всё было в моей жизни, были царапины, были и синяки, была радость, было и горе. Я терял друзей и любимых женщин, я метался не по городам и весям, но по морям и рекам, по тайге и тундре, искал, не находил, и ещё больше терял не зная где то, что мне нужно.

И только попав на наш остров, я как-то успокоился, и не знаю откуда, ко мне вдруг пришло чувство понятия, смысла, своего существования. Я почувствовал, то, что называют гармонией, я стал ладить не только с самим собой, но и с природой, морем, с чайками на скалах, нерпами в море, я стал понимать не только окружающий меня мир. Словно пройдя «чистилище», с стал другим, и часто глядя в ночное небо, я мысленно улетаю в те, совсем не пустые миры, где, как мне иногда казалось и был мой настоящий дом, мой Эдем, «начало начал» которому был именно здесь. Как и было задумано великим творцом, имя которому: «Вселенная»!

Я знал что это влияние острова, которое я чувствую и спустя сорок четыре года. Это он, остров Недоразумения, просит напомнить людям о себе.

Вот тебе и ответ на твой вопрос, почему я дилетант вдруг вспомнил, (а я никогда не забывал) свой Эдем и в силу моих скромных возможностей начал писать об острове.

Колыма, старательская артель «...беда» *Старатели девяностых*

Ты думаешь, что мне не по годам,
Я очень редко раскрываю душу.
Я расскажу тебе про Магадан.
Слушай! Как я видел Ногайскую бухту
Да тракты. Улетел я туда не с бухты-барахты.

В. Высоцкий.

Вступление

Я воспеваю труд старателей, я преклоняюсь перед ними, но я проклинаю золото и всё, что с ним связано: беды, смерти, горе вдов, сиротство детей. Битва за золотой урожай – это фронт, передовая, откуда постоянно вывозят раненых, искалеченных и убитых. Золото пожирает людей, но людская река не иссякает. Люди летят на блеск золота, как мотыльки на свет и так же погибают. Золото и зло – слова-синонимы.

Старатель рабочая пчела, он батрачит, чтоб выжить, прокормить семью и, возможно, но маловероятно, обеспечить старость. Все остальные, кто вьётся вокруг, это чиновники всех рангов и, конечно, криминал, повязанный с ментами одной верёвкой. Это мафия! Они работают по-крупному, и всякое разное, вокзальное, привокзальное и поездное ворьё им и в подмётки не годится, хотя и они имеют свой приличный кусок от старательского пирога. Но это так к слову пришлось.

Колыма, Усть-Среднекан, артель».. беда», зона риска. Вообще-то, эта старательская артель гордо и с претензией именовалась «Победой», но, как и яхта капитана Врунгеля, вдруг стала «бедой», по крайней мере, для меня. В 1994 году судьбе было угодно забросить меня опять на Колыму, на этот раз в старательскую артель «Победа». Особых иллюзий в отношении заработка я не питал, но реальность оказалась гораздо хуже, чем могла бы быть. Но об этом я узнаю потом-потом и в который раз испытаю на своей шкуре, что такое капитальная невезуха.

Из Москвы до Магадана на ИЛ-62 семь часов лёту без единой посадки. С высоты десяти километров обзираю просторы нашей Родины, и у меня появляется ощущение, что мы летим над пустыней. Отчасти так оно и есть, на таких оромных площадях редкие города и городишки едва видны, а посёлков и деревушек и вовсе не видать. После операции «Ы» нашими благодетелями-затейниками, во главе с тамадой государственного масштаба, Бориской Ельцыным, гайдаровской ваучеризации, чубайсовской электрификации (бесофикации) и горбачёвской перестройки, и то немногое, что было в этих краях, исчезло с лица земли-матушки.

На другой год, когда по осени я ехал, уже с Амурской старательской артели, воочию увидел брошенные леспромхозы с лесотасками, пилорамами, трелёвщиками. Видел я и мёртвые деревни, посёлки и городишки, где когда-то жили люди, работали, любили, растили детей, по-прежнему верили в светлое будущее, и ждали.

Сейчас эти, некогда живые, тёплые дома смотрят на мир пустыми глазницами разбитых окон с укором и угасшей на веки надеждой, ведь без людей они стареют и умирают. Дома, как и люди, не хотят смерти но, как и у людей, у них оказался короткий век. То, что я видел, были уже не города или деревни, это были погосты, громадные кладбища чьих-то похороненных жизней и надежд, а это ведь только лишь маленький, умерший кусочек земли. А сколько их, таких погостов по всей России?

Это для нас писаны гимн, Уголовный кодекс и все остальные законы. Это наши дети присягают на верность родине, служат честно, погибая в Афганах и Чечнях. Своих отпрысков власть имущие откупят у продажных военкомов, спрячут на своих виллах за «бугром». Слуги народа живут по своему воровскому кодексу, у них другие боги, другие талмуды, кораны и библии, другая, неизвестная нам вера, хотя кто-то из них даже лоб крестит, не пропускает намаз и ест только кошерную или халяльную пищу; но они – воры, и предатели, и они пока ещё у власти. И болит у людей душа от бессилия и безнадёги.

Я нечаянно ушёл от основной темы, но больно уж накопело, вот я и испустил этот душевный вопль. Причина, по которой я опять подался в старатели, это желание вырваться

из того замкнутого круга смутного времени, неудач, нищеты материальной, но хвала господу богу, не физической или моральной. «Что день грядущий нам готовит»?

Я ехал в старательскую артель «Победа», не зная что она давно стала.. бедой», и не только для меня.

Часть 1. Путь к «Победе»?

И вот, полный оптимизма и самых радужных надежд, я вновь стою на земле любимого мною Магадана. Кроме меня, этим же рейсом прибыли ещё человек десять старателей, и всех нас встречал артельский вахтовый «Урал». Под русское: давай-давай, скорей-скорей, мать твою, чертей и боженят, мы попрыгали в будку и «Урал» рванул в сторону Магадана, а потом и Колымской трассы, курсом на Усть-Среднекан, до которого было что-то около пятисот км. Дорога дальняя, а ехать на сухую уж больно долго и скучно, поэтому мы тормознули вахтовку у какой-то лавки на окраине, где и затарились огненной водицей. Теперь можно выпить и за знакомство, и за лёгкую дорогу, да и за старательский фарт не забыть, а уж потом без тоски и скуки взирая на лунный колымский ландшафт, на тундру, сопки и чахлую тайгу, пробегающую за окном.

В будке было тряско и пыльно, пыль колымского насыпного тракта висела в воздухе пополам с табачным дымом, но нам было уже изрядно весело, и на такие мелочи не стоило обращать внимания. Со шнапсом дорога для нас стала гораздо короче и веселей, и к вечеру, после дикой гонки по тракту, спусков, подъёмов, мостов и мостиков, переправ и речных бродов, с подгибающимися ногами и вибрирующими внутренностями, мы вывалились из вахтовки на берегу Колымы, где и находилась старательская артель с гордым названием «Победа».

Хотя председателем артели в ту пору был Мокрушин, не хотелось думать, что все там мокрушники и темнушники, но так оно впоследствии и оказалось. Зарплату в артели выдавали только на следующий сезон, и никто никогда не знал, что в действительности ему причитается. Зная, на что мужик купится, клюнет, ему предлагали в счёт оплаты якобы очень приличное японское авто (б/у), приобретенное в порту Ванино за гроши и всученное старателю уже за... ну очень хорошую цену. Ради объективности, нужно сказать, что некоторым доставались и новые машины, но это только тем, кто батрачил не первый сезон, и артель ему задолжала кучу «бабла» за прошлые сезоны.

Всех этих тонкостей я ещё не знал, но уже явственно чувствовал запах бензина и аромат кожаного салона какой-то «Тойоты», я тоже, как и многие, клюнул на эту приманку. Но, как потом оказалось, эта манна небесная доставалась не всем, не всегда и не сразу. Ещё больше шансов было остаться ни с чем, а значит, в конце сезона оставь свои надежды, забудь свои мечты, хватай, что дают и сколь дают, лишь бы хватило на обратную дорогу. У меня так и вышло, да и не только у меня, беда ведь многих любит.

Двухэтажная общага в Усть-Среднекане была заселена старательским людом и «стасиками», то бишь тараканами. Для тепла окна в комнате были забиты одеялами, под потолком тускло горели обгаженные мухами лампочки Ильича, по стенам и особенно по столам, дожирая остатки старательской закуси, никого не боясь и громко шурша почти жестяными крыльями, бегали «стасики». В общем, это была общага как общага, видали по северам и похуже. На первом этаже был камбуз, где очень прилично кормили, артельный ледник был забит олениной, а в свинарнике подсобного хозяйства хрюкали будущие котлеты и бифштексы, уж в этом отношении в артели всё было тип-топ.

И тут хохлы, как тараканы

Поначалу я работал на дальнем участке, на ремонте бульдозеров «Комацу» и «Катерпиллер». Месяц пропахал, чувствую, что не ладно что-то в жизни моей старательской, значит не прижился, хотя до этого думал, что и с чертями уживусь. С чертями у меня лады, но вот с этими бесами, семейкой хохлов, полный раздрай вышел. Кум, брат, сват, зять – это

была семейная мафия, в которой я был лишний и очень им чем-то неудобен. «Цэ ты нэ так робыш», «куды ты пишов», «колы вже мы вид тэбэ избавымся», «колы вже можно будэ спокойно пожрать сала», ну и т. д. Чувствую, что скоро сорвусь, и кто-то из них схлопочет по полной программе, и мне это ничего хорошего не сулит.

Тут и случись, что заехал к нам главный механик артели, хороший, с понятием мужик. Я знал, что бульдозеристов не хватает, и была надежда слинять от хохолятской семейки. После недолгой беседы, механик вошел в моё положение и, вняв моей просьбе, отправил на полигон для стажировки на Т-130. Работая на ремонте техники, ты не видишь самого процесса добычи золота, не знаешь даже, как оно выглядит, ну и, конечно, никакой романтики. Промысловый сезон едва начался, и я наконец-то оказался в нужном месте, в нужное время. Я не был бульдозеристом, но кое-какие навыки у меня были ещё с детства, когда в Казахстане, на целине мы, пацаны, гоняли на ДТ, поднимавших целину, и трамбовали в ямах силос на С-80 или С-100 в то время, когда дяденьки-трактористы дули сворованную дома и принесенную нами брагу или самогон. Опыт работы с отвалом у меня был нулевой. Но, верно говорят, что не боги горшки обжигают.

Мой будущий напарник, а пока инструктор, толкнул пару отвалов породы на стол Важгерта и вылез из кабины, дальше давай сам. Он не хотел тратить на меня своё время и нервы и не ожидал, что у меня что-то получится, но для очистки совести доверил рычаги. Через полчаса машет мне рукой: «Стой, паря». У меня сердце остановилось: не сдал я экзамен. Но тот, немногословный, хмурый мужик лишь сказал: «Я в ночь выйду а ты давай в день паши и не свисти, что не бульдозерист», с тем и отбыл на попутной машине. Так вот и пошла моя настоящая, старательская работа.

«Тонет золото хоть с топорищем,
Чтож ты скис, захандрил и поник?
Не бойсь: Если тонешь дружище, —
Значит есть и в тебе золотник!
Пишет он второпях без запинки:
Если грязь и песок под тобой-
Знай; то жизнь золотые песчинки
Отмывает живящей водой...!

В. Высоцкий

Я подаю, толкаю отвалом золотоносную породу на промприбор «Важгерт», где её перелопатят, промоют мощной струёй воды, водяной пушки, ну а проще гидромонитором, который смахивает на гарпунную пушку китобойца. Грунт, песок и мелкая порода смоемся потоком воды сквозь решётку в бункер, откуда и уйдёт по колоде на выброс. Вода смоем, унесёт всё, кроме золота, которое осядет, останется на рифлёных резиновых ковриках. Останутся самородки, золотой песок и даже золотая пыль.

Как не похоже это трудное, политое старательским потом и кровью, золото, на то ювелирное, к которому мы все привыкли. Нашему золоту ещё предстоит пройти несколько стадий очистки: сначала в артели, потом на обогащательных, аффинажных фабриках, где его доведут до кондиции, и оно уже будет в слитках и с клеймом, то есть с пробой. Трудно всё это представить, если не видел своими глазами. Я попытался хоть немного разогнать туман в глазах непосвященного человека, и, не думаю, что стоит забивать голову, описывая принцип работы золотодобывающей драги, как и зачем бьют шурфы, и как мыть золото лотком. Экскурс по специфике золотодобычи окончен.

Сказать, что я работал с удовольствием, это ничего не сказать. Я пахал с упоением, аж слюнки текли, до чего мне нравился мой бульдозер и сама работа – всё по мне. В тот год

жара на Колыме была под 40, от движка несло пеклом, мозги плавились. Добычу не оставишь ни на минуту, хоть сварись в своей кабине вместе с паутами (оводы), которые набились к тебе в приятели и с «аппетитом» тебя же грызли везде, где был виден хоть кусочек твоей мокрой от пота, грязной кожи. Когда становилось совсем невмоготу, я махал Сашке-мониторщику: «Сашок, выручай, я спёкся». Катапультуюсь из кабины, лечу к монитору по пути, нырнув в зумпф с мутной, горячей, но мокрой водицей. Уже в воде я сдираю с себя всех этих летающих, ползающих, спиногрызущих и кровососущих тварей.

Мой бульдозер, уже с Сашкой, толкает породу, а Сашкин монитор пока зря плюёт воду в небо, в знойное колымское марево. Лечу к нему, хватаюсь за рога, направляю мощную струю в кучу породы, которую нужно промыть, прохлестать водяным бичём, от которого и громадные валуны улетают как подушки. Эта струя, если у тебя нет мозгов, вышибет за борт не только камни, но и всё золото, которое должно идти только в колоду, на коврики. Не разевай рот, пацан!

Струю монитора даже ломом не перешибить, испытано, громадные валуны улетают как подушки, а вот щебень и золотишко проваливаются через отверстия в колоду, где золото оседает на рифлёных резиновых ковриках, а всё остальное уходит с потоком воды. Но, есть одно, но! Не щёлкай пастью, иначе всё уйдёт в отвал. Наука не хитрая, если сам не дурак.

Время идёт, я батрачу, и всё у меня пучком, а в конце тоннеля уже маячит солидная зарплата, оттого и настроение у меня более чем оптимистичное. Как-то к нам на полигон нагрянули магаданские телевизионщики, снимали процесс добычи металла и нас заодно. Ставили в разные героические позы, снимали во всех ракурсах. Им глянулась моя бородаща, в ту пору ещё чёрная, рванный флотский тельник и, наверное, мои грязные, искусанные гнусом сквозь прорехи ноги. Дранные штаны мне не дали переодеть даже для приличия, дабы не потерять шарм, и колоритность старателя. Мы всё терпели из-за их посулов выслать нам фотки, которых так и не дождались, видимо, те решили, что показа по Магаданскому ТВ, достаточно, которого впрочем мы тоже не видели. Сволочи, однако.

В конце каждой смены приезжают с охраной съёмщики, проверяют на колодах пломбы, вскрывают их и приступают к съёмке золота. Они промывают, вытряхивают коврики, собирают с них самородочки, песочек, и даже золотую пыль осторожно смывают водичкой, сметут щётками и заложат в спецконтейнер, и опечатают. Потом в журнале съёмки золота сделают запись, распишутся, опечатают колоды, и паши дальше. У меня появилась надежда отработать сезон без приключений, так меня любящих. Но человек предполагает, а бог располагает.

Я убираю, толкаю отработанную породу в отвал, это в основном мелкие камни, щебень, галька. Как только я освоился на бульдозере, стал маленько лихачить, нож подводил к колоде чуть ли не в миллиметр. Ну и как результат моей ненужной удали – задел отвалом и сдвинул колоду. Промывку сразу остановили, колоду опять поставили на место, законопатили стык и погнали дальше. Этот участок мы уже почти отработали, оставалось сделать зачистку, демонтировать прибор и переезжать на другой полигон.

Роковое золото

Вечером у нас пересменка, ждём вахтовку. От не хрен делать, мой коллега из местных, дразнит его Олегом, взял старательский лоток, залез под колоду и в том месте, где был разрыв, набрал песку, а с лотком он, как и любой колымский пацан, обращался ловчее любого геолога. Через некоторое время кореш вернулся с полным спичечным коробком золотого песка. Оставалось толкнуть его кому-то, но и это не было проблемой, если верить аборигену Олегу.

В те годы артели сдавали государству золото по 25 рублей за грамм, а ингуши давали за ворованный металл 40 рублей, и хотя на каждом прииске есть чекисты, скупка была почти

легальной. Никто это не афишировал, но все знали и с доносом в ГБ не спешили. Знал народ и то, что пойдя они сдавать найденное золотишко в контору, там всю душу вымотают, где взял, сколь, зачем, где остальное спрятал, ну и т. д. Проклянёшь и себя, и тот миг, когда нагнулся за этим блеснувшим в отвале самородком, а чечен или ингуш глупых вопросов не задаёт. Они вообще никаких вопросов не задают. Все эти побасёнки из чужого опыта, у меня такого фарта не случалось. И слава богу.

Олег даёт мне коробок с презренным металлом, и я удивляюсь его тяжести, думаю, как тяжело оно даётся, так оно и весит. В первый раз в жизни я держал в руках золото в таком количестве, ну и в таком виде. Олег, с четырнадцати лет работавший с батей на одном бульдозере, наверняка перевидал на своём молодом веку ни одну тонну золота и удивить его чем-либо было трудно. Хотя на металл он смотрел как на триппер, коль поймал, избавишься от него не скоро.

А у Олега это время как раз и наступило, он поймал свой триппер, от которого можно избавиться, лишь передав другому. У него в мозгу уже выстроились ряды бутылок, которые можно выручить за металл, что ему зря пропадать. Я даю ему дельный совет: выкинуть эту беду в колоду и не искушать судьбинушку, но кто и когда видел старателя, выбросившего просто так золото. Не в силах расстаться со своей добычей, он оставляет его у себя, и, думаю, что последующие трагические события, так или иначе, связаны с этим золотом. С этого момента и пошла у нас сплошная хренотень и даже с летальным исходом. Наказал ты, боженька, да не тех, ты слеп, зол и несправедлив.

Всё это случилось в тот же день. Приехала смена, поговорили о работе, о том, о сём, покурили. Они приступили к работе, а мы полезли в кузов бортового газона, где была всего одна лавка. Сашок, мониторщик скоренько занял моё обычное место по правому борту, за смену всех достала жара и гнус, и никому не хотелось лезть в жаркую кабину. Мне места на лавке не досталось, и я нехорошо, но без злобы матерясь, лезу в кабину. Парни хохочут. Кто не успел, тот опоздал, ну да ладно, тут езды-то полчаса, не сдохну.

Часть 2. Смерть Сани мониторщика

Водила, несмотря на артельный сухой закон, врезанный прилично. Толкую ему: «Ты же, гад, за штурвалом, да и людей везёшь, не дрова». Тому же по херу всё, ему базарить охота, гонит, что-то базлает, на дорогу не смотрит. Кричу ему: «На дорогу гляди, придурок!». Но куда там. Дорога гравийная, ровная, но со многими поворотами, а навстречу нам топит с чёрным выхлопом КамАЗ-наливняк да ещё и с таким же прицепом, но идёт точняк за сотню. Он как громадный пылесос собирает с дороги всю пыль и выплёвывает её за кормой. Расходимся на встречных курсах, и сразу наступает ночь, обалдуй, водила даже и не подумал притормозить, а был как раз поворот, но мы по-прежнему пёрли прямо, уже в овраг, в кусты куда-то. Я только успеваю крикнуть: «Куда, козёл?»... Поздно. Цепляем правым колесом бровку дороги, он берёт руль резко влево, и мы закувыркались. Пару раз перевернувшись по ходу, ГАЗон стал на ребро, потом, подумав, завалился ещё раз, лёг на кабину вверх колёсами. Во время этих перевёртышей, у меня в башке, мелькала почему-то одна мысль: жопа, ноги, голова – жопа, ноги, голова. Помню ещё треск сминаемого металла, хруст ломающихся стёкол, и всё... Очнулся я от боли и сразу не мог понять, где земля, где небо, и что на меня так давит.

Правую руку вообще не чувствовал, будто её и не было, поднять или повернуть голову тоже не мог, сам лежу брюхом вниз. Закатил я глаза под лоб, выпятил их как рак, вижу, ходят по траве чьи-то рыжие кирзовые сапоги, слышу голоса. Садясь в ГАЗон, я был в комнатных тапках, сейчас чувствую, что босой, пальцами шевелю, значит, ноги со мной, на месте, а вот где моя правая рука не знаю, не вижу, не чувствую. Ору, как я думал, во всё горло: «Гады, где мои тапки?» Пацаны слышат из-под груды металла мой то ли стон, то ли писк, врубаясь: «Вован, да ты никак живой? А ну, кореша, взялись!». Взялись, да не тут-то было, попробуй, подыми грузовик. Побежали искать по обочинам что-нибудь подходящее в виде лома или трубы, но ломы вдоль дороги почему-то не валялись, а какие-то старые трубы нашли. Ну а я пока в это время отдыхаю в раздавленной кабине, на железе и под железом, откуда-то льётся на меня бензин. Сейчас только малейшая искра, и 90 кг шашлыка будут враз готовы. Не желая стать шашлыком, ору со всех силёнок: «Сволочи, не курите, сейчас рванёт, и вам не хило будет!». Теперь только я осознаю, что раз мужики живые, значит, меня не бросят, выручат, достанут из этого мангала с бензином. Мне повезло, что кто-то недалеко вывалил на обочину строительный мусор, там-то и нашлись какие-то трубы.

Засунули их под машину, поднажали и раздавили меня совсем. Оказалось, что нужно было не так и не туда, а совсем наоборот, но обо всём этом я узнал потом, когда очнулся на пыльной траве. Рука, которую совсем не чувствовал, хотя и была при мне, но как бы и не моя. Поворачиваю голову, вижу рядом Саню-мониторщика, это он занял мое место в кузове, а сейчас у него вскрыт череп, и всё забито пылью с запёкшейся кровью. Санёк был ещё жив, но без сознания, придя ненадолго в себя, он только спросил: «Как ребята?» Это были его последние слова, не приходя в сознание, Санёк умер в больнице Сеймчана, куда нас доставили санитарным вертолётom. Врачи сказали, что он был весь изломан, и шансов выжить – никаких.

У него осталась молодая жена с грудным ребёнком, мальчиком, тоже Санькой. Они были колымскими аборигенами, а у местных пацанов, в большинстве случаев, одна дорога. Это дорога отцов старателей, золото требует жертв, крови, человечины. Уже потом я узнал, как всё было. Когда началось наше авто-сальто-мортале, ребят сразу выбросило из кузова, а Саня каким-то образом оказался под кузовом, и парни голыми руками порвали толстый деревянный борт, доставая его, хотя и сами были ободранные, побитые и едва стояли на ногах. Они же вытащили и спасли меня, спасибо Вам, коллеги, старатели, братья!

Что касается водилы, то, оказывается, когда ГАЗон в последний раз стал на борт, как бы раздумывая, стоит ли ему кувырнуться ещё раз, он наступил на меня, как на труп, чтоб ловчей было выскочить из кабины, схватил из бардачка стакан, и вылетел наружу, как бы подтолкнув грузовик, отчего тот опять по ходу рухнул вверх колёсами на крышу кабины.

Кабина сминалась как картонная, не спеша, но неотвратно, со скрежетом металла и хрустом стёкол, потом я выключился. У водилы не было даже царапины, только носопырка разбита. Первым делом он поспал в стакан и проглотил свою мочу, потом стал просить парней, чтоб тоже плеснули ему ссаныя, а то гаишники могут подумать, что он пьян. Сука! Ему было по херу, что он натворил, что людей покалечил, Саню убил, ребёнка осиротил, без отца оставил, а молодую жену вдовой сделал.

Бежать с Колымы некуда, поэтому его даже под стражу не взяли до суда. Приезжал он и к нам в Сеймчан, в больницу, просил, чтоб мы изменили показания и сказали на суде, что на момент аварии он был трезвее трезвого. Простить мы не смогли – это был не тот случай, когда великодушные и гуманность уместны. Да и по жизни он был с большим гонором, но дрянным и пустым человечешкой.

Проклятие золота

Как ни странно, но во время всех этих перевёртышей коробок с золотом уцелел. Олег, уже в больнице, пару раз терял его по пьянке, находил, потеряв в третий раз, махнул рукой: «Значит, не моё, ну и хрен с ним!» Я с облегчением вздохнул: то ли это золото виновато, то ли госпожа Фортуна повернулась задницей, но по-любому, с меня хватит. Отлежав и отпьянствовав месяц, Олег слинял в артель, сказав мне, что валялся со мной за компашку и что ему пора и честь знать. Я, отлежав почти четыре месяца, с едва работающей рукой выписался и подался на Устьсреднекан, в артель, с горечью сознавая, что пролетел как фанера над Парижем, прощай мечта о «Тойоте», да и вообще впереди один мрак.

В артели мне рады не были, как мне платить не знали, вернее, знали, но не хотели. В ожидании конца сезона и расчёта, я шлялся по посёлку, беспонтово ошивался в конторе, подолгу сиживал на крутом берегу Колымы, любясь рекой и уже осенней природой. Работать одной рукой я не мог, уехать без денег тоже, оставалось надеяться и ждать. Расчёт мне дали вместе со всеми, но какие-то копейки, объяснив в бухгалтерии, что остальное удержано за общагу, питание, авансы в больнице. «Но ты не унывай, окончательный расчёт будет попозже, и мы тебе вышлем домой кучу бабла», – так мне сказали напоследок.

Река легенда, река горе, Колыма

Уже зимой, на мой запрос, они ответили, что я остался должен, а «если не веришь, прилетай в артель, и мы тебе всё растолкуем». Это же совсем рядом, всего семь лаптей по карте, и ты в Магадане, потом 500 км по тракту, и вот она... беда». Юморные ребята в «Победе» и подлые. Ну не может быть артель «Победой», если там председатель Мокрушин, она может быть только «Бедой».

Помните об этом, господа старатели! Никогда не суйтесь в артель по объявлению, это дохлый номер, и сама артель дохлая и предом там такой же «Мокрушин». В добрую артель люди годами ждут в очереди, они уважают себя и свой труд.

Колымская курьёзная повесть

Иван Ильич и другие

В 1974 году я, горя желанием совершать трудовые подвиги и благие поступки, прибыл на очередную стройку века – Колымскую ГЭС, в п. Синегорье.

С любопытством озираю панораму строящегося посёлка, алюминиевые, арктические на сваях общаги, перспективу первой улицы «Энтузиастов», стремящуюся к берегу Колымы, я впитываю в себя синее безоблачное небо, зелень крутых сопок, журчанье хрустальных ручьёв, которые с сотнями и тысячами таких же безымянных собратьев спешат слиться с более крупными. А те, в свою очередь, впадают уже в другие, более полноводные ручьи, которые именуются уже притоками и имеют собственные имена. Все эти ручейки, ручьи, притоки, большие и малые, они – как артерии, питающие собой стремнины и плёсы Колымы, а она – как мать заботливо собирает их в своё русло, своё лоно, понимая, что без них она умрёт, оставив на камнях своего многовекового ложа лишь тяжкую и жестокую память этих мест.

Вот я, как тот ручеёк, пытаюсь влиться в почти уже полноводное русло рабочего люда, прибывшего сюда по зову горячего комсомольского сердца, за мечтами и туманом, ну и, конечно, за длинным, в мечтах, очень длинным рублём. Думаю, что и меня здесь ждёт новая интересная и денежная работа, новые знакомства и интересные встречи. Впрочем, ординарные, тусклые и скучные люди мне неинтересны, и я всегда выискиваю зерно среди плевел и нахожу. Хотя каждый человек – индивидуум и по-своему интересен. Я не буду рассказывать о положительных, рядовых членах нашего общества, так же, как и об истинных адептах учения Карла Маркса, сектантах утопического учения под названием коммунизм. Я буду рассказывать об алкашах, людях не от мира сего, неординарных «белых воронах», они, на мой взгляд, более интересны, чем остальная серая масса «строителей коммунизма» и соискателей длинных рублей.

Итак, Иван Ильич

Иван Ильич работал в «Гидроспецстрое» бурильщиком на «БТС», это буровая установка на базе трактора Т-130. Как и любой советский механизатор того великого времени, можно даже сказать, эпохи, в зимнее время он ходил в ватнике, таких же ватных, похожих на матрас штанах, в серых с резиновыми калошами валенках и в старой солдатской со следами звёздочки на козырьке ушанке. Эта униформа люмпенов пахла ржавыми болтами и гайками с привкусом шплинтов, была пропитана солярой, маслом, и благоухала всеми тракторными ароматами и дымом кострищ.

Ильич был патриотом как праздничных застолий, так и стихийных, спонтанных выпивок, и никто не мог упрекнуть его в том, что он когда-то отказался от выпивки или пронёс рюмку мимо рта. По характеру Ваня был прост как лом и простодыр аки сеть рыбацкая. Без малейшего сожаления он мог отдать страждущему последний, заныканный от бабы рупь, ибо о тяжком похмелье он знал не понаслышке, он мог снять с себя последнюю рубашку, поделиться куском хлеба. Это был настоящий колымчанин, верный собутыльник и друг.

Иван Ильич, как и многие работяги-аборигены, жил в Дебино, на работу в Синегорье каждое утро мотался вахтовым автобусом. Мало удовольствия от езды в полярную ночь в промёрзшем насквозь моторном дилижансе, в стоячем положении, но если тебе и повезло, и ты в бою смог устроить свою задницу на ледяную автобусную сидуху, то твой любимый

геморрой с простатой вместе тебе этого никогда не простят, и тебя впереди ждут бессонные и мучительные ночи. И скажешь ты тогда сам себе: «Лучше б я протопал эти 30 км пешочком и с песенкой, чем сейчас стонать и мучиться».

Просто Жека

Одним из первых, с кем я стал на «ты», это был Жека Балбасян. Человек в любой ситуации, обладающий потрясающим чувством юмора, пофигизма и бесшабашности, попросту не мог быть плохим парнем. Нужно заметить, что Женька – чистокровный русак, а «Балбасян» – это у него зоновское погоняло, ставшее на воле второй фамилией. Жека был прописан и жил в том же Дебине, в том же, вросшем в землю по самые окошки времён ГУЛАГа, бараке, что и Иван Ильич, и многие рассказы о тамошних обитателях были мною услышаны именно от него. Вот лишь один из «подвигов» нашего общего знакомого и коллеги Ивана Ильича.

Забухал однава И. И. не с бухты-барахты, не с горя иль радости и даже не от обиды за любимую женщину, и вовсе не от несправедливых начальственных укоров, попреков, а по чисто русскому обычаю, то есть шлея под хвост попала, масть пошла да всё козырная. Квасит И.И по-чёрному уже неделю, забив большой болт на свой любимый буровой станок, на весь «Гидроспецстрой», а на себя, забулдыгу, тем паче.

Однажды его жена-баба, которой уже до чёртиков надоело это зелёное отродье, которое уже начало всю шастать по Ильичу, воспользовавшись его беспомощным состоянием, конфисковала всё его состояние в сумме 30 целковых и упылила на работу в стационар, где она трудилась на благо здравоохранения и общества медсестрой.

На следующий, пасмурный, похмельный день И. И., очнувшись от ночных кошмаров, возжелал традиционно опохмелиться, то бишь прогнать ночных визитёров, но, не найдя заначки, он сразу врубился, чьих рук это дело, была бы баба дома, он набил бы ей морду лица, да так, чтоб она и сама сгоняла бы в лавку. А так – ни того, ни другого, хоть плач иль вой.

Узрев ненароком стоявшую на комодке, на кружевной салфетке, розовую, здоровенную гипсовую свинью, он воспарил аки херувим: «Блин горелый, как же я запомнил, там ведь, чай, не на один ящик набралось?!»

Трепетно взяв её в руки, он сразу ощутил приятную тяжесть трудовых сбережений, это вам не сберкасса, где ни пощупать, ни полапать не дадут. Свинья, хоть и была до сих пор по-детски розовой, да только щель под самым хвостиком оказалась грешно разработанной дальше некуда. Ильич вспомнил, как в своё время по пьянке тужился, проталкивая туда ассигнации и крупные монеты, будто чувствовал приближение чёрных дней. «Э, да там, в том свинячьем анусе, бляха-муха, целый Клондайк, Эльдорадо!»

Начался обратный процесс, поноса у хрюши не было, и потому каждый, добытый из чрева свиньи, бумажный целковый давался с трудом. Монеты, правда, иногда мелким поносом, ручьём выливались, радуя взор Ильича и теща нетрезвую душу.

Идём ко дну, но весело

Но вот, кажется, и хватит. Помня, что всё в этом подлунном мире когда-нибудь кончается, он почти сразу перешёл на режим жёсткой экономии: стал потреблять только тройной одеколон, а уж когда ему вдруг попадался вкусняшка «Огуречный лосьон», то это уже был пир, баловство и извращение, и с этим были согласны все его соратники, хотя отказаться от такого соблазна и радости жизни, были не силах да и не больно и хотели. А чё, вкусно, дешево и сердито, всегда бы так.

Загул продолжался, а жена-баба только диву давалась: откуда у Ильича такие-сякие резервы появились, она пыталась его самого. Но он молчал как Зоя Космодемьянская: «Не знаю ни хрена и баста. Мир не без добрых людей, в отличие от некоторых женщин».

Однако пьянство ещё никого до добра не доводило, и вот в один из нехороших, похмельно-привычных дней, когда на Колыме было привычно под минус 50, Ильич привычно вытряс из уже хорошо разработанного очка свиньи привычные три целковых и привычной дорогой привычно устремился к открытию пьяной лавочки, как иногда звали магазинчик, торгующий спиртным. Всё в тот день и было бы до тошноты привычно, вот только по привычке спеша в лавку, Ильич забыл запрыгнуть в свои растоптанные валенки, а когда на улице обнаружил, что топает по снегу в одних носках, махнул рукой и продолжил путь как ни чем ни бывало: тут недалеко, да и обернись скоренько, ничо не будет.

Где был, что делал, как шёл домой на автопилоте, кувыркаясь в штормовом снегу, помнит плохо, только вот, когда в тепле ноги стали отходить, заревел от невыносимой боли, как бугай колхозный, которого звали «Зайчик». Ладно, что баба, вернувшись к вечеру с дежурства, сразу принялась спасать да обихаживать своего непутёвого сожителя. Она мазала ему ноги дождавшимся своего часа гусиным жиром, да и ещё какой-то гадостью, восстанавливая кровообращение, растирала мягкими шерстяными варежками, что-то при этом шепча. Потом она дала ему что-то выпить, после чего он уснул как младенец, пуская пузыри с соплями и причмокивая во сне.

На следующее утро, убедившись, что ноги, хоть и посиневшие, и опухшие, остались при нём, Ильич возликовал и даже перекрестился, глядя в угол с иконкой и небольшой чадившей там лампадкой, что, впрочем, не помешало ему плюнуть в тот же угол от избытка чувств. Наверное, от такой чёрной неблагодарности к Богу у него чуть погода отслоились, а потом и отвалились обе подошвы вместе с толстыми, чёрными, потрескавшимися пятками, а ещё чуток погода слезли, один за другим, и длинные, кривые, чёрные ногти.

И вот уже который день сидит Ильич дома, лечит обмороженные ноги, любит новенькими пятками, розовыми, мягкими детскими ноготками и мается мыслью о своих душевных ранах. Он считает, что у него сильнейший стресс и хронический сушняк в горле, и что если эти симптомы срочно не устранить, то так можно ведь и помереть ненароком. Так-то оно так, только вот жена-баба, уходя на работу, стала запирать его на большой амбарный замок: «Шиш вот тебе, дорогой Иван Ильич!»

Двойные, а то и тройные окна в северных бараках малы, а форточки и того меньше, а бывает, что для экономии тепла их и вовсе нет. Просто под потолком в стене прорублены отдушины, закрытые зимой деревянными кляпами, обитыми войлоком.

Постанывая от боли, повизгивая от предвкушения выпивки, Ильич кое-как взгромоздился на крепкий самодельный табурет, стамеской выковырял примёрзший кляп и принялся орать в свет божий как в копеечку, в надежде быть услышанным сердобольными соседями-алкашами, и вот оно. Мир не без добрых людей. Через некоторое время у отдушины уже толпились собутельники, подавая узнику в отдушину спиртное, взамен получая солёные огурцы и куски мяса, выловленные рукой из ещё тёплых щей. Не имей сто рублей, а имей пару надёжных кентов, и всё в этой жизни будет тип-топ.

Надо же так обделаться

Когда жена-баба пришла с дежурства, в квартире был колотун, кляп от отдушины валялся на полу вместе с Иваном Ильичём, который, лёжа на половичке в самой безобразной позе, так же безобразно храпел. В холодной квартире был полнейший бардак, и почему-то воняло мочой и говнищем, как в вокзальном сортире. Женщина, как хорошая ищейка, идя

на запах дерьма, нашла в шифоньере под грудой нестиранного белья алюминиевый ковшик, доверху полный отходами жизнедеятельности организма Ивана Ильича.

Это был чудный по своему вонизму аромат с примесью перегара тройного одеколona и чего-то термоядерного. Чуть не теряя сознание, женщина выпулила ковшик в открытую дверь, в сугроб, в Колымский климат. Потом, немного всплакнув о своей женской доле и подкопив злости, она принялась охаживать муженька любимой скалкой, которая во все века являлась главным оружием женского пролетариата. Были ещё чугунные сковородки и ютюги, но это уже тяжёлая артиллерия, и не стоит лишний раз напоминать об этом нашим слабым и нежным женщинам.

Проводя свой антиалкогольный сеанс в сопровождении аналогичной антиалкогольной беседы, она колотила и приговаривала: «Алкаш хренов, пьянь несусветная, вот уж я тебя подлечу, вовек не забудешь. Вон чё удумал, засранец, в ковшики стал гадить, как щенок блудливый, ведь стоит в сенках для такого случая ведро поганое, так нет же, в ковш насрал, паразит». – «Ну хва, баба, хва, больно ведь дерёшься, вон и волосья-то клочьями на полу валяются». – «Пока ты у меня не посинеешь да лысым не станешь, не успокоюсь, в кои века отыграюсь за всё».

Тут войдя в раж, она, конечно, переборщила, потеряла чувство меры. Ещё пьяный Иван Ильич, обиженный и морально и физически, в долгу не остался и, собрав так грубо поправанное мужество, вдруг устроил бунт на корабле и возопил: «Ты, сука, не моги мушину забивать, так как он в семье есть хозяин и добытчик. Скажи лучше, кака твоя любимая кастрюля, я ещё и в неё навиру!»

Это уже был наглый вызов и перебор с его стороны, это был предел наглости, а потому жена, баба вдруг из просто обиженной и злой женщины превратилась в разъярённую фурию, в русскую бабу, которой уже всё по фигу, которая и в горящую избу войдёт, и коня на скаку остановит, а уж таких вот Ильичей она, как дитёнок малых по попе, отхлещет за милую душу.

Она смогла остановиться лишь, когда на совсем не детские вопли избиенного сбежалось всё население барака. Это было небольшое перемирие, но не конец семейной войны, потому что, едва отдышавшись, она вдруг объявила, что сдаст его в дурдом, а как доказательство его невменяемости отнесёт туда ковшик с дерьмом: «Ведь не может же человек в здравом уме справлять большую нужду в малый питьевой ковшик. Этот ковшик уже много лет висел на гвоздочке, в сенках над бочкой с питьевой водой, и вот на тебе опоганил, паразит, самое святое».

Страхи Ильича

Дурдома Ильич боялся как чёрт ладана, в своё время он уже гонял там чертей после такого же длительного «заплыва», а от смиренной рубашки у него остались тоже не самые лучшие воспоминания. Вытащила оттуда его до срока опять же жена-баба, а теперь вот она же хочет опять упрятать его, наверное, уже на веки вечные. Но не бывает этому!

Едва дождавшись ухода жены на дежурство, Иван Ильич всю избу перерыл в поисках улики, но... В глубокой тоске Ваня устался в окошко, в котором по скрипучему снежку иногда проходили то пьяные, то совершенно трезвые человечьи ноги. Он их давно узнавал, где чьи: по походкам, по пимам, унтам или просто по тёплым меховым ботинкам. Вот летит, увязая в снегу высоченными каблуками, фифа с пятой комнаты, вот идёт в валенках, шаркая стоптанными подошвами, дед-пенсионер, бывший старатель. На кого он батрачил на золоте всю жизнь – непонятно. Ни родных, ни жилья путного, ни денег, ни здоровья – ничего нет. Говорят, что человек сам кузнец своего счастья, а сколько таких вот старых, обездоленных, никому не нужных «кузнецов» мыкается по белу свету?

Обувь и походка людей – это целая наука, по ним можно узнать пол, возраст, пьян человек или просто болен, можно даже узнать настроение и многое другое. Эти знания поневоле приходят, когда ты сам живёшь как крот или, как говорят, ниже плинтуса, и это является твоим социальным статусом. Возможно, что в этой жизни ты многим помог, многих сделал счастливее, но ты не кузнец своего счастья, в житейских хлопотах ты забыл про себя, и это уже твой удел, фатум, рок, а значит, и твоя судьба, которая предначертана свыше, и уже ничего изменить нельзя.

Вот так, сидя у окошка, Иван Ильич предавался философским рассуждениям, когда его внимание привлекла свора ездовых и дворовых псов, устроивших потасовку за какой-то предмет, но до боли похожий на злополучный ковшик с дерьмом, главную улику его невменяемости.

Для Шариков и всяких там Бобиков с Полканами то дерьмо было, как сало для хохла, но для Ильича это была индульгенция на отпущение всяких там грехов, настоящих и мнимых, прошлых и будущих.

Прыгнув в разношенные пимы, он вылетел из барака, пинками разогнал обидевшихся псов, и вот он, родимый, насквозь алюминиевый и полный по самую завязку замёрзшего отличнейшего говна. «Хвала тебе, о, Господи, – думал он. – Улика, она была уликой, а сейчас вот хрен бабе, ишь чё удумала, в дурдом упрятать». Не бывала она там, а ему и одного раза показалось слишком много, до сих пор жуть берёт. В честь такой нечаянной радости Иван Ильич наковырял из задницы копилки-свиньи на «читок», и жизнь опять стала прекрасна и удивительна.

Вчера у Ильича всё было нештук, он хотя и опохмелился душевно, но сон вдруг пропал и появилось, так редко посещаемое его, чувство стыда. Стыд и страх, что попрут его с работы, что не видать больше ему любимого трактора, а как жить дальше без железяки, на которой он каждый болтик, каждый трак чуть ли не языком вылизывал, да и он без него станет, что дитя малое без мамки. Заклинит без масла, закипит без воды, поест его ржа всего, начиная с гусениц. Прошибла его пьяная мужская скупая слеза и сползла по давно небритой щеке. «Эхма, жизнь жестянка», – с этой мыслью Ильич и уснул.

Он ещё не знал, что его посетило такое незнакомое чувство, как совесть, видно она из тех, из рабочих совестей, которые всю жизнь не дают нам покоя, всё куда-то гонят, заставляют что-то делать, творить, заботиться о ближних и даже о своём любимом тракторе. Иван Ильич, вдруг проснувшись, зевнул с подвыванием, сказал себе: «Сволочь, я, сволочь!» После этого глубоко и облегчённо вздохнул и уснул не беспокойным, привычным сном, а глубоким, спокойным сном выздоровевшего человека.

Но даже в таком исцеляющем сне, ему почему-то приснилась не жена со своей скалкой, и даже не горячо любимый трактор, а начальник участка бурения Семёныч. Он размахивал коленчатым валом от его бурового Т-130, и грозился до смерти убить Ильича, если сегодня его не будет на работе. Это было знамение свыше, и поутру Ильич, схватив свою жопу в горсть, ломанулся к автобусной остановке: «Господи, спаси и помилуй раба божия, Илию».

Раскаяние, посыпем главу пеплом

Утром в ожидании вахтовки наша бригада кучковалась в диспетчерской, когда и появился Иван Ильич. По закону подлости тут же нарисовался и начальник участка Семёныч: «Баа, Иван Ильич?! Явление Христа народу!? Пиши объяснительную, но лучше сразу заяву на увольнение, строчи давай, достал ты меня».

Делать нечего, и Иван Ильич трясущимися руками, вспоминая знакомые буквы, стал царапать объяснительную записку. Перо протыкало почему-то сразу по три листа, буквы

прыгали и норовили залезть друг на друга словно сохатые во время гона, похмельный пот заливал глаза, разъедавая их и мешая писать. Главный экзекутор и начальник Семёныч стоял тут же и всё поторапливал: «Скорей, скорее!». Знал ведь, паразит, сколь тяжка писанина с бодуна, сам ведь такой, но глядя на муки Ильича, он тащился и, наверное, кончал от пере-возбуждения, садомазо, в общем.

Объяснительная от Ивана Ильича

«Аж наки десять дней я не был на работе, поскольку тяжело болел обмороженными ногами. В больницу не ходил, потому как санков не было увезти меня туды. На себе баба меня упереть не смогла, поскольку худа больно, и хотя я живу в Дебине двадцать лет, но на меня в больнице даже и карточки нет. А всё с чего началось-то? Припёрло меня до ветру потяжёлому, а валенков-то и нетути, жена-баба спрятала кудысь, чтоб я по нечаянке за водкой не упылил. Делать неча, я в одних носках вылетаю в сортир, быстренько сотворяю царское дело, а потом пока ноги совсем не задубели, несусь сразу в лавку, а чё зря время терять?

За всеми этими хозяйскими хлопотами даже не заметил, как и ноги отморозил. Утром-то нужно на работу ехать, да ноги в пимы совсем не лезут, распухли, значит. Тут и пошло у меня лечение всякое домашнее, баба же у меня врачихой работает, полы по кабинетам моет, она многое знает, многое умеет. Вот и меня на ноги поставила, только пока печати у неё нет на справки ставить. Прошу понять, вникнуть, простить и допустить к работе. Ваш до гроба, И.И.»

Семёныч, читая объяснительную, хохочет и хлопает себя по толстым ляжкам толстыми ладонями: «Ну Ильич, ну писака, Шолохов, однако, нет, нет, ты – Жюль Верн, вот кто ты». Тот тоже всё здорово врал, да многое из того правдой обернулось. «Ладно, фантазёр, иди работай, а бумага эта пусть пока у меня полежит, я, может быть, с ней в сортир сбегая при случае, а может и ход дам».

Врал всё Семёныч, он давно знал о запое Ильича. Пусть себе мужик попьёт, покуражится, дурь из себя выгонит, а самый лучший работник, это провинившийся, а потом прощённый мужик. Он потом для тебя, благодетеля, горы свернёт. А фамилия у того Семёныча была Корнев, и сам он был из сибиряков, из купецкого роду-племени, оттого и дело туго знал. Знал он, как скрутить или приручить человека, он всё мог, но не мог только заставить работяг полюбить себя, уважать. Другая у него выходит кость.

Арсен, Жека, и «К» Колымская повесть

Обитатели энного барака славного Колымского посёлка, можно даже сказать города были далеко не однородны по социальному положению, вероисповеданию и т. д. Кто-то считал барак временным пристанищем и жил надеждой что когда-нибудь его снесут, хотя давно известно что нет в мире ничего долговечней временных сооружений, коим этот барак и являлся.

Другие наоборот не мыслили свою жизнь вне этого барака, и случись вдруг что он сгорит по какой либо причине то эта часть аборигенов усядется на ещё тёплом и дымящемся пожарище, посыпет в знак величайшей скорби головы пеплом и будет ровно три года сидеть и ждать чуда в виде вдруг воскресшего своего жилища.

Но пока этой напасти нет, всё идёт своим чередом. Люди и здесь живут, рождаются и умирают как и в современных домах без клопов, тараканов, и даже с тёплыми сортирами. Как в старых бараках так и в новых домах кто-то к чему-то стремился, работал на износ копя тяжёлую Колымскую деньгу.

Эти трудовые сбережения были как индульгенция, пропуск в рай, в мечту т.е, на материк в дальнейшую безбедную жизнь, в тёплых краях с большим домом и садом с мандаринами, апельсинами или на худой конец с зелёным лучком, красной редисочкой, а потом осенью и со всякими вареньями соленьями. И да сбудется, голубая мечта всех этих проклятых Колымских лет.

Мечты наши и надежды, как вы дороги почти осилившему эту дорогу длинной во много лет, человеку потерявшему былое здоровье и забывшему былое родство. Мечта или химера, но жизнь ушла хотя человек этого ещё не сознаёт, ибо он по-прежнему слепо верит и надеется.

Солидные, ну очень солидные сбережения и весьма приличная северная пенсия давали людям уверенность что жизнь прожита не зря, ведь они пришли к финишу до которого многие и многие их ровесники так и не добежали. Они также прошли сквозь мясорубку Колымы, они также батрачили на приисках, валили лес, горели, тонули не ради романтики, мало романтики в выживании. Деньги, деньги, деньги будь они прокляты. Они прошли все круги ада и предстали перед господом богом в том же в чём и пришли в этот так несправедливо устроенный мир.

А вот эти аборигены не так скучны

Другая категория Колымчан, да и не только их, хотя в этой брэнной жизни и были изгоями, белыми воронами, но были мудрее. Они жили полноценной жизнью сегодня, и сейчас, им было глубоко наплевать как на материковские тёплые края, так и на райские кущи обещанного попами рая в садах Эдэма. Никто оттуда не вернулся и не рассказал по чём там водка и так ли в натуре там всё прекрасно.

Это беспокойное племя аборигенов и примкнувшие к ним пришлые неудачники, тунецы и воры всех мастей по началу всегда кучковались у злчных мест, и как правило, этот местный бомонд забулдыг забивал стрелку у винной монополюшки Рыбкоопа. Потом это сборище отщепенцев всех мастей, перекочёвывало в какой ни будь кильдым, где нет ментов, где можно душевно опохмелиться каким ни будь суррогатом, засадить какой ни будь такой же косой и весёлой «тёлке» которая не станет спрашивать у тебя не только фамилию, но даже как тебя дразнят по имени не спросит, она и про своё ФИО тоже скромно умолчит. Всё про-

изойдёт по обоюдному согласию после чего они вырубятся до следующего протрезвления, нового дня и новых хлопот.

Однажды попав в такую малину, я поневоле вспомнил строки: – На полу лежали женщины и мясо. Женщин там всегда хватало, а мясо если когда кто и видел то только собачатину.

Прости Господи, не ведаем что творим

Иногда какая ни будь ленивая аборигенка, любительница болонок или ещё какой ни будь другой блохоты по утру выпускала без конвоя псинку пописать или покакать на зелень скверика, то прости прощай брат наш меньший иль сестра, всё едино на сковородке не разобрать кто есть кто, лишь бы на всех хватило. Мы люди всегда были пожирателями всего живого, древнейший инстинкт выживания правит нами и сейчас. А потому господа-товарищи не делайте скорбных, презрительных и брезгливых рож, голод всех нас уравнивает, он опять сделает из нас животных, коими впрочем мы и являемся. Не обольщайся хомо сапиенс, зверьё всё равно разумней тебя разумного, порядочней и чище во всех отношениях.

Ну а сейчас у «добытчиков» бичей пир горой, рекой льётся брага и самогон, упоительно пахнет жареным мясом, а непривычному едоку кажется что каждый кусочек на шипящей от жара сковородке скулит и тявкает. И хотя уже после первого стакана пошла, никто не слышит немых собачьих мольб, у этого мяса всегда будет привкус той нечеловеческой боли и слёз; эх вы, хомо сапиенс. Это был реквием, молебен по невинно убиённым собачьим душам. Аминь.

О Жеке

В одном из таких кильдымов частенько гостят и Жека с Арсеном. Жека крепкий сорокалетний Колымский мужик прошедший как и многие в этих краях суровую жизненную школу, зоновский беспредел, барачные драки и поножовщину, тонул да не утонул, горел да не сгорел, убивали да не убили, видно и здесь ангел хранитель подсобил, выручил.

Женька пахал в нашем «Гидроспецстрое» бурильщиком на врезке в машинный зал ГЭС, тряся на перфораторе зарабатывая приличные «бабки» и кучу неизлечимых болячек связанных со спецификой этой работы. У него была верная красавица жена, и немного уменьшенная копия мамы, почти взрослая дочь. Они были больше похожи на сестёр чем на маму и дочь. Казалось бы живи Евген, как все люди, люби ненаглядную жёнушку, выдай за хорошего человека дочь, дождись внуков и устрой себе с бабой с хорошую спокойную старость, пусть даже и на Колыме, ведь для вас обоих всё равно нет места краше чем сама река, сопки поросшие багульником и сосняком, тундры с морошкой, а где ещё есть такие хайрюза да таймени? В общем, живи не хочу. Ан нет! Спокойная жизнь не для нас, одним видно ветром меня с ним забросило в Южную Якутию на БАМ, но это уже совсем другая история.

Обретение друга

Эту небольшую историю о ссыльном кавказце абреке мне рассказал Женя но получилось что рассказ был обо всех, и обо всём понемногу, но больше о жизни, о той неизвестной которая никому не приснится и в страшном сне, но тем не менее это тоже жизнь, и она не лучше и не хуже других. Это зависит от того, кто ты сам, какой путь ты прошёл в жизни, что испытал, как ты смотришь на те или иные вещи, где ты родился, и живёшь сейчас?

А может тебя всё устраивает и тебе и так хорошо в том говне в котором живёшь с детства. Где больше подлости и цинизма, в безопасном амёбоподобном аморфном состоянии в говне, или в жизни полной событий и опасностей. Жить ради жизни, борясь и выживая, или выживать как опарыш в дерме, в ожидании пока оно совсем не высохнет, что означает что шансов у тебя ноль, ведь ты и сам полное дерьмо и таков твой удел, и третьего не дано.

Во, повело меня всё раскладывать по полочкам, а может я не прав и всё не так? Лучше буду рассказывать, расписывать о человеческих доблестях или подлостях, о героизме и трусости, о предательстве женщин, о их любви и изменах, обо всём из чего состоит жизнь, но выводы делать не мне, а тебе, это и будет твоё понятие жизни и бытия.

Оттянул Арсен свои 25 от звонка до звонка, и хотя многие знали о его серьёзной статье и в посёлке он жил очень давно, никто не мог сказать что знает его, или ему что-то известно о прошлом Арсена, для всех он был просто бывший зэк, абрек, человек без прошлого. Когда кто ни будь из самых «любопытных» пытался по пьянке что-то выпытать, у Арсена, глаза того делались белыми, из-за голенища сапога мгновенно появлялся огромный тесак, и у любопытного отнимался не только язык но и ноги. Доверял он только Женьке, который в тяжкую для Арсена минуту ни секунды не колеблясь, как таран врезался в кучу пришлых пьяных старателей решивших разобраться с «чуркой» раз и на всегда. Разобрались!

Вскоре два, уже кунака и побратима сложили тех в штабель и пошли обмывать новое родство, так Женька неожиданно обрёл друга и брата готового идти за ним в огонь и воду.

Арсен. Жить или умереть

Кунак может доверится только кунаку и постепенно Женя немного узнал о прошлой жизни Арсена. В той жизни было всё, и украденная по кавказскому обычаю невеста красавица горянка, и кровная священная месть, и солидный срок за то что убил слишком важного человека имевшего на горянку свои виды.

После чего и потянулась череда тяжёлых без малейшего просвета жизнь, в войну проसился на фронт в надежде на достойную смерть, но даже умереть как мужчине, ему и то не дали, не позволили. Даже туда не пустили, сказали: – В герои рвёшься, или в побег? Лучше тут сдохни, а мы тебе в этом поможем. И опять этапы, пересылки, были и неудачные побеги, но куда с Колымы бежать, жаль только что конвоиры не убили.

Арсен как и тысячи, десятки, сотни тысяч узников ГУЛАГА, бил шурфы, валил лес, его заваливало в золотоносных шахтах, стоя по пояс в горных ледяных ручьях он черпал со дна песок чтоб лотком намыть норму на кусок черняшки и миску баланды, неизвестно зачем но он пытался выжить. Через все круги ада пришлось пройти Арсену. Давно, очень давно он потерял счёт дням и ночам, месяцам и годам, и когда его однажды вызвали в «контору», и вручили справку об освобождении, но без права выезда за пределы Магадана, у него подкосились ноги, он сел и заплакал. Он плакал как мужчина, старый, чудом выживший в аду мужчина. СВОБОДА!

Но что делать с этой свободой, как жить? Кому он ещё нужен в этой жизни, кто из его родных остался в живых, кто помнит о нём? Он давно умер для всех, он давно умер для себя, он труп, он опустошён морально и физически, осталась лишь телесная оболочка с бездумными пустыми глазами. И он не первый кто выйдя из зоны был похож на зомби, после того страшного конвейера смерти под названием ГУЛАГ где все чудом уцелевшие были такими, их там сделали такими.

Колымчане хоть и суровые даже порой безжалостные люди, они всё же сердобольны, и ни о чём не спрашивая приютили обогрели подкормили, помогли с работой, поддерживали морально и физически. Да, это те люди которые сами прошли в жизни через многое сохра-

нив в душе сострадание. Это истинно русские люди, это сибиряки, северяне, Колымчане. Странно, но как многие другие, они его не боялись, они были такие же.

Арсен, абрек, мулла и поп, целитель и пьяница

Зимой Арсен отогревал казалось на веки поселившуюся в нём стужу у топки кочегарки, за одно обогревая и тех кто ещё не понял истинной цены физического тепла и тем более душевного. К нему шли как паломники к святым мощам в поисках того и другого, и неважно было людям какой он веры, он оказывал им помощь, давал силу и веру. Он лечил словом, он был мудрей и сильнее многих, но и он учился у людей вере и мудрости.

Летом, в котельной, как правило шёл ремонт но одно другому не мешало, работа пьянству, а пьянство наставничеству и исцелению ищущих, сомневающихся и заблудших душ.

О каждом обитателе того барака можно было написать целую повесть, да не больно откровенны и разговорчивы были эти не всегда добрые люди особенно когда разговор заходил о их прошлом. Об одном из рядовых дней той безалаберной жизни, тех безалаберных, но не до конца потерянных людей и пойдёт речь. Всё это было бы смешно если б ни было так грустно, а впрочем, как на это посмотреть.

В тот день, Жека получив нехилую зарплату Колымского буровика решил устроить по такому случаю, небольшой сабантуйчик. Обычно такие игрища устраивают сельчане в честь окончания посевной или уборочной, но получи они хоть раз такие бабки, они бы сотворили целый сабантуище размером как минимум в неделю. Да, он не сеял не пахал, он бурил что было не менее важно чем сельская страда, и на жалкое подобие настоящего сабантуя имеющего статус почти рядовой пьянки, смахивающей на банкет, бурильщик Женя, имел полное право. И так, вперед!

Заходит Жека в комнатуху к Арсену, это жилище аскета, где мутное оконце засиженное мухами, в короткой занавеске похожей на мини юбку тощенькой фифы. На столе клеёнка смахивающая на дырявую юбку нищенки, для гостей у стола стоит чудом не падая, кривоногая табуретка с первой группой инвалидности, но шконка с серым солдатским одеялом опрятна и аккуратно застлана, а щелястый пол чисто выметен. На кухонном столе старая электроплитка, облупленный эмалированный чайник и насквозь прочифирёная якобы алюминиевая кружка.

Жека:

– Арсен, на «бабки», хватай свой «гюрзак» и дуй за пойлом, да меньше ящика не бери, неча потом косым, зря ноги топтать, порожняк гонять, да закуси а бы какой прихвати, не алкаши ведь рукавом занюхивать.

Было бы сказано другом, и как словом так и делом, старый Арсен схватил выдавший виды и знававший лучшие времена рюкзак и помёлся вдоль по штрассе в сторону сельпо. Справедливо в общем-то, чьи-то ноги, чьи-то деньги, да и не резон Жеке лишний раз на улице светится, или баба засечёт или толпа жаждущих увяжется, с хвоста не сбросить, у них нюх что у ищеек.

Слух у них тоже ничуть не хуже, только сделай хоть одну «бульку» в стакашек, да ещё звякни горлышком о стакан, и вот они тут как тут, с сухими глотками, тряскими руками и бегающими просящими глазками. Это уж как водится. С Арсеном дела совершенно другие, о его бешеный взгляд разбивались многие надежды, хотя многие уже давно знали что Жека с Арсеном будут бухать, и что как правило, меньше ящика они не берут.

Так было всегда, но может быть сегодня всё будет иначе, больно сегодня настроение хорошее. Женька сидит на завалинке барака, весь прикинулся пеньком, с понтом совсем не при делах и никого не ждёт а просто «курит бамбук» и никакого Арсена он не знает. Гонит Женька понты а сам прекрасно знает что за ним десятки глаз секача давят.

А тут и этот хрен моржовый не вовремя из-за угла вываливает, он идёт как канатоходец по канату широко расставив руки, балансирует ими словно под ним не тундра Колымы а знаменитый Американский каньон глубиной триста метров. — Арсен, абрек хренов, ты что ползёшь как баба на сносях, или свои тухлые яйца боишься растряссти? — Дык душа моя Жека, груз то больно ценен, не ровён час споткнёшься, обороните мой Аллах с твоим Христосом, от беды столь великой.

Неудавшийся визит, или «Кобра и Хромой»

Женька сегодня больно добр, а это значит не к добру; — Не ссы Абрек, ещё разок смотеешься, ничего страшного. Гляди-ка Арсен-джан, небо чево-то хмуриться, может в кичман к Кобре завалим, она баба жёсткая «хвосты» в миг обрубит, посидим хоть спокойно, да и упасть там можно спокойно ежели что. — Айда.

Собутыльники друженько рулят в такой же вросший по самые окна барак, на крыше которого произрастает трава хоть сенокос учиняй. В этой избушке без курьих ножек проживает некая особа с погонялом «КОБРА». Никто не знал её истинного имени, для всех она была просто тётей «Коброй». Худая, не очень-то и старая, (этот спорный факт напрямую зависел от литража выпитого) но испитая женщина жила в комнатухе где был закуток с печью, с грубым кухонным столом со стоящей на ней электроплиткой и тазом с грязной посудой, какими-то полками на стене, и несколькими чурбаками вместо стульев.

За грязной якобы ширмой, на стене в якобы спальне красовался якобы ковёр, с грязно-серыми лебедями и пышнотелой красоткой в лодке размером с эсминец. У девы было громадное вымя с сосками в розовый огурец, витая коса деревенской девушки размером с коленвал и громадные похотливо-блудливые глаза фары. Да и вся она больше смахивала на трактор, так и хотелось что ни будь у неё открутить или разбить.

Из хилого берегового тростника застенчиво подглядывал за девой не то Сатир, не то Кентавр, больше похожий на беззубого зебро-тигра мутанта размером с бугая, и с толстой задницей из под которой выглядывали копыта с кастрюлю. А вот передними, лапами, почему-то с громадными когтями, он рыл землю с понтом: — Щас прыгну. Конечно он не хотел её скушать, потому как зубы она ему ещё раньше выхлестнула своим девичьим кулачком, теперь ему нужно было что-то другое, это было ясно и дураку. Ох опасная затея.

Этим произведением искусства тётя «Кобра» очень гордилась, ведь по её мнению это была единственная по настоящему ценная вещь в её апартаментах. С Коброй жил выпущенный из дома «Хи-Хи» жертва неудачного аборта, её сын, дебильный здоровенный парень с кликухой «Косой-Хромой».

Богом обиженный «Косой»

Да, он был таким, бог обошёл его стороной когда мозги раздавал, вот ведь фраер, нет бы всем поровну, так нет же, валил мимо бормоча; — зато от армии откосит а я потом его сразу в апостолы произведу, а со временем и сам Шойгу к нему на поклон придёт.

Так раздавая дары свои божьи он «канал» не оглядываясь, а чертяка хилая в кильватере за главным бог-менеджером, кого-то делал хромым, кого-то слепым, а кого-то сразу и косым. Дойдя до нашего уже пускающего пузыри знаконца, он его пожалел оставив крохи разума, но окосил его, охромил, а потехи ради и по своей сатанинской вредности наградил детородным органом больше ишачьего и яйцами по графину каждый.

Толи это было наказание, толи милость, ведь теперь он мог жить припеваючи просто показывая за деньги сей данный сатаной феномен. Но и опять же в этой истории всё непросто, оглянись вокруг и ты увидишь сколько дураков вокруг тебя, видно не одного соискателя

на ум, боженька обошёл стороной, а сейчас они плодят себе подобных хромым, косых и бес-толковых, хотя родине нужны герои.

Косой-Хромой конечно не Распутин, но многие женщины знали о природном феномене и мечтали хотя бы одним глазком взглянуть на это чудо природы, им казалось что после этого на них сразу снизойдёт божья благодать.

Про все эти женские козни и происки, Кобра знала и когда была в себе, пресекала как только, так сразу. – Мал ещё сынок у меня, тридцать лет всего-то, испортить его хотите шалавы. Но ежели на обшарпаном столе появлялся огнетушитель старого Бургундского, (бормотухи) а то и два, то: – Иди сынок тётей за печку иль в кусты зелены, покажи тёте что она хочет, и тогда «Косой» сопя послушно шёл за новой эстремалкой, и искательницей острых ощущений. А вот что они делали в тех кустах, можно только догадываться, потому что в «этом» деле у него как раз был полный и совсем не дурацкий порядок.

Облом друзья, облом!!

Арсен с Жекой тормозятся у дверей оббитых полусгоревшим ватным одеялом и по старой джентльменской привычке врезают по ней ногами, но в ответ ноль эмоций, дверь которая никогда в жизни не запиралась вдруг молчит. И сама, как всегда гостеприимно не распахивается, и даже приветственного мата и шухера по поводу визита столь дорогих гостей не слышать. Берлинская стена блин вдруг образовалась, не к добру это, не к добру. Друзья опять выходят на свет божий сознавая что на одной Кобре свет клином не сошёлся и с таким количеством пойла они везде желанные гости. Они уже было отдали концы и взяли курс в другой порт, но им вдруг захотелось узнать причину отказа в элементарном визите вежливости, ведь даже Шампанское у них своё, подайте «медам» только фужеры

– Арсен джан, душа моя, загляни-ка будь так добр в ту дыру именуемую форточкой, может там ты обнаружишь хладные трупы наших друзей? Арсен не нагибаясь и не подымая головы просто отодвигает рукой грязную, якобы занавеску, заглядывает в тёмную протухлость комнаты и вдруг громогласно на всю улицу орёт: – Жжека, Косой-Хромой, Кобру пялит, сукой буду, век воли не видать! Жека тоже подошёл, глянул, плюнул во внутрь; – Айда Арен отсель, неча на дебилов пялится.

Возглас Арсена был услышан многими, но шпана болтающаяся рядом с баракком, отреагировала первыми, и почти сразу у заветного окошка выстроилась очередь молодых отроков горящих желанием таким образом постичь науку грехопадения. А один здоровенный недоросль с тёмным пушком на губе уже устанавливал очередь, собирая с мелкоты за просмотр интима по десять копеек: – Налетай народ, одна только серия и та скоро кончится, и повтора не будет.

Наверное этот прыщавый урод собирающий с пацанов мзду за чужое «кино» был из приличной еврейской семьи, будущий олигарх, нашим русакам до этого не додуть. Менталитет у нас другой и мозги по другому устроены, нам проще так отдать, живя по принципу: – Что пожалел, то пропало, что отдал то к тебе вернулось. Понимай как хочешь, но это доброта. И да будем мы всегда такими. – Не каждый умеет петь, не каждому дано яблоком упасть к чужим ногам (С. Есенин)

А на кладбище всё спокойненько (В. Высоцкий)

Было у кентов ещё одно заветное местечко куда всегда можно было приходить в любое время суток зная что никто и никогда не потревожит твой покой. Местная компания алкашей в посёлке была приличная, но никто из них никогда не пил на кладбище, здесь можно было

орать песни но никто тебе никогда не подпоёт, здесь тебя могли избить а то и убить, но никто и никогда тебе здесь не поможет и не заступится.

Здесь лежало много знакомых и ровесников, были и младше тебя и старше, но ты постепенно будешь стареть а они навеки останутся такими же молодыми, или на оборот старыми. Здесь ты станешь старше своих ровесников, а ещё через какое-то время они уже будут годится тебе в сыновья а потом и во внуки. Но всё это происходит в этом месте не потому здесь пуп земли, и не потому здесь какой-то временной портал или дыра в какое-то другое измерение, а просто здесь кладбище, погост.

А и лепота же вокруг, везде скамеечки, столики под навесами как в кафе или «бистро», здесь можно посидеть погоревать, поговорить с покойниками, слушая при этом себя и свои мысли. Здесь можно поиздеваться над лучшим врагом твоей жизни ушедшему раньше тебя, сам виноват, довыпендривался гад! Здесь можно, и даже нужно выпить за упокой их душ, пусть будет им всем земля пухом, и правым и виноватым.

Вот в такое благодостное место наши друзья и прибыли. На всех могилах стаканчики гранёные стоят прикрытые корочкой хлеба, а цветов, цветов-то, райские кущи на земле в натуре, ну прям как на зоне у «кума», видно тот тоже тосковал гад по кладбищу, знал что его ждёт. А в общем, благодать, это вам не вонючая берлога Кобры куда по запарке чуть не попали. Ладно если б это случилось зимой, когда от мороза член приходится выковыривать из нутра чтоб пописать на волю а не в штаны, а то ведь лето на улице, птички порхают и поют, ручейки журчат, а зеленая молодая травка так и приглашает прилечь на неё нетоптаную.

Облюбовали столик с широкими лавками, да под навесом от дождя, взяли у знакомых с могилок стаканы, (пообещав вернуть полными) сполоснули их водкой, порядок. Арсен по старой бандитской привычке, кинжалом мгновенно повспарывал какие-то банки, «элегантно» накромсал огурчиков с помидорками, потом сотворив молитву и бормотнув как бы про себя: – Аллах мина прасти, благовейно нарезал розового с прослойками и чесночком сала, – хлэб кынжалом нэлзя рэзать, грэх балшой, наломал его руками, потом живописно раскидал по столу укроп, ярко красный редис, молодой ярко зелёный молодой лук и петрушку. Это был великолепный натюрморт в центре которого возвышались на половину полные гранёные стаканы.

Взяли их в руки и неожиданно застыли, притихли озирая всю эту окружающую их красоту. Они смотрели на живописный натюрморт, дары матушки земли, на дальние поросшие сосняком и багульником сопки, на ленту Колымского тракта с бегущими словно букашки автопоездами. Смотрели на могилки где лежали их друзья и враги, земляки и просто знакомые. Как бы со стороны они видели и себя застывших со стаканами в руках, это был какой-то транс, нирвана, они были здесь, но их души были где-то далеко. Возможно они общались с потусторонним миром или с душами давно ушедших от нас людей. Всё это продолжалось не долго, они вновь вернулись в этот мир, подняли стаканы, молча выпили посмотрели друг на друга и также молча задали мучивший их вопрос; – а что это было?

– Да, непростое это место, говорили старики что на этом месте когда-то в старину здесь камлали шаманы. Также молча для закрепления эффекта выпили по второй и опять застыли. Друзья ценили такие вот моменты, и не смотря на большую разницу в возрасте они понимали друг, друга. Они молчали без отчуждения и казалось что между ними происходит какой-то немой диалог.

Если один из них что-то рассказывал из своей лагерной жизни, другой никогда не перебивал, хотя слышал эту историю множество раз, и он опять в который раз проживал те события вместе с другом. Хотя Жека и был сидельцем со стажем, но он не видел, не прошёл и десятой доли того что пришлось испытать старому кавказцу. Колымский ГУЛАГ, это золото, лагеря смерти, карцеры, буры, тяжкая на износ работа, борьба за выживание и пайку

хлеба. Была и страшная резня сук с ворами с 47года по1950г, сейчас это уже история похожая на страшную сказку. Но эта сказка-быль унесла десятки, если не сотни тысяч зековских жизней, да и толстомордые наглые охранники в любой момент могли расстрелять любого просто так, ради шутки или развлечения.

Этого никогда нельзя было забыть и у Арсена иногда в глазах появлялся ужас тех страшных лет, он уходил в себя, он опять был там в окровавленной дикой толпе сук и воров. Он не был ни тем ни другим но он оказался между тех жерновов. Он помнит снег пропитанный кровью, помнит уничтожающих друг друга зеков и толпу сытых красномордых охранников со злобными овчарками на поводках и автоматами на изготовку. Овчарки тоже ненавидели зеков, считая предателями их ненавидел весь народ, страна, государство, которое имело целью полное уничтожение их как класса.

Чем больше будет их уничтожено, тем послушнее будут другие. Даже воздух был пропитан кровью, болью и ненавистью, это был ад а аду!. Надежды нет, но ещё были живы Сталин с Берией, и многие и заключённых так и не дожили до 1953 года, поры отмены приговоров, смягчения режимов, оправдательных приговоров, амнистий. Умер один тиран, второго расстреляли, государственная машина умерщвления стала давать сбои, заскрипела и осталась развалившись. Для смазки всех тех страшных шестерён, жерновов нужна была кровь, очень много крови.

Она мне представляется живой и страшной, и я не зря боюсь что в какой-то момент она вновь оживёт, закрутится скрипя и требуя человечины, крови, ибо эта машина Государство. И если нам всем будет всё равно кто управляет этой страшной машиной, то всё повторится сначала. Государство можно не любить, его можно ненавидеть, но нельзя не любить страну, родину, народ, потому что ты хоть и малая но ты часть народа, песчинка из которых образуются похожие на морские волны дюны которые грозят бурей. Никогда не будь в стороне, никогда не будь равнодушным, никогда не надейся что самое плохое случится не с тобой или с твоими близкими, а с кем-то. Такого рода спокойствие это душевная подлость с которой нельзя жить, твои дети и внуки не поймут тебя и никогда не простят.

Арсен, был одним из тех, из выживших, раз и на всегда потерявших чувство страха, самое страшное, он уже видел, он его прошёл. В любой ситуации, в любой компании его слово было решающим, оно было законом и дважды не повторялось. Похожую картину я наблюдал у ездовых собак и почти похожие у волков.

Молодые здоровые сытые волки играли, бесились, прыгали друг через друга и даже через дремавшего на снегу старого вожака. Потом видимо ему всё это надоело, или кто —то просто задел его, он не открывая глаз что-то рыкнул и вся стая сразу легла на брюхо. Тот же молодняк лёжа на брюхах подполз к нему виновато заглядывая в глаза и миролюбиво в знак дружбы и почтения виляя хвостами. Он опять им ворчливо по стариковски что-то «сказал», встал, покрутился вытаптывая себе новую лёжку, тяжело вздохнул и опять улёгся прикрыв глаза.

Лицо Арсена со страшными шрамами напоминало морду старого вожака, а орлиный горбоносый профиль говорил о хищности и отваге. Всё это в облике Арсена, вместе взятое внушало если не ужас, то страх и уважение.

Байка от Арсена о Евражках

Как ни хорошо молчание с полным пониманием природы, себя и обстановки, но молчать вечно тоже не будешь, и после пятого стакана видимо что-то вспомнив, Арсен вдруг заулыбался, похмыкал и заговорил, и это было что-то новое, ранее не слыханное и даже как ни странно но кажется с юморком.

Одно время Женя я работал на расконвойке, ми рубили в тайга профили под ЛЭП. Перед этим, нам выдали инструмент, топоры, пилы поперечки, ну там ещё котёл для каши, чайник чифирной с кружками, мешок муки для лепёшек, каких-то круп, гороху тоже мешок дали, в общем всё только для того чтоб сразу с голодухи не загнулись, а тот кто останется в живых за всё в ответе и будет. С тем наши «благодетели» и отчалили.

Уже шли пятидесятые года, режим стал помягче, многих на поселение отпустили, нас вот на расконвойку на трассу направили. Только вот час от часу не легче, свобода вроде близка, и идти в бега нет смысла, да и некуда, оголодаешь в тайге иль на тундре, сам возвернёшься прямком в карцер. Прикинь Жек, кругом глухая тайга, зверь рядом ревет а подходить боится, вэришь Жек, зубами порвали бы даже мишку. Мы ставили на звериных тропах петли, зверь нейдёт, чует падла зека, дух от нас шёл лагерный ничем не перебить было. Оголодали совсем было, ждём не дождёмся ягодной да грибной поры, а пока от зелёнки кровью дрищем.

Мошка да гнус житья не дают, дымари не помогают, гоним дёготь да тем мало-мало и спасаемся. Дни идут, пашем стараемся, обещали срок скостить, да не больно вериться, да и при таком скудном харче шибко не наработаешь. Трасса эта, просека проходила на границе Колымского и Якутского краёв, инородцев, самоедов мы видели, да только они от нас как чёрт от ладана, страх у них великий к нашим. Было дело, беглые зека убивали грабили, насиловали, да только самоеды их потом всех до единого положили, охранникам оставалось трупы пересчитать да на дровнях увезти на зону для отчёту значит. Отвлёкся я, слушай далё.

Стояли мы лагерем у старого Якутского стойбища, недалече от их кладбища, «жмурых» якутов и своих мы не боялись, они добрые, они спят, живых нужно бояться, хоть зверя хоть человека но того что на ногах, пуще. К той поре якуты своих покойников уже хоронили в могилах, а не как раньше в берестяных кулях на деревьях, могилы правда копали неглыбко, мерзлота не давала, с полметра выдолбят и ладно, остальное камнями закидают повыше чтоб зверь не достал да и чтоб жмурик не смог вылезти если передумает вдруг.

А так, в вечной мерзлоте он падла будет лежать как новенький хоть сто лет, только румянец да иней на щеках появятся. — Откуда я это знаю? Самедов когда хоронят во всё новое одевают, ну там кухлянка али малица, новые торбаза, рукавицы меховые, иногда малахай но чаще малицы были с капюшонами, ну худо бедно, при случае прибарахлится можно, если Евражка не погрызла. Только вот, мелкие они, на нормального мужика ни одна обнова со жмурика не полезет, но бывает что и в пору.

Замерзали мы как-то в стужу, за —60 давило, а останавливаться нельзя, каюк сразу, тех кто падал подымали, тащили на себе, бросать нельзя, грех большой, да и не по мужски это. Спасло нас Якутское кадбище, набрали мы вот на такой же погост, курумник коим могилки были завалены от зверя, кое как разворотили, достали тех кому эта парадная роба уже не нужна была, раздели поснимали торбаза, тёплые шапки, кухлянки малицы, сняли всё меховое тёплое.

Это нас спасло от неминуемой гибели, а якутов мы опять уложили досыпать, так же опять завалили камнями только ещё выше, чтоб они не вздумали за нами голышом шастать, им хоть мороз и до фенечки, но неприлично ведь? Женька давится от смеха, и согласно кивает головой. Не сговариваясь плеснули в стаканы, не чокаясь выпили, согласно закурили, один наострил уши в ожидании продолжения рассказа, а другой глубоко затянувшись дымком, продолжил свою байку.

— Дак, я это к чему рассказал-то?

— И вот стоим мы у старого якутского погоста, мужики лес валят а я по нечайке ногу сломал, древом придавило, кое-как привязал к перелому палки думал отлежаться малёхо да нету-то было. Бугор грит; — воды из ручья мы тебе притартаем, хворосту насечём, ну а дальше абрек давай уж как ни будь сам, знаешь ведь что каждая пара рук дорога, придём на обед, спросим. Сижу про себя думаю; — Какой-такой каша когда даже капли масла нет,

не говоря о мясе. —Бурундуков што ли наловить, аль белок? А как? Нога болит спасу нет, хоть волком вой, тута гляжу мимо меня Евражка бежит, за ним другой, потом трэтий, потом ишо и ишо, с зона навэрное будэт. Жень ти знаешь, что Евражка ето такой балшой, тундровий миш, как суслик?

— Ти понал мина? — Куда он бижал? —К Якуту в могилка бижал! Евражка бижит туда худой худой, там якута кушает становится толстый толстый, и даже за щёки у него набито про запас. Возмил Арсен палка, сыжу жду у норка. Евражка вылазит ничо не видит, а тут я его па башке, па башке, на! Шкурка снимаю, рэжу, якута из бруха вытряхиваю опять в Якутию, а Евражка в котёл. Женька хохочет, Арсен божится, — Сукой буду, блядям стану, не заставляй Жек старого сидельца говорить непотребное, верь на слово.

— Извини Арсен я тащусь не от того что не верю, просто представляю всё это со стороны, — ну как же тебя не грохнули за такие дела? Эээ, дарагой наливай скорей пока я сам себя не грохнул за задержку тоста.

Слушай мина Жек дальше: — Я их штук сорок наловил, жирные оказались, вкусные, мужики едят Арсена нахваливают; — молодца Арс, знатных белок ты добыл. Не знали они что ели, самого бы вместо Евражек в расход пустили бы. Женька хохочет а потом; — Арсен, глянька своим орлиным взором, никак пол деревни вдруг вспомнило о своих покойниках? —Ну теперь пойдёт гулянка на погосте, на костях своих близких, вон даже гармонь тянут за собой, да и гитару не забыли, вот такие мы русские, и другими быть не можем да и не хотим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.